ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА КОЗАЧЕСТВА НА ПРАВОЙ СТОРОНѢ ДНѢПРА.

По актамъ съ 1679 по 1716 годъ.

СОСТАВИЛЪ

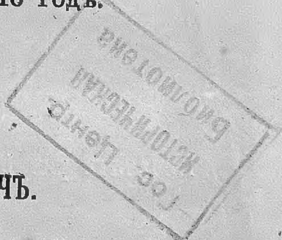
ВЛАДИМІРЪ АНТОНОВИЧЪ.

Извлечено изъ 2-го тома III части Архива Юго-западной Россіи, изданнаго Кіевскою коммисіею для разбора древнихъ актовъ.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Е. Федорова.
1868 г.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА
КОЗАЧЕСТВА
НА
ПРАВОЙ СТОРОНѢ ДНѢПРА.

По актамъ съ 1679 по 1716 годъ.



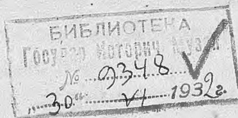
СОСТАВИЛЪ
ВЛАДИМІРЪ АНТОНОВИЧЪ.

Извлечено изъ 2-го тома III части Архива Юго-западной Россіи, изданнаго Кіевскою коммисіею для разбора древнихъ актовъ.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Е. Федорова.
1868 г.

Печатать разрѣшается. Октября 4 дня 1867 года.

Предсѣдатель Коммиссіи *М. Юзефовичъ.*



Въ 1667 году былъ заключенъ Андруссовскій договоръ, по которому Россія отказывалась въ пользу Польши отъ западной половины Украины. Паническій страхъ объялъ жителей Малороссіи, когда дошли къ нимъ первые, неясные и преувеличенные слухи объ Андруссовскихъ статьяхъ, «о таковомъ всѣмъ козакамъ неполезномъ Андруссовскомъ торгу [1])»: распространилась молва, что Россія порѣшила уничтожить козачество и возвратить цѣликомъ Украину Польшѣ «и встали шатости на Украинѣ [2])»; «вся старѣйшина и посполитый народъ зѣло страхомъ смущенни розумѣли, же нужно было возстати внутренимъ и явственимъ въ народѣ возмущеніямъ [3])». Но вскорѣ истина выяснилась,—пожертвована была только правая сторона Днѣпра. Тѣмъ въ большее уныніе пришли козаки и посполитые люди, населявшие эту пожертвованную половину; ихъ кровопролитныя, полувѣковыя возстанія, исполненныя самоотверженія войны, перенесенныя бѣдствія, все испытанное двумя поколѣніями горе—оказывалось безплоднымъ: въ землю ихъ опять наѣдутъ ненавистные паны и станутъ обращать въ хлоповъ народъ, свыкшійся уже съ мыслью о свободѣ; наѣдутъ еще болѣе ненавистные ксендзы, латынскіе и уніятскіе, и станутъ опять насильно обращать въ унію и въ католичество, отбирать церкви, изгонять духо-

---

[1]) Лѣтопись Велички Т. II, стр. 134.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 50.

[3]) Лѣтопись Грабянка, стр. 193—194.

венство. Народъ Южнорусскій зналъ по долголѣтнему опыту Поляковъ, онъ чувствовалъ, что тѣ статьи договора, которыя обеспечивали свободу личную и свободу вѣроисповѣданія, не будутъ ими сохранены на дѣлѣ и что, кромѣ гнета, испытаннаго прежде, прійдется вынести все бремя мести за продолжительныя возстанія и войны. Поляки сами предъупредили возможность всякаго въ этомъ отношеніи сомнѣнія. Еще до полученія извѣстія о заключеніи договора, въ Украину явился съ отрядомъ польскаго войска одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ польскихъ военачальниковъ, региментарь Маховскій, и сталъ огнемъ и мечемъ разорять Брацлавщину, подъ предлогомъ приведенія жителей въ повиновеніе Речи Посполитой. Народу нельзя было примириться съ мыслью о возвратѣ къ Польшѣ, между тѣмъ другого исхода не представлялось: Россія отказывалась по Андруссовскому договору отъ покровительства надъ западною половиною Украины, слѣдовательно на ея помощь, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени, нельзя было разсчитывать. Въ отвѣтъ на жалобы, бояре, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, писали козакамъ: «чтобы они, для блага Украины, по Андруссовскому постановленію находились въ вѣрномъ подданствѣ короля Польскаго [1])».—Собственныя силы оказались недостаточными для борьбы съ Поляками при Хмѣльницкомъ, тогда, когда вся Украина дѣйствовала за одно, тѣмъ болѣе не возможно было положиться на нихъ теперь, когда вся тяжесть борьбы ложилась на одну только половину, болѣе всего пострадавшую и обезлюдѣвшую въ теченіе предшествовавшихъ войнъ; между тѣмъ всѣ желанія народа устремлялись къ тому, чтобы, не смотря на Андруссовскій договоръ, не отдѣляться отъ восточной Украины, которая

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малороссіи, Т. II, стр. 134.

должна была оставаться подъ покровительствомъ Россіи. Вскорѣ явилась возможность обойти договоръ, согласно правиламъ тогдашней дипломатіи. Въ 1667 году былъ освобожденъ изъ польскаго плѣна человѣкъ весьма даровитый и весьма популярный въ Южной Руси—митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій; возвратившись въ Украину, онъ поселился въ Чигринѣ, сблизился съ гетманомъ Дорошенкомъ, тогдашнимъ представителемъ западной Украины и сталъ руководить всѣми его дѣйствіями [1]). Повинуясь вѣроятно внушеніямъ Тукальскаго, Дорошенко сталъ оттягивать, подъ всевозможными предлогами, переговоры съ Поляками, отправившими въ Острогъ коммисаровъ для постановленія условій, на которыхъ западная Украина должна была поступить въ польское владѣніе, и между тѣмъ завелъ дѣятельныя сношенія съ Турціею. Онъ предложилъ Султану подчинить ему Украину, какъ вассальную область, подъ условіемъ, что Турки помогутъ козакамъ отбиться отъ Поляковъ. Предложенія его были приняты благосклонно въ Константинополѣ. Конечно, разсчитывать на прочную связь съ Турціею было невозможно. Хорошо извѣстныя козакамъ отношенія Турціи къ вассальнымъ государствамъ—Молдавіи и Валахіи, не предвѣщали ничего добраго для Украины: продажа съ публичнаго торгу господарскихъ мѣстъ, полная зависимость участи и жизни господарей отъ каприза султана и его визирей и отъ положенія партій, волновавшихъ сераль, открытое поле для интригъ, подкуповъ и доносовъ, вѣчное соискательство власти со стороны претендентовъ, добивавшихся ея въ Константинополѣ за деньги, постоянное вмѣшательство Турокъ во внутреннее управленіе страною, присутствіе турецкихъ пашей и гарнизоновъ въ румынскихъ крѣпостяхъ, произвольное взыманіе

---

[1]) Załuski—Epistolae historico-familiares T. I, Ч. I.

дани и поборовъ, наконецъ ежегодное почти требованіе вооруженнаго контингента въ помощь Туркамъ, во время военныхъ ихъ дѣйствій противъ христіанскихъ государствъ,— вотъ картина, представлявшаяся козакамъ въ придунайскихъ княжествахъ, какъ образецъ вассальныхъ отношеній къ Портѣ. Если обратить притомъ вниманіе на вѣковую вражду къ Туркамъ, развившуюся во всей массѣ южнорусскаго народа, какъ вслѣдствіе религіознаго отвращенія къ мусульманамъ, такъ и вслѣдствіе продолжительныхъ враждебныхъ сосѣдскихъ отношеній, то ясна была на первый взглядъ полная невозможность установленія правильной, продолжительной связи Украины съ Турціею. Но подчиненіе Турціи представляло временную выгоду, которою необходимо было возпользоваться, за неимѣніемъ другого исхода въ томъ положеніи, въ какое стала западная Украина вслѣдствіе Андруссовскаго договора. Выгода эта именно и состояла въ возможности обойти этотъ договоръ: если Турки отстоятъ Украину и принудятъ Поляковъ отказаться отъ нея формально по договору, то возможность присоединенія къ Россіи возстановится: Россія отказалась отъ Украины въ пользу Польши, но она не связана никакимъ условіемъ по отношенію къ Турціи. Естественное отвращеніе народа къ Туркамъ и враждебныя отношенія къ нимъ Россіи должны были ручаться за счастливый исходъ этой комбинаціи. Дѣйствительно, дальнѣйшія событія оправдали вѣроятность подобнаго предположенія, хотя и пришлось заплатить слишкомъ дорогою цѣною за его осуществленіе.

Въ исходѣ 1669 года къ Дорошенку явился султанскій чаушъ съ объявленіемъ о принятіи его султаномъ въ подданство. Первое впечатлѣніе, произведенное на народъ этимъ извѣстіемъ, было, самое тяжелое. Когда Дорошенко объявилъ козацкой старшинѣ на радѣ, собранной имъ въ Корсунѣ, о прибытіи чауша и о заключеніи договора съ

Портою, то всѣ единодушно заявили свое негодованіе, и гетману едва удалось уговорить полковниковъ допустить чауша въ раду. Негодованіе народа было еще сильнѣе,— одни не вѣрили слуху, другіе предлагали низложить гетмана, осквернившагося подчиненіемъ христіанской страны невѣрнымъ. Но сколь ни сильно было это негодованіе въ первую минуту, оно должно было умолкнуть въ виду предстоящей необходимости; выбора не было: въ случаѣ отказа отъ турецкаго владычества, народу предстояло подчиниться Полякамъ, а ихъ господство, по народному взгляду, представлялось еще хуже турецкаго. Наконецъ, чувства народа были значительно успокоены ручательствомъ митрополита Тукальскаго: немедленно послѣ прибытія султанскаго чауша, митрополитъ разослалъ воззваніе къ духовенству, въ которомъ убѣждалъ молиться на ектеніяхъ «о благочестивомъ и Богомъ данномъ гетманѣ Петрѣ [1])». Слово представителя религіозныхъ интересовъ народа, человѣка притомъ пользовавшагося лично любовью и уваженіемъ народа, должно было значительно смягчить недовѣріе его къ новому союзу.

Между тѣмъ польское правительство, увидѣвъ грозившую ему бѣду, рѣшилось предъотвратить ее; лучшимъ средствомъ для этого Поляки считали выставить Дорошенка человѣкомъ, захватившимъ власть самопроизвольно и неимѣющимъ права заключать какіе-бы то ни было договоры и сдѣлки, противупоставить ему другого гетмана, преданнаго Польшѣ и законно признаваемаго ея правительствомъ. Между тѣмъ какъ польскій посланникъ въ Константинополѣ увѣрялъ турецкое правительство въ шаткости и беззаконности власти Дорошенка и представлялъ его человѣкомъ вѣроломнымъ и ловкимъ авантюристомъ, разосланы были королевскіе универсалы къ полкамъ брацлавскому и

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Т. II, стр. 121.

уманскому, занятымъ польскими войсками. Въ универсалахъ этихъ польское правительство, щедро расточая обѣщанія, требовало отъ козаковъ, чтобы они выбрали новаго гетмана, такъ какъ Дорошенко утратилъ право на власть, вслѣдствіе своихъ сношеній съ Турками. Такимъ образомъ избранъ былъ гетманомъ, при содѣйствіи сильнаго польскаго вліянія, бывшій уманскій полковникъ, Михайло Ханенко. Конечно, на дѣлѣ власть этого гетмана была чисто призрачна и она пригодна была Полякамъ только вслѣдствіе дипломатическаго значенія его гетманскаго титула. Народъ, не смотря на отвращеніе къ Туркамъ, не поддавался польскимъ прелестямъ: «Поляки потеряли надежду на захватъ западной Украины и думаютъ хоть за хвостъ ее придержать [1])» говорили въ Украинѣ. Сами дипломаты польскіе сознавались: «правда, едва нѣсколько тысячъ козаковъ признаютъ власть Ханенка, но своимъ титуломъ онъ будетъ импонировать Дорошенку и Татарамъ [2])».—Желая, по мѣрѣ возможности, водворить власть своего кандидата и предъупредить появленіе Турокъ, польское войско, подъ начальствомъ великаго короннаго гетмана Іоанна Собескаго, принялось осаждать города въ Брацлавщинѣ и насильно подчинять народъ подъ «рейментъ» Ханенка. Но турецкое правительство не было также обмануто происками польской дипломатіи и не желало дать Полякамъ времени для занятія Украины. Въ декабрѣ 1671 года въ Варшавѣ получена была султанская грамота, которою предписывалось Полякамъ добровольно отказаться отъ Украины, прибѣгшей къ покровительству султана, или готовиться къ войнѣ [3]). Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году, весною, Мугамедъ IV, во главѣ многочисленной арміи турецкой, къ

---

[1]) Лѣтопись Велички, Т. II, стр. 238.

[2]) Załuski. Epistolae historico-familiares, T. I, Ч. I, стр. 298.

[3]) Przezdziecki, Podole, Wołyń i Ukraina, T. I, стр. 201.

которой присоединились: ханъ съ крымскими ордами и Дорошенко съ козацкимъ войскомъ, осадилъ Каменецъ и принудилъ къ сдачѣ этотъ сильно укрѣпленный городъ, вслѣдъ за тѣмъ Турки осадили Львовъ.—Король польскій, Михаилъ, не имѣя силы сопротивляться, просилъ мира, который и данъ былъ ему Турками. По договору, заключенному въ Бучачѣ, Поляки обязывались платить Туркамъ ежегодную дань, уступить имъ на вѣчныя времена Подоліе, обязывались вывести свои войска изъ Украины, очистить Бѣлую-Церковь и другія крѣпости и признать всю эту область собственностію козаковъ, находящихся въ зависимости отъ Турціи [1]). Такимъ образомъ выполнена была первая половина программы: посредствомъ Бучацкаго договора упразднялись невыгодныя послѣдствія, вытекавшія для западной Украины изъ договора Андруссовскаго,—Турками вытиснуты были Поляки,—слѣдовало теперь приступить къ исполненію второй половины задуманнаго плана,—съ помощью Россіи отдѣлаться отъ Турокъ и такимъ образомъ соединиться съ восточною Украиною. Выполненію этой второй половины предположенной задачи помѣшало личное честолюбіе предводителей козацкихъ. Дорошенко разсчитывалъ, конечно, на сохраненіе власти въ отстоянной имъ отъ Поляковъ области; онъ готовъ былъ перейти въ подданство Россіи, о чемъ «билъ челомъ» неоднократно царю Алексѣю Михайловичу, но хотѣлъ при этомъ сохранить гетманскую булаву; безъ соблюденія же этого условія онъ, не обращая вниманія на общественное мнѣніе народа, не рѣшался оставить турецкое покровительство. Съ другой стороны, въ восточной половинѣ Украины выбранъ былъ, въ 1672 году, въ гетманы человѣкъ, не уступавшій Дорошенку въ ловкости и честолюбіи, и успѣвшій при-

---

[1]) Sękowski.—Collectanea z dziejopisów Tureckich T. II, стр. 71—86.

томъ снискать полное довѣріе русскаго правительства,— это былъ Иванъ Самойловичъ. Желая воспользоваться и уничтоженіемъ, посредствомъ Бучацкаго договора, относящихся къ Украинѣ статей Андруссовскаго трактата, и настроеніемъ общественнаго мнѣнія, онъ разсчитывалъ на возможность присоединить прямо подъ свой «рейментъ» западную Украину и, вмѣстѣ, съ тѣмъ, уничтожить въ свою пользу двоегетманство, терзавшее козачество почти со времени Хмѣльницкаго. Такимъ образомъ, личная борьба двухъ гетмановъ должна была усложнить и безъ того трудную политическую задачу, раздвоить и ослабить общественное мнѣніе народа, дать новые шансы успѣха общимъ врагамъ и, наконецъ, привести спорную область въ состояніе полнаго разоренія.

Между тѣмъ война между Турціею и Польшею вспыхнула съ новою силою. Сеймъ не утвердилъ заключеннаго королемъ Бучацкаго договора, но, не смотря на всѣ усилія Поляковъ и на блестящія военныя дарованія гетмана короннаго, Собескаго, нанесшаго Туркамъ рѣшительное пораженіе при Хотинѣ, имъ не удалось отнять разъ уже уступленное Подоліе. Турки энергически отстаивали свою добычу и готовились силою вынудить у Поляковъ признаніе Бучацкаго трактата. Самойловичъ сообразилъ, съ какою выгодою можно воспользоваться временемъ борьбы, отвлекавшей силы обоихъ противниковъ, для того, чтобы сдѣлать попытку, съ цѣлью освобожденія западной Украины отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Въ первыхъ числахъ 1674 года онъ, съ разрѣшенія Царя, переправился черезъ Днѣпръ, въ сопровожденіи русскихъ воеводъ: князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и Петра Шкуратова, съ значительными русскими и козацкими силами. Народъ и козаки, на правой сторонѣ Днѣпра, встрѣтили Самойловича съ полнымъ сочувствіемъ: всѣ города отворяли пе-

редъ нимъ ворота, цѣлые полки козацкіе переходили на его сторону, народъ принималъ его какъ избавителя отъ польскаго и татарскаго ига.—Но Дорошенко былъ недоволенъ тѣмъ, что подготовленная имъ развязка обращается въ пользу Самойловича, которому приходилось пожинать лишь готовые плоды. Не будучи въ состояніи пожертвовать личнымъ самолюбіемъ, онъ чувствовалъ, что обстоятельства захватили его въ расплохъ и разтерялся. То старался онъ принять пассивную, выжидательную роль, то пытался оттянуть дѣло, устрашая Самойловича вооруженнымъ отпоромъ. Но ни то ни другое не удавалось: народный порывъ усиливалъ съ каждымъ днемъ количество приверженцевъ Самойловича, а старшина и войско козацкое, отправленное противъ него Дорошенкомъ, перешло на его сторону, слѣдуя примѣру генеральнаго судьи, Якова Улезка, и корсунскаго полковника, Михаила Соловья. Наконецъ Татары, двинувшіеся противъ Самойловича, были разбиты козаками; вскорѣ Дорошенко былъ оставленъ всѣми,—онъ заперся въ Чигринѣ съ своими наемными сердюцкими полками. Чувствуя превосходство своего положенія, Самойловичъ рѣшился узаконить свой успѣхъ; въ Переяславль созваны были на раду всѣ старшины козацкіе и Самойловичъ предложилъ имъ выбрать новаго гетмана, общаго для обѣихъ сторонъ Днѣпра; приглашенъ былъ наровнѣ съ другими и Дорошенко, но онъ не явился, утверждая, что если раду отсрочать на полъ года, то онъ готовъ будетъ сложить на ней гетманскую власть и подчиниться ея выбору; между тѣмъ онъ извѣстилъ Алексѣя Михайловича о своей готовности подчиниться Россіи, если будетъ признанъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра [1]). Но предложеніе его опоздало, рада не была отсрочена. На нее явился и Михаилъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Т. II, стр. 154.

Ханенко, которому наскучила жалкая роль, какую приходилось играть въ качествѣ подставного польскаго гетмана. Услышавъ о подчиненіи всей Украины Самойловичу, онъ оставилъ польскій лагерь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ намѣренъ расположиться въ Кіевскомъ Полѣсьи, оставшемся во власти Поляковъ, и оттуда не допускать Дорошенка идти на помощь Туркамъ [1]). Онъ дѣйствительно отправился въ Полѣсье, но козаки, сопровождавшіе его, ограбили на дорогѣ полѣскихъ шляхтичей, переправились черезъ Днѣпръ [2]) и явились на раду въ Переяславль, гдѣ Ханенко сложилъ полученную отъ Поляковъ булаву.

На переяславльской радѣ Самойловичъ единогласно провозглашенъ былъ, не смотря на притворное нежеланіе, гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра; но для того, чтобы быть имъ въ самомъ дѣлѣ, недостаточно было желанія народа и избранія рады,—нужно было отстоять западный берегъ отъ Турокъ, а для этого у Самойловича недоставало ни энергіи, ни предпріимчивости. Ни воззванія правобережныхъ городовъ, разоряемыхъ Турками за признаніе Самойловича, ни рвеніе войска, ни энергія нѣсколькихъ второстепенныхъ вождей (Мурашка, Лизогуба), храбро бросавшихся впередъ противъ Турокъ, не могли завлечь малодушнаго и эгоистически разсчетливаго гетмана. Правда, въ 1676 году ему удалось наконецъ принудить Дорошенка къ отреченію отъ гетманства и, такимъ образомъ, овладѣть Чигриномъ, но тѣмъ и ограничились его подвиги. Столкновенія съ Турками Самойловичъ избѣгалъ тщательно; онъ дозволялъ Туркамъ безпрепятственно разорять полки и города, признавшіе его власть, и даже въ 1678 году, когда сильная Турецкая армія осадила въ Чигринѣ гарни-

---

[1]) Załuski—Epist. hist. fam. T. I, Ч. I, стр. 477.

[2]) См. № I, стр. 1.

зонъ великороссійскій и козацкій, оставленный имъ въ этомъ городѣ онъ, вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ, переправился черезъ Днѣпръ во главѣ многочисленнаго великорусскаго и козацкаго войска; но оба предводители ограничились ролью зрителей: на глазахъ у нихъ жители и гарнизонъ Чигрина отбивались отъ Турокъ въ продолженіи цѣлыхъ 5-ти недѣль, палъ воевода Ржевскій, управлявшій защитою, наконецъ городъ былъ взятъ и разрушенъ Турками. Дождавшись этой развязки, Самойловичъ и Ромодановскій переправились обратно за Днѣпръ, предоставивъ въ добычу Туркамъ все поднѣпровье отъ Чигрина до Кіева, которое и было ими истреблено огнемъ и мечемъ.

Между тѣмъ, оставленная Самойловичемъ на произволъ судьбы, западная Украина представляетъ въ теченіе 10 лѣтъ самую плачевную картину,—она служитъ поприщемъ борьбы Турокъ и Поляковъ, отнимающихъ другъ у друга область, жители которой равно враждебны обѣимъ воюющимъ державамъ. Ежегодно являются попеременно то турецкія, то польскія арміи, требуя отъ жителей покорности во имя какого нибудь подставного гетмана; какъ тѣ такъ и другіе, встрѣчая сопротивленіе со стороны жителей, водворяютъ свое господство опустошеніемъ края. Въ теченіе этого злосчастнаго времени, извѣстнаго въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ «руины [1])», край все болѣе и болѣе превращается въ пустыню. Перевѣсъ въ борьбѣ остается по большей части на сторонѣ Турокъ, которые ведутъ расправу съ жителями по своимъ обычаямъ: они выжигаютъ всѣ города и села, разрушаютъ всѣ церкви и монастыри, загоняютъ въ плѣнъ населеніе цѣлыхъ областей, съ другихъ сбираютъ дань дѣтьми [2]), тысячи неволь-

[1]) Кулишъ—Записки о южной Руси, Т. I, стр. 83.

[2]) Лѣтопись Величка Т. II, стр. 355.—Бантышъ-Каменскій Т. II, стр. 152.—Географическій словарь Максимовича и Щикатова, статья „козаки" стр. 291.

никовъ увозятъ для продажи на невольничьихъ рынкахъ и т. п. Мѣстности, избѣгшія ярости турецкой, подвергаются почти той же участи со стороны Поляковъ.

Обѣ державы стараются дѣйствовать, основываясь якобы на правѣ владѣнія страною, истекающемъ изъ признанія своего господства народонаселеніемъ края; вслѣдствіе того, онѣ подставляютъ каждая изъ своей руки гетмановъ, въ покорность которымъ стараются привести жителей. Но власть этихъ гетмановъ до того призрачна, что наконецъ сами покровители ихъ считаютъ лишнимъ прикрываться формальностью, никому ненужною и никого не обманывающею. Такъ Турки, послѣ отрѣченія Дорошенка, выставляютъ преемникомъ ему Юрія Хмѣльницкаго, (въ монашествѣ Гедеона), отысканнаго ими среди плѣнниковъ, въ одномъ изъ Константинопольскихъ монастырей, и отправляютъ его въ 1677 году въ Украину, при сильномъ турецкомъ и татарскомъ войскѣ, съ титуломъ гетмана козацкаго и князя русскаго; но въ послушаніи козаковъ у этого гетмана почти вовсе не оказалось и онъ былъ принужденъ завоевывать свои полки посредствомъ татарскихъ отрядовъ. Вскорѣ неспособность, жестокость и нравственное ничтожество этого «русскаго князя» заставило турецкое правительство отозвать его. Въ 1681 году онъ былъ отправленъ подъ турецкимъ конвоемъ въ Константинополь и на дорогѣ умеръ или, по другимъ сказаніямъ, былъ удавленъ сопровождавшими его Турками [1]). Преемникомъ ему назначенъ въ Константинополѣ Молдавскій господарь Александръ Дука. На сколько званіе гетмана было ничтожно въ глазахъ турецкаго правительства видно уже изъ того обстоятельства, что Александръ Дука, получившій въ 1681 году отъ султана

---

[1]) Ambroży Grabowski—starożytności historyczne polskie, T. II, стр. 528. Лѣтопись Величка, T. II, стр. 546—547.

фирманъ на Молдавское господарство, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе поднесеннаго имъ денежнаго подарка, въ видѣ прибавки къ господарскому сану, и власть надъ всею областью, лежащею между Днѣстромъ и Днѣпромъ, даже безъ обязательства платить дань Портѣ, а только подъ условіемъ доставлять изъ нея, если удастся собрать въ ней людей, возможное количество вспомагательнаго войска [1]). Дука отправилъ своего намѣстника въ Немировъ, для управленія отъ его имени страною и для избранія ему гетманской резиденціи, но оказалось, что страна была до того пуста, что господарю пришлось построить дворецъ въ одномъ изъ селъ на берегу Буга, уцѣлѣвшихъ случайно отъ разоренія,—всѣ города были необитаемы. Послѣ двухлѣтняго, совершенно номинальнаго гетманства, Дука былъ захваченъ въ плѣнъ однимъ изъ польскихъ отрядовъ, отправившихся грабить Молдавію, во время вѣнскаго нохода короля Собескаго [2]). На мѣсто его присланъ Портою въ гетманы нѣкто Янѣй Драгиничъ, но объ этомъ гетманѣ едва упоминаютъ южнорусскія лѣтописи: «изъ какихъ онъ людей и какія его воинскія дѣла были?—неизвѣстно» говоритъ одинъ лѣтописецъ; другой упоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ смирномъ, не хлопотавшемъ ни о какихъ политическихъ дѣлахъ и преданномъ страсти къ горячимъ напиткамъ.—Вскорѣ исчезъ и этотъ призрачный гетманъ; по однимъ свѣдѣніямъ онъ умеръ отъ пьянства, по другимъ оставилъ добровольно гетманство, въ которомъ ему нечего было дѣлать, и переселился на жительство въ Яссы [3]).

---

[1]) Ambroży Grabowski—starożytności historyczne polskie, T. II, стр. 526. Лѣтопись Величка, Т. II, стр. 527. Ригельманъ—Лѣтописное повѣтствованіе о Малой Россіи, часть II, стр. 176. Именная перепись малороссійскихъ гетмановъ, изданіе Н. Бѣлозерскаго, стр. 137.

[2]) Ригельманъ—Лѣтописное повѣтствованіе, часть II, стр. 177. Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska (изданіе 3-е), стр. 264.

[3]) Лѣтопись Величка, Т. II, стр. 548. Ригельманъ.—Лѣтоп. повѣст. Ч. II, стр. 179. Рубанъ, Краткая лѣтопись Малороссіи, стр. 140.

Послѣ этого турецкое правительство сочло лишнимъ назначать ему преемниковъ. На самую страну, обращенную въ пустыню, оно смотрѣло какъ на область, обладаніе которою приходилось добывать слишкомъ дорогою цѣною, и потому оно старалось только опустошить ее до того, чтобы и для противниковъ она не составила цѣнной добычи.

Въ тоже время польское правительство, въ борьбѣ съ Турками, противупоставляло, по крайней мѣрѣ въ началѣ ея, своихъ козацкихъ гетмановъ турецкимъ; польскіе козацкіе гетманы были также безсильны, также чужды народу, также лишены всякаго дѣйствительнаго значенія, какъ и турецкіе. Послѣ добровольнаго отрѣченія перваго изъ нихъ, Михаила Ханенка, у Поляковъ не было въ первое время подъ рукою другой личности изъ козаковъ, которая бы пользовалась хотя-бы малѣйшею долею извѣстности. Вскорѣ личность такая представилась и польское правительство съ радостью предложило ей гетманство. Во время временнаго успѣха польскаго оружія, въ 1675 году, король Собескій овладѣлъ на время Брацлавщиною; начальство надъ жившими въ этой мѣстности козаками сохранялъ еще одинъ изъ старыхъ козацкихъ вождей, сподвижниковъ Хмѣльницкаго, подольскій полковникъ—Евстафій Гоголь; не имѣя ни силы, ни побужденія сопротивляться Полякамъ, которые приходили лишь смѣнить Турокъ, Гоголь сдалъ имъ города, остававшіеся еще въ его власти, и немедленно получилъ отъ короля гетманскій титулъ [1]). Впро-

---

[1]) Въ промежуткѣ времени между отрѣченіемъ Ханенка и назначеніемъ Гоголя нѣкоторые малороссійскіе лѣтописцы полагаютъ, что гетманомъ назначенъ былъ отъ польскаго правительства кошевой Сирко; но такъ какъ Сирко не оставлялъ въ это время Запорожья и выборъ Гоголя состоялся при его жизни, то вѣроятно гетманство приписывалось ему по ошибкѣ, вслѣдствіе извѣстнаго современникамъ уваженія, которое оказывалъ Сирку Собескій, а также вслѣдствіе выгодныхъ для Поляковъ походовъ, предпринимаемыхъ въ то время Сиркомъ изъ Запорожья на Крымцевъ; польскіе современные писатели и источники о гетманствѣ Сирка вовсе не упоминаютъ.

чемъ и господство Поляковъ въ Брацлавщинѣ и гетманство Гоголя были непродолжительны. Поляки разрушили полковой городъ Брацлавль, жители котораго отказались признать польское господство. Въ слѣдующемъ году Поляки должны были очистить Украину, вслѣдствіе новаго турецкаго похода. Остатки подольскаго козацкаго полка, вмѣстѣ съ своимъ полковникомъ, попавшимъ недавно въ гетманы, тоже принуждены были бѣжать изъ своихъ жилищъ. Такъ какъ число этихъ козаковъ было весьма незначительно, то Поляки назначили имъ для квартиръ дымерское староство, лежавшее въ польскомъ Полѣсьи, и Речь Посполитая обязалась отпускать имъ жалованье, провіянтъ и сукно изъ королевской казны [1]). Но козакамъ, изгнаннымъ изъ ихъ жилищъ, не было повода оставаться въ польской службѣ; не имѣя возможности удержать за собою территорію бывшаго своего полка, они предпочитали лучше перейти на лѣвую сторону Днѣпра, чѣмъ оставаться польскими наемниками, и потому, немедленно послѣ прихода въ Дымеръ, большая ихъ часть отправилась за Днѣпръ и передалась Самойловичу [2]). Вскорѣ за тѣмъ, 5 генваря 1679 года, скончался Гоголь [3]), и послѣ его смерти польское правительство сочло лишнимъ назначить новаго гетмана. Ничтожное количество козаковъ, оставшихся въ Дымерѣ, пополнилось всякимъ сбродомъ: бездомною шляхтою, бѣглыми слугами и крестьянами. Милиція эта зачислена была

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Т. II, стр. 162.—Лѣтопись Грабянка, стр. 222.—Лѣтопись Рубана, стр. 125.—Лѣтопись Самовидца, стр. 66.—Ригельманъ, стр. 144.—Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ Петра Симоновскаго, стр. 102.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, изданные Археографическою Коммисіею, Т. V, стр. 140, № 103.

[3]) 7 генваря 1679 года онъ былъ погребенъ въ Межигорскомъ монастырѣ (хронологія высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ, изд. Н. Бѣлозерскій стр. 119.—Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ М. А. Максимовича, стр. 30.

въ составъ наемныхъ войскъ Речи Посполитой, получала жалованье изъ земскихъ сборовъ Кіевскаго воеводства, и сохранила только имя козаковъ. Изъ постановленія сеймика кіевскаго воеводства 1682 года мы узнаемъ, что количество ихъ было ничтожно, такъ какъ годичнаго жалованія имъ отпускалось только 1,000 злотыхъ, что они состояли подъ командою полковниковъ: Мирона и шляхтича Урбановича, и что они находились въ распоряженіи шляхтичей кіевскаго воеводства и, по порученію сеймика должны были, въ качествѣ экзекуціи, побуждать шляхтичей воеводства къ правильному взносу постановленныхъ сеймикомъ земскихъ сборовъ. Впрочемъ, существованіе этой милиціи безпокоило шляхтичей, населявшихъ Полѣсье, почему они и отправили депутацію отъ сеймика къ гетману коронному съ просьбою, чтобы онъ смѣнилъ полковника Мирона, ради предосторожности, предоставивъ его должность какому нибудь благонамѣренному шляхтичу, или поручился за него воеводству [1]). Дѣйствительно, этотъ отрядъ козацкій, хотя и не представлялъ серіозной опасности для шляхтичей кіевскаго Полѣсья, но причинялъ имъ значительное безпокойство тѣмъ, что козаки нанимались, болѣе или менѣе значительными партіями, для участія въ заѣздахъ, которыми угощали безпрестанно, по установившемуся обычаю, другъ друга шляхтичи, и такимъ образомъ усиливали внутреннюю шляхетскую безъурядицу [2]).

---

[1]) См. № III, стр. 7—10.

[2]) Такъ мы находимъ, что одна партія дымерскихъ козаковъ, нанятая дворянами: Бржескимъ и Любовицкимъ, овладѣла замкомъ Тышкевича, Бышевымъ, и ограбила его имущество (см. № II стр. 3), другіе козаки, по призыву дворянъ Немиричей и Терлецкихъ, участвовали въ ихъ заѣздѣ на Жабокрицкаго и потомъ дважды овладѣвали олевскимъ кармелитскимъ монастыремъ, ограбили какъ церковное, такъ и монастырское имущество, устроили конюшню въ монастырскомъ костелѣ и т. п. (см. № IV, стр. 13; № V, стр. 20 и № VI, стр. 25).—Третій козацкій отрядъ вызванъ былъ изъ Дымера въ Чернобыль дворяниномъ Пасербовичемъ и помогъ ему захватить беззаконно доходы чернобыльской волости—(см, № VII, стр. 32).

Это ничтожное, полушляхетское ополченіе, составляло единственный слѣдъ, оставшійся въ западной Украинѣ отъ 16 козацкихъ полковъ, существовавшихъ въ ней при началѣ возстанія Хмѣльницкаго. Въ такомъ же отношеніи исчезало и «посполитое» народонаселеніе края. Во время истребительныхъ турецкихъ и польскихъ набѣговъ, всѣ жители, спасшіеся отъ смерти и плѣна, бѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра. Единственная выгода, которую Самойловичъ рѣшился извлекать изъ признанія себя гетманомъ «обѣихъ сторонъ Днѣпра», единственная помощь, которую онъ осмѣливался оказывать жителямъ праваго берега, состояла въ томъ, что онъ поощрялъ ихъ переселеніе на лѣвый берегъ и спомоществовалъ ему всѣми мѣрами. Самойловичъ ускорялъ и вызывалъ это переселеніе какъ письмами къ старшинѣ и къ городамъ западной Украины, такъ и инструкціями, которыя онъ давалъ своимъ подчиненнымъ; такъ, объявляя въ своемъ письмѣ къ каневскому полковнику, Пушкаренку, о невозможности подать ему помощь противъ Татаръ, онъ совѣтуетъ ему переселить всѣхъ жителей полка въ Переяславль и принудить къ переселенію даже тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали-бы остаться, «абы жоны ваши и дѣти, съ худобами рухомыми, въ безпечнѣйшой зоставали цѣлости и сумѣнья ваши, присягою на вѣрность Царскому Величеству обовязанные, не были нарушены [1])».—Дѣйствительно, народонаселеніе западной Украины, преслѣдуемое Турками и Поляками, искало спасенія жизни и имущества и успокоенія совѣсти, безпрестанно перебѣгая въ восточную Украину. Движеніе это принимаетъ особенно значительные размѣры съ 1674 года. Въ концѣ этого года, когда Турки, раздраженные подчиненіемъ края Самойловичу, двинулись въ Украину съ цѣлью при-

[1]) Акты Западной Россіи изд. Археогр. Ком. Т. V, стр. 151, № 116.

нудить народъ къ покорности Дорошенку, многіе жители полковъ уманскаго и брацлавскаго, а также жители многолюдной и сильно раздражившей Турокъ своимъ сопротивленіемъ Лысянки, переселились за Днѣпръ и заняли степи по рѣчкѣ Орели, прилегавшіе къ полтавскому полку [1]).—Въ 1675 году, когда, въ свою очередь, Поляки, оттѣснивъ Турокъ, двигались на Украину, переселеніе приняло еще большіе размѣры. Корсунскій полковникъ Кандыба перешелъ за Днѣпръ съ цѣлымъ козацкимъ полкомъ и со многими посполитыми его жителями, за нимъ послѣдовали жители Мошенъ и многіе изъ обывателей черкасскихъ. Они разсѣялись по разнымъ полкамъ восточной Украины. Поляки захватили одни опустѣвшіе города и сожгли ихъ [2]). Послѣ сдачи Дорошенка въ 1676 году, послѣдовало новое переселеніе: «также и людей со всею старшиною премножественное число за Днѣпръ перезывали и на пустыхъ земляхъ поселили» говоритъ лѣтопись [3]). Въ слѣдующемъ году выселеніе усилилось потому, что грозила новая бѣда: многочисленная турецкая армія осаждала Чигиринъ, и, въ случаѣ паденія этого города, угрожала всему краю страшнымъ разореніемъ. Далѣе, окончательное, почти поголовное, переселеніе послѣдовало въ 1678 г. вслѣдствіе паденія Чигирина и послѣдовавшаго за нимъ опустошительнаго набѣга Турокъ и Татаръ, распространившагося почти до самаго Кіева. Каневскій полковникъ, Пушкаренко, не желая признавать турецкаго господства, перевелъ большую часть жителей своего полка, съ ихъ семействами и имуществомъ, въ Переяславль. Каневъ былъ взятъ

[1]) Лѣтопись Величка, Т. II, стр. 356.—Бантышъ-Каменскій, Т. II, стр. 152.

[2]) Ригельманъ.—Ч. II, стр. 148.—Лѣт. Самовидца, стр. 64.—Акты Западной Россіи, изд. Арх. Ком. Т. V, стр. 135. № 96.—Лѣт. Грабянка, стр. 219.

[3]) Лѣтопись Рубана, стр. 125 и 129.

и сожженъ Турками; остававшіеся въ немъ жители затворились въ монастырѣ и погибли въ пламени; весьма немногіе только были приведены насильно къ присягѣ Юрію Хмѣльницкому. Жители другихъ городовъ или, послѣдовавши примѣру Каневцевъ, выселелись за Днѣпръ, или временно покорились; но вскорѣ потомъ, пользуясь появленіемъ на правомъ берегу Днѣпра молодого Семена Самойловича, послѣдовали за нимъ за Днѣпръ. Такимъ образомъ окончательно опустѣли города и ихъ округи: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, Корсунь, Мошны, Драбовка, Жаботинъ, Ржыщевъ и т. д. [1]).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе борьбы Турокъ съ Поляками и вслѣдствіе системы переселеній, развитой Самойловичемъ, исчезли и козаки и посполитое народонаселеніе въ западной Украинѣ. Край представлялъ пустыню, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вотъ краснорѣчивыя свидѣтельства о запустеніи этого края двухъ очевидцевъ, видѣвшихъ его впрочемъ лѣтъ 20 спустя послѣ «руины», когда уже обратная колонизація начала мало по малу водворяться и нѣсколько оживлять нѣкоторыя его области. Тѣмъ не менѣе общій видъ края представлялъ еще слѣдующую картину: «И поидохомъ (изъ Паволочи въ Немировъ) въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо видѣти ни града, ни села; аще бо и быша прежде сего грады красны и нарочиты селы видѣніемъ—но нынѣ точію пусто мѣсто и не изселяемо, не бѣ видѣти человѣка. Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія и волцы, лоси, медвѣди. Нынѣ-же все развоевано да разорено отъ Крымцевъ. А земля зѣло

---

[1]) Акты Запад. Россіи, Т. V, стр. 150—151, № 115 и 116.—Лѣтоп. Самовидца, стр. 70.—Ригельманъ, Ч. II, стр. 164.—Лѣт. Рубана, стр. 136.—Симоновскій, краткое описаніе, стр. 105.—Лѣтописи изданныя Н. Бѣлозерскимъ, стр. 83.

угодна и хлѣбородна и овощу всякаго много: сады что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули,—да все пустыня; не дадутъ собаки Татары населиться; только населятся селы, а они собаки, пришедъ, и разорятъ; а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ. Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много на ней родится. И идохомъ тою пустынею пять дней, ничтоже видѣхомъ отъ человѣка [1])». А вотъ впечатлѣнія, не менѣе характеристическія другого путешественника: и проходя тогобочную, иже отъ Корсуня и Бѣлой Церкви, Малороссійскую Украину, потимъ на Волынь и.... далѣй странствуя, видѣхъ многіе грады и замки безлюдніе и пустые; валы, негдысь трудами людзкими аки холмы и горы высыпанніе, и тилко звѣремъ дикіимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи. Муры засъ, яко то: въ Чолганскомъ, въ Константиновѣ, въ Бердичевѣ, въ Збаражѣ, въ Сокалю, що тилко на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилися, видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, развалепіе, къ землѣ прилинувшіе, заплѣснялие, непотребнымъ биліемъ заросліе, и тилко, гнѣздящихся въ себѣ, зміевъ и разныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространніе, тогобочніе, Украино-Малороссійскіе поля и розлегліе долины, лѣсы и обширніе садове, и красніе дубравы, рѣки, ставы, іезера—запустѣліе, мхомъ, тростіемъ, и непотребною лядиною заросліе. И не всуе Поляки, жалѣючи утраты Украины оноя тогобочнія, раемъ свѣта полского въ своихъ универсалахъ ея нарицаху и провозглашаху; понеже оная, предъ войною Хмѣльницкаго, бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ-же къ тому на разнихъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ,

---

[1]) Путешествіе въ Святую землю Московскаго священника, Іоанна Лукьянова, стр. 16.

тилько небо—покровъ себѣ имущихъ, и рѣкохъ во умѣ: «кто суть сія»? Тѣхъ всѣхъ еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ, насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украина малороссійская, въ область пустынѣ Богомъ оставлена и населницы ея, славніе предки наши, безвѣстни явишася [1])».

Турки и Поляки, обративъ такимъ образомъ въ пустыню цвѣтущую нѣкогда и многолюдную область, перестали дорожить господствомъ надъ нею, тѣ и другіе готовы были отказаться отъ этой спорной, никому изъ нихъ недававшейся и никому уже теперь не пригодной пустыни, подъ условіемъ, чтобы она не досталась противникамъ. Оба враждебныя государства переносятъ театръ военныхъ дѣйствій далѣе на западъ и желаютъ только обезпечить нейтральность опустѣвшей страны. Поручиться-же за эту нейтральность могла одна только Россія, и къ порукѣ ея прибѣгаютъ обѣ враждующія стороны. Онѣ заявляютъ желаніе, чтобы спорный край остался навсегда пустымъ и незаселеннымъ. Такъ, въ договорѣ, заключенномъ между Россіею и Турціею въ Бахчисараѣ въ 1681 году, между прочимъ сказано было: «А Кіевъ городъ и съ принадлежащими его изстари предѣлами и городками и разоренные городки: Васильковъ, Триполье, Стайки—кіевская старая граница—подъ его Царскою державою быти; *и отъ Кіева до Запорогъ, по обѣ стороны Днѣпра, городовъ и городковъ не дѣлать* [2])». Еще опредѣлительнѣе выразились на этотъ счетъ польскіе послы, заключавшіе съ Россіею московскій договоръ въ 1686 году, обеспечивая за Польшею права на господство надъ узкою, сѣверною полосою Украины, (въ которой впрочемъ Поляки были въ состояніи указать только

---

[1]) Лѣтопись Величка, Т. I, стр. 4—5.

[2]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, Т. II, стр. 389.

3 заселенныя мѣстности, на протяженіи почти 200 верстъ: Бѣлую Церковь, Паволочь и Немировъ; объ остальномъ краѣ польскіе послы говорятъ слѣдующее въ 7 статьѣ договора: «А что у насъ, Его Королевскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ и Ихъ Царскаго Величества ближнихъ бояръ и думныхъ людей, между нами зашла трудность *о тѣхъ разоренныхъ городахъ и мѣстѣхъ*, которые отъ мѣстечка Стаекъ, *внизъ Днѣпра по рѣку Тясмину суть, именно: Ржищевъ, Трехтемировъ, Каневъ, Люшны, Сокольня, Черкасы, Боровица, Бужинъ, Воронковъ, Крыловъ и Чигиринъ,* о которыхъ съ нами Его Королевскаго Величества великими и полномочными послы Ихъ Царского Величества ближніе бояре и думные люди говорили и домагались, чтобы имъ бысть въ держаніи и владѣніи Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Величества, вѣчно внизъ Днѣпра, идучи рубежемъ отъ мѣстечка Стаекъ по рѣку Тясмину. Мы ..... согласно ту статью такимъ образомъ уговорили и положили: *что тѣ мѣста оставатись имѣютъ пусты, какъ нынѣ суть;* ...... а покамѣсть достаточный о томъ договоръ и постановленіе не учинится, *тѣ мѣста имѣютъ быть пусты*. А къ нарушенію сего вѣчнаго миру то въ затрудненіе и омедленіе не имѣть; и для того нынѣшняго вѣчного миру никогда не нарушать и впредь къ нарушенію не причинять [1])». Четырнадцать лѣтъ спустя, въ 1700 году, «достаточное постановленіе не было еще учинено» и, вслѣдствіе требованія русскаго правительства, польскій гетманъ долженъ былъ напоминать шляхтѣ о томъ, чтобы она не заводила слободъ на земляхъ «въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ силу трактата оставлены и назначены быть незаселенными, доколѣ не послѣдуетъ дальнѣйшее въ томъ рѣшеніе [2])».

Такимъ образомъ фактическое запустѣніе края было

[1]) Полное собраніе, Т. II, стр. 776.—Volumina legum, T. VI, стр. 76—77.

[2]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 564.

признано дипломатическимъ путемъ и западной Украинѣ слѣдовало оставаться навсегда страною пустынною, незаселенною и никому не принадлежащею, за неимѣніемъ ни достаточнаго основанія, ни силъ для ея захвата у боровшихся за нее соперниковъ. Но могла ли на долго оставаться въ томъ искуственномъ запустѣніи богатая и плодородная страна? Могъ-ли, изгнанный изъ нея, народъ забыть свои прежнія жилища и разстаться съ мыслью о возможности возврата, перестать считать свое изгнаніе временнымъ бѣдствіемъ? Событія отвѣтили на эти вопросы отрицательно. Желаніе-же народонаселенія возвратиться въ западную Украину было тѣмъ настойчивѣе, что переселившись на лѣвой берегъ Днѣпра, оно находилось далеко не въ благоденствующемъ состояніи.

Для того, чтобы оцѣнить положеніе, въ какомъ очутились въ восточной Украинѣ переселенцы, перешедшіе въ нее съ праваго берега Днѣпра, необходимо взглянуть на зарождавшіяся въ ней сословныя отношенія, вытекавшія какъ изъ личного положенія ея жителей, такъ и изъ распредѣленія поземельной собственности. Отношенія эти наглядно рисуютъ ту низкую степень гражданскаго развитія, на которой находилась Малороссія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и, вслѣдствіе которой, народонаселеніе ея не было въ состояніи собственными силами ни избавиться отъ польскаго господства ни устроить свой внутренній бытъ и выработать согласныя съ ожиданіями своего народа юридическія и общественныя отношенія.—Одно изъ самыхъ сильныхъ побужденій, подвигавшихъ народъ южнорусскій къ возстаніямъ противъ Польши, было желаніе избавиться отъ панскаго гнета, отъ безъусловнаго закрѣпленія сельскаго народонаселенія шляхтичами, вытекавшаго изъ началъ, выработанныхъ польскою общественною жизнью. Всѣ козацкія возстанія, поднимавшіеся въ концѣ XVI и въ пер-

вой половинѣ XVII столѣтій, не имѣли успѣха, потому что добивались исключительно, въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, сохраненія правъ козацкихъ, оставляя въ сторонѣ интересы крѣпостного сословія, т. е. интересы всей массы народа. Успѣхъ въ борьбѣ послѣдовалъ только тогда, когда козачество, проигравъ окончательно свое дѣло, принуждено было обратиться, какъ къ крайнему средству, къ призыву крестьянъ къ оружію. Универсалъ Хмѣльницкаго и характеръ поднятой имъ борьбы обѣщали народу распространить козацкія права на все южнорусское поспольство и изгнать пановъ навсегда изъ Украины.

Надежда на исполненіе обѣщаннаго вызвала изъ народа такія силы, противустоять которымъ, не смотря на крайнія съ своей стороны усилія, не могли польскіе шляхтичи. Но послѣ разгрома Поляковъ, народъ увидѣлъ изъ статей зборовскаго и бѣлоцерковскаго договоровъ, что онъ служитъ только орудіемъ козакамъ для достиженія и расширенія ихъ сословныхъ преимуществъ. Довѣріе народа къ козакамъ стало исчезать, поспольство охладѣло къ борьбѣ и начало выселяться въ русскіе предѣлы, въ такъ называемые слободскіе полки. Начиная съ этого времени, всѣ надежды народа обращаются къ Россіи. «Поспольство и чернь козацкая» поддерживаютъ только тѣхъ гетмановъ, которые остаются вѣрны Москвѣ и не терпятъ тѣхъ начальниковъ, которые пытаются сблизиться съ Польшею, даже на самыхъ выгодныхъ политическихъ условіяхъ.. Причины, вызывавшія это безусловное отвращеніе, лежали какъ въ религіозныхъ побужденіяхъ, такъ и во враждѣ, развившейся вслѣдствіе вѣковой борьбы съ Польшею; но большое значеніе притомъ имѣло инстинктивное чувство народа, по которому онъ сознавалъ, что козацкая старшина стремится къ образованію изъ своей среды новаго шляхетства, по образу и подобію польскаго, и полагалъ, что образова-

ніе этого шляхетства конечно ускорится при союзѣ съ Польшею и замедлится, а можетъ быть и не состоится, при покровительствѣ Россіи. Этимъ только народнымъ чувствомъ можно объяснить то всеобщее негодованіе, которое выказалось во всей массѣ народа при обнародованіи пунктовъ Гадяцкаго договора, не смотря на то, что въ нихъ свобода вѣроисповѣданія и изгнаніе польскихъ пановъ изъ Украины были вполнѣ гарантированы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясна была попытка козацкой старшины замѣнить польское шляхетство туземнымъ, а народъ не выносилъ мысли о шляхетствѣ ни подъ какимъ его видомъ.

Между тѣмъ стремленіе козачества къ образованію изъ себя класса крупныхъ землевладѣльцевъ и къ подчиненію себѣ, вслѣдъ за тѣмъ, посполитаго народонаселенія и черни козацкой, т. е. къ созданію того же шляхетства, отъ котораго народъ отбивался и бѣжалъ изъ Речи Посполитой, стало все сильнѣе и сильнѣе проявляться въ общественномъ устройствѣ восточной Украины или «гетманщины». Начиная съ Хмѣльницкаго, всѣ гетманы подтверждаютъ права на владѣніе селами тѣмъ шляхтичамъ, которые стали на сторону козаковъ во время борьбы ихъ съ Польшею, и раздаютъ другія села козацкимъ старшинамъ за войсковыя заслуги [1]). Въ началѣ это водвореніе помѣщичьяго класса представляется въ видѣ рѣдкихъ исключеній и оно проходитъ тѣмъ болѣе незамѣтно, что народъ могъ легко его избѣгнуть. Вообще до половины XVII столѣтія лѣвый берегъ Днѣпра былъ заселенъ весьма слабо; вслѣдствіе того первые переселенцы, явившіеся при Хмѣльницкомъ и при ближайшихъ его преемникахъ съ праваго берега, застали

---

[1]) Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783); очеркъ по архивнымъ источникамъ—составилъ Ал. Лазаревскій. Въ Сборникѣ Черниговскаго статистическаго комитета 1866 года, стр. 15—19.

обширныя пространства земли незаселенной и никому не принадлежащей, и завладѣли ими по праву первоначальнаго занятія, извѣстнаго подъ именемъ «займанщины [1]). Но вскорѣ, при постоянномъ приливѣ новыхъ поселенцевъ, запасъ пустопорожнихъ земель истощился и новымъ пришельцамъ пришлось селиться на земляхъ, занятыхъ уже ихъ предшественниками, съ которыми необходимо было войти въ сдѣлки и пріобрѣсти право поселенія на извѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ землевладѣльцы, особенно крупные, въ число которыхъ вошли козацкіе старшины, занявшіе или получившіе отъ гетмановъ значительные участки земли, въ виду многочисленнаго народонаселенія, искавшаго мѣста для поселенія, стали пользоваться своимъ положеніемъ, для развитія новыхъ помѣщичьихъ отношеній. Съ одной стороны, они стремились подчинить себѣ и привести въ повиновеніе, населявшихъ отписанныя имъ гетманами села, крестьянъ, которые, послѣ Хмѣльницкаго, считались, въ силу народнаго взгляда, свободными мелкими землевладѣльцами; съ другой стороны, они старались обратить въ крестьянъ козаковъ, пользуясь неточностью разграниченія обѣихъ сословій; но такъ какъ и то и другое сопряжено было съ извѣстными трудностями и вызывало сопротивленіе со стороны народа, то землевладѣльцы прибѣгли къ уловкѣ. Они стали тѣснить крестьянъ и козаковъ въ своихъ селахъ для того, чтобы заставить ихъ покинуть свою землю и выйти изъ села, а потомъ, заручившись гетманскими универсалами, признававшими собственностью помѣщика всякій, опустѣвшій послѣ ухода владѣльца, участокъ земли, они селили на этихъ земляхъ, въ качествѣ слобожанъ или подсусѣдковъ, новыхъ переселенцевъ. Тѣ и другіе находили въ слободахъ пріютъ и временную сво-

[1]) Тамъже, стр. 23—26 и 75—77.

боду на извѣстный срокъ, опредѣленный условіями, заключенными съ землевладѣльцами, но, послѣ окончанія этого срока, становились тяглыми людьми послѣднихъ [1]), удерживая однако за собою право выхода изъ села. Желая точнѣе опредѣлить свои отношенія къ тяглымъ людямъ, козацкіе старшины—землевладѣльцы нерѣдко доказывали свои права, прибѣгая къ литовскому статуту и отъискивая въ немъ юридическія въ свою пользу основанія, т. е., опираясь на ту юридическую норму, противъ которой именно и боролся народъ продолжительными возстаніями противъ Польши [2]).

Стѣснительное положеніе народа усиливалось постепенно при всѣхъ преемникахъ Хмѣльницкаго; но оно стало особенно тягостно при Самойловичѣ, когда, вслѣдствіе «руины» и призыва гетмана, все, остававшееся еще въ западной Украинѣ, народонаселеніе перешло на лѣвый берегъ Днѣпра. За исключеніемъ Уманцевъ, занявшихъ послѣднія займанщины на рѣкѣ Орели, всѣ остальные переселенцы должны были размѣститься въ мѣстностяхъ уже заселенныхъ. Такимъ образомъ увеличилось количество людей, искавшихъ пріюта, и должны были ухудшиться условія, на которыхъ можно было получить оный. Вслѣдствіе конкуренціи слобожанъ, понизились какъ условія, на которыхъ предлагались слободы, такъ и условія быта раньше уже поселившихся въ нихъ людей. По личному характеру Самойловичъ нисколько не былъ расположенъ къ попеченію объ облегченіи участи посполитыхъ. Современники изображаютъ его человѣкомъ гордымъ, самовластнымъ, любившимъ копить богатства и пріобрѣтать ихъ путемъ неправымъ, посредствомъ злоупотребленія власти, окруженнымъ любимцами

---

[1]) Тамъже, стр. 27, 73—74, 87—91 и 103—106.

[2]) Тамъже, стр. 29.

и родными, которыхъ злоупотребленіямъ, роскоши и своеволію онъ потворствовалъ [1]). При переселеніи правобережныхъ полковъ, онъ старался только удовлетворить козацкую полковую старшину, которой вліяніе и значеніе на радахъ были ему необходимы. Кое-какъ еще заботился онъ о томъ, чтобы, хотя на время, пристроить рядовыхъ козаковъ, то размѣщая ихъ на прокормленіе въ лѣвобережныхъ полкахъ, то принимая ихъ къ себѣ на службу за жалованье [2]). На посполитыхъ же людей Самойловичъ смотрѣлъ какъ на рабочую силу, необходимую для поддержанія шляхетнаго сословія. «А здырства вшелякими способами вымышляли, такъ самъ гетманъ, яко и сынове его, зостаючи полковниками, аренды, стаціе великіе, затяговалъ людей кормленіемъ—барзо на людей трудность великая была отъ великихъ вымысловъ—не могъ (гетманъ) насытитися скарбами [3])». Продолжая распредѣлять села между козацкою старшиною, Самойловичъ, гораздо чаще чѣмъ его предшественники, упоминаетъ въ универсалахъ своихъ о томъ, что державцамъ, кромѣ земли и угодій, должно принадлежать и «послушенство» тяглыхъ людей, а это «послушенство» во время Самойловича начинаетъ принимать довольно опредѣленныя формы: оно состояло въ правѣ помѣщика требовать крестьянина на работу: «до правованя гребли, до воженя дровъ, до кошеня и прятаня сѣна и до иншихъ своихъ потребъ»; сверхъ того крестьяне должны были платить «державцѣ» довольно значительный денежный чиншъ, отдавать «осепщину» т. е. часть ежегодно собираемаго хлѣба, соразмѣрную съ количествомъ рабочаго скота, достав-

[1]) Симоновскій—краткое описаніе о козацкомъ Малороссійскомъ народѣ, стр. 113—115.—Лѣтопись Самовидца, стр. 77—78.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи, Т. XIII, стр. 256.—Лѣтопись Рубана, стр 129.

[3]) Лѣтопись Самовидца, стр. 78.

лять десятину отъ скота, барановъ и домашнихъ птицъ и, наконецъ приносить дань отъ всевозможныхъ плодовъ, ягодъ, и т. п. [1]). — Съ другой стороны, Самойловичъ старается, подобно своимъ предшественникамъ, точно отграничить козаковъ отъ посполитыхъ и, такимъ образомъ, преградить крестьянамъ путь къ освобожденію отъ зависимости ихъ отъ державцевъ посредствомъ перехода въ козацкое сословіе; съ этою цѣлью гетманскіе универсалы запрещали полковой старшинѣ вносить въ козацкіе полковые «компуты» (списки) мѣщанъ и тяглыхъ людей; [2]), такимъ образомъ, приписка посполитыхъ въ козацкіе полки если совсѣмъ не прекратилась, то была крайне затруднена, и положеніе народа съ каждымъ днемъ становилось стѣснительнѣе. Конечно, равномѣрно съ стѣсненіями, росло и неудовольствіе народа, вспыхнувшее, наконецъ, послѣ паденія Самойловича 1686 г., въ крестьянскомъ возстаніи, о которомъ упоминаютъ всѣ почти южнорусскіе лѣтописцы. «Чернь—козаки и мужики, пановъ своихъ, а паче арендаровъ грабовали, а нѣкоторыхъ и мучили»; «своеволя по городахъ началася розширати»; «въ нѣкоихъ мѣстахъ обывателямъ и помѣщикамъ дѣлаютъ озорничество и убійство»; «не тилко арендаровъ, але и иншихъ людей и крамаревъ невинныхъ бсзумнѣ брали и имѣніе ихъ между себе розшарповали, а нѣкоторыхъ и самихъ въ смерть забивали и разные збытки и мордерства надъ ними выполняли»; [3]). Возстаніе это вскорѣ было подавлено преемникомъ Самойловича—Мазепою; но причины, вызвавшіе его, оста-

---

[1]) Лазаревскій—посполитые крестьяне; стр. 17—18, 31, 35, 41, 47—48.

[2]) Тамъже, стр. 69.—Акты Западной Россіи, издан. Императорской Археогр Ком., Т. V, стр. 181, № 151

[3]) Краткое лѣто-изобразительное описаніе, изданное Н. Бѣлозерскимъ, стр. 85, Лѣтопись Рубана, стр. 142.—Лѣтопись Самовидца, стр. 78.—Ригельманъ, Ч. III, стр. 9.—Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 53.

лись въ полной силѣ. Напрасно русское правительство, обративъ, вслѣдствіе этого волненія, вниманіе на положеніе посполитыхъ людей въ Малороссіи, требовало отъ гетмана облегченія ихъ участи. Мазепа отвѣчалъ уклончиво: онъ ссылался на стародавніе обычаи, на права помѣщиковъ, подтвержденныя монаршими и гетманскими, грамотами и обѣщалъ облегчить по возможности участь народа [1]). На дѣлѣ же положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но, напротивъ того, постепенно ухудшалось. Ропотъ въ народѣ продолжался: «Гетманъ, говорили недовольные, пороздавалъ старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братьею, позаписывала себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность, и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поварачиваютъ, точно невольниками своими».—«Пристанемъ къ Петрику, побьемъ старшину, арендаторовъ и сдѣлаемъ по прежнему, чтобъ все было козачество, а пановъ бы не было [2])».

При столь стѣснительномъ положеніи посполитыхъ людей въ гетманщинѣ, при существованіи довольно возбужденнаго съ ихъ стороны неудовольствія, при тѣснотѣ народонаселенія, желаніе возврата на прежнее мѣсто жительства—въ западную Украину—было весьма естественно; обратный переходъ народонаселенія долженъ былъ случиться при первой возможности, при первой, сколько нибудь прочной, гарантіи спокойствія. Возможность эта вскорѣ представилась и народъ охотно ею воспользовался.

Первая попытка обратной колонизаціи западной Украины принадлежитъ Александру Дукѣ. Получивши эту богатую область, господарь понялъ всѣ выгоды, какія можно было извлечь изъ нея, если бы удалось ее заселить;

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Т. XIV, стр. 192.

[2]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 182 и 185.

потому онъ и старался дать народу гарантіи спокойствія и самоуправленія. Дука объявилъ всеобщее право слободы во всей Украинѣ и возстановленіе козацкихъ полковъ въ прежнемъ ихъ видѣ, въ случаѣ если народъ пожелаетъ возвратиться на родину. Въ доказательство искренности своихъ обѣщаній, онъ назначилъ полковниковъ и отправилъ ихъ въ безлюдную степь; полковники поселились въ хуторахъ и стали созывать народъ на слободы,—переселенцы дѣйствительно быстро появлялись: они шли изъ Волыни, изъ Покутья, изъ Молдавіи, но, особенно, съ лѣваго берега Днѣпра. Но вскорѣ эта зарождавшаяся колонизація встрѣтила энергическое сопротивленіе со стороны Самойловича и была имъ уничтожена въ зародышѣ. По его повелѣнію учреждена была стража вдоль днѣпровскаго берега, съ приказаніемъ не допускать переправы черезъ рѣку, а когда эта мѣра оказалась не вполнѣ дѣйствительною, то гетманъ прибѣгнулъ къ болѣе строгимъ:—семейства переселенцевъ были арестованы и отправлены въ тюрмы и, наконецъ, отрядъ козаковъ отправился на правый берегъ, сжегъ всѣ строющіяся села и перегналъ обратно черезъ Днѣпръ селившійся въ нихъ народъ. Вскорѣ, вслѣдствіе паденія Дуки, сама мысль о колонизаціи была оставлена [1]).

Такимъ образомъ, не имѣя возможности населиться осѣдлымъ людомъ, западная Украина дѣлается притономъ бездомныхъ, бѣглыхъ, удалыхъ бродягъ; въ ней повторяется явленіе, давшее за два столѣтія назадъ начало запорожской сѣчи:—образуются изъ всевозможнаго зброда вооруженные, кочующіе въ степи отряды удальцевъ, и начинаютъ промышлять безпрестанною войною съ Турками и Татарами. Вотъ свидѣтельство о нихъ лѣтописца: «Въ тотъ часъ, яко зъ Малороссійскихъ, тако и зъ Запорожскихъ отваж-

---

[1]) Лѣтопись Величва, Т. II, стр. 527—530. Ригельманъ, Ч. II, стр. 176.

ныхъ юнаковъ многіе, собравши себѣ охотниковъ козаковъ и подѣлавшися ватагами, сирѣчь полковниками, безъ всякого указу, своею охотою, ради защищенія отъ нападенія бесурманскаго христіянъ и границъ обороняючи, по дикихъ степахъ кормячися отъ дикихъ звѣрей мясомъ и кріючися, татарскіе загоны, съ Полщи и зъ Россіи зъ людьми набранными, въ Крымъ и въ Бѣлоградщину въ неволю провоженными, разбивали и, користей—зъ коньми и оружіемъ—татарскихъ доставши, употребляли; христіянъ-же мужеска полу и женска зъ ихъ дѣтьми въ земли и отчества свои свободно отпущали и провождали. На которыхъ широкихъ и пустыхъ степахъ тыхъ-же отъ усердія всему христіянству безъ найму служащихъ козаковъ съ удивленіемъ надлежитъ ходъ розсуждати; понеже на тыхъ дикихъ и широкихъ степахъ не имѣется ни единой стези, ни слѣду, яко на морѣ. Обаче, тіе, вышеписанные ватаги, добре знающи проходы, акибы по широкихъ извѣстныхъ путехъ, зъ великимъ опасеніемъ, дабы не были гдѣ отъ Татаръ изслѣдованны, не имѣющи себѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ огня, и единажды въ сутки зѣло скудной пищи—толокна и сухарей толченныхъ вкушаючи и конямъ ржати не дающи, акибы дикіе звѣри кріючися по тернамъ и комышамъ, изъ великимъ опасеніемъ, пути своя—разно разъѣздяся, гублящи, хождаху; познаваху-же на тыхъ дикихъ и широкихъ степахъ себѣ путь—въ день по солнцу и кражахъ высокихъ земныхъ, въ нощи-же—по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ; и тако, Татаръ высмотрѣвши и нечаянно нападши, малымъ людомъ великіе ихъ купы разбиваху, и, отпустивши христіянъ въ ихъ отечество свободно, самихъ Турковъ и Татаръ въ Москву, а иныхъ въ Польшу,—къ королю, отвозяху [1])». Отряды этой вольницы въ случаѣ

[1]) Лѣтопись Грабянка, стр. 238—239. Тоже повторяютъ: Ригельманъ, Ч. III, стр. 13; Симоновскій, стр. 118; Лѣтоп. Рубана, стр. 145. Краткое лѣтоизобр. описаніе, стр. 86.

временной остановки борьбы съ невѣрными, не прочь были отправиться для разбоя и грабежа въ сосѣднія заселенныя области, въ Молдавію или въ кіевское Полѣсье; вслѣдствіе жалобъ шляхтичей польскому правительству, приходилось иногда отправлять значительное число хоругвей для очистки Полѣсья «отъ загнѣздившихся тамъ гультяевъ, промышляющихъ разбоемъ и грабежемъ [1])».

Но такъ какъ очистка степи была очень трудна, а польское правительство, вслѣдствіе беспрестанной войны съ Турками и разстройства своихъ финансовъ и администраціи, нуждалось постоянно въ войскѣ, то оно и рѣшилось воспользоваться готовою, вооруженною вольницею для своихъ военныхъ цѣлей. Въ 1683 году король Іоаннъ Собескій, человѣкъ, обладавшій несомнѣннымъ военнымъ талантомъ, но весьма плохой политикъ и администраторъ, предпринялъ походъ для освобожденія осажденной Турками Вѣны. Все время своего правленія Собескій преданъ былъ одной мысли—войнѣ съ невѣрными; всѣ другіе государственные интересы и обязанности онъ считалъ второстепенными акцессоріями, годными только для доставленія средствъ для этой войны. Еще въ званіи региментарія, а потомъ гетмана, Собескій долго воевалъ въ Украинѣ, зналъ и высоко цѣнилъ военныя качества козаковъ; по его мнѣнію они одни умѣли состязаться въ партизанской войнѣ съ Татарами, знали татарскія военныя хитрости, не затруднялись «добыть языка» и т. п. Потому, отправляясь въ походъ подъ Вѣну, онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, составить себѣ вспомогательный козацкій отрядъ; съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Украину опытныхъ офицеровъ: Булыгу, Дружкевича, Менжинскаго, съ порученіемъ вербовать козаковъ и съ обѣщаніемъ большого для нихъ жа-

[1]) См. № №: X, L и VIII, стр. 168 и L, VII, стр. 199.

лованья; универсалы королевскіе, приглашавшіе козаковъ на службу къ королю, листы, выданные разнымъ лицамъ на право формировать козацкіе полки, публиковались на Волыни, въ Полѣсьи, проникали даже на лѣвый берегъ Днѣпра; предложенія были сдѣланы и степнымъ удальцамъ [1]). Но вербовка шла медленно: паны, въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, не пускали своихъ крестьянъ въ козацкіе полки; въ восточной Украинѣ гетманъ Самойловичъ, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній и конфискаціи имущества, запретилъ козакамъ поступать въ польскую службу; онъ смѣнилъ полковника Стягайла, собиравшагося отправиться въ походъ, не смотря на гетманское запрещеніе, и старался нравственно подорвать въ общественномъ мнѣніи польскую вербовку, напоминая народу, въ своемъ универсалѣ, вѣковую вражду къ Полякамъ и справедливыя ея причины [2]). Съ большимъ трудомъ удалось Менжинскому и Булыгѣ собрать небольшое количество козаковъ, но и тѣ къ походу опоздали. Они встрѣтили королевскій лагеръ уже на обратномъ пути и, принявъ участіе во второй парканской битвѣ, отправлены были для вспомоществованія польскимъ войскамъ въ осадѣ Унгвара; но долго затянувшаяся осада и ненастное время года надоѣли имъ, они побросали свои полки и отправились въ разсыпную во свояси. Большая часть ихъ погибла въ Карпатахъ отъ холода, недостатка и меча венгерскихъ отрядовъ Текелія [3]).

Что-же касается кочевой вольницы, то ее не удалось агентамъ Собескаго, ни подъ какимъ видомъ, склонить къ

---

[1]) Salvandy, Histoire du roi Jean Sobieski, T. II, стр. 169—170. Лѣтопись Грабянка, стр. 232. Также см. № № IX, стр. 39—и X, стр. 40.

[2]) Лѣтопись Величка, Т. II, стр. 524—526. Ригельманъ, Ч. II, стр. 178.

[3]) Salvandy, T. II, стр. 254; Pamiętniki J. C. Paska, стр. 261. Акты западной Россіи изд. Имп. арх. ком., Т. V, стр. 179. Załuski, epistolae historico-familiares, T. I, Ч. 2, стр. 851.

участію въ походѣ регулярнаго войска. Чтобы извлечь изъ нея какую-бы то ни было пользу для своего предпріятія, Собескій призналъ ее козацкимъ войскомъ, поручилъ надъ нею начальство скрывавшемуся среди нея, бѣглому люблинскому шляхтичу, Куницкому, и, надѣливъ его громкимъ титуломъ гетмана и обѣщаніемъ жалованья, указалъ Молдавію и буджацкія степи, изъ которыхъ Татары ушли въ турецкій лагерь подъ Вѣну, какъ страны, гдѣ удобно можно было найти поживу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разореніемъ ихъ въ тылу турецкаго войска, возбудить для послѣдняго серьезныя опасенія и безпокойство. Дѣйствительно Куницкій сталъ дѣятельно приготовляться къ походу: собравши свою вольницу и усилившись прибытіемъ нѣсколькихъ тысячь людей, бѣжавшихъ къ нему изъ за Днѣпра, не смотря на мѣры, принятыя Самойловичемъ, онъ формировалъ полки, назначилъ полковниковъ и, наконецъ, въ ноябрѣ 1683 г. двинулся въ походъ, во главѣ 8000 войска. Онъ переправился въ Рашковѣ черезъ Днѣпръ, разбилъ нѣсколько мѣлкихъ татарскихъ отрядовъ, увеличилъ свои силы вербовкою Молдаванъ, сжегъ Тягинь (Бендеры) и отправился грабить оставленныя безъ защиты села Буджацкой орды, сопровождая свой походъ страшными истребленіями и жестокостями. Добравшись до Дуная, онъ узналъ у Киліи, что втылу его появилась орда, возвращавшаяся изъ турецкаго лагеря подъ Вѣною. Куницкій сталъ поспѣшно отступать вверхъ по теченію Прута, но Татары нагнали его. При появленіи ихъ, Куницкій бросилъ таборы и бѣжалъ съ немногочисленнымъ отрядомъ конницы къ Днѣстру, Молдаване оставили козаковъ и разбѣжались; покинутая предводителемъ пѣхота отбивалась извѣстное время; незначительная только часть ея переползла черезъ Прутъ, по едва установившемуся льду, и пришла въ Могилевъ, оставивъ лагерь со всею добычею въ рукахъ Татаръ, которые изрубили всѣхъ,

покинутыхъ въ таборѣ, козаковъ. Желая успокоить оставшихся, Куницкій потребовалъ отъ польскаго правительства присылки въ Немировъ жалованья для своего войска и сталъ переформировывать полки и распредѣлять имъ квартиры; но популярность его была уже потеряна; козаки составили въ началѣ 1684 г. въ Могилевѣ раду, потребовали на судъ Куницкаго и, упрекая его въ неудачѣ, потерѣ добычи и постыдномъ бѣгствѣ изъ стана, казнили смертью; вмѣсто него провозглашенъ былъ гетманомъ козакъ, перебѣжавшій изъ лѣваго берега Днѣпра,—Могила [1]).

Новый этотъ гетманъ не отличался, по мнѣнію современниковъ, особенными способностями. Самойловичъ называлъ его «дурнымъ», Мазепа писалъ о немъ: «оній глупецъ нетилько пьяный, але и тверезій, розуму не маетъ» и потомъ, разсуждая о желаніи Собескаго возродить козачество въ западной Украинѣ посредствомъ этого подставного гетмана, онъ прибавляетъ: «тотъ глупецъ, хватившися тамъ титулу такого, якого николи не есть годенъ, своимъ злымъ поводомъ многихъ людей зъ войска Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского въ згубное имя завелъ и далей заводитъ.... однакъ симъ король Его милость, порозумѣвши далей, же тотъ радца ни на що не сдастся, и овшемъ, прикладомъ иншихъ таковыхъ, на сторону ся ухилитъ, пречъ его отъ того титулу отставити рачитъ». Дѣйствительно, факты оправдали мнѣніе Мазепы о непригодности Могилы. Принявши гетманство, онъ поселился въ Немировѣ и оттуда пытался вести партизанскую войну съ турецкими гарнизонами, расположенными въ подольскихъ городахъ; но, на первыхъ-же порахъ, по-

---

[1]) Акты западн. Россіи, Т. V, стр. 174, № 144; лѣтопись Величка, Т. II, стр. 548—549. Załuski—Epistolae historico-familiares T. I, Ч. 2, стр. 859—860; Pamiętniki J. C. Paska, стр. 264. Лѣтопись Самовидца, стр. 74. Źródła do dziejów polskich—wydali M. Malinowski i A. Przezdziecki, T. II, стр. 375 и 377. Лѣтопись Грабянка, стр. 232.

палъ въ засаду, устроенную Турками въ Студеницѣ, потерялъ весь отрядъ и едва съ 30 всадниками убѣжалъ въ Немировъ; здѣсь его ждала новая бѣда: козаки, раздраженные неудачею, стали роптать, что Поляки заманили ихъ къ себѣ на службу, обѣщая большое жалованье, а между тѣмъ на дѣлѣ даютъ ничтожное; они обвинили гетмана въ участіи въ этомъ обманѣ и стали по мѣстечку «за шию его Могиленка волочити».—Злосчастный гетманъ едва убѣжалъ къ польскому гарнизону въ замокъ; тогда козаки составили раду и порѣшили бросить польскую службу и принести повинную Самойловичу. Они были приняты, прощены послѣднимъ и переведены на лѣвый берегъ Днѣпра. Напрасно, въ томъ-же году, король Собескій пытался заманить къ себѣ новыхъ перебѣжчиковъ съ лѣваго берега, обѣщая въ универсалѣ щедрое жалованье и раздачу суконъ, и указывая на религіозную обязанность бороться съ невѣрными. Самойловичъ торжествовалъ,—повторяя запрещеніе идти въ польскую службу, онъ указывалъ на гибель и неудачи, постигшія ослушниковъ, поддавшихся на польскія прелести; онъ указывалъ на плачевную участь ополченій Булыги, Куницкаго и Могилы и на несостоятельность громкихъ обѣщаній польскаго правительства.—Могила продолжалъ пребывать въ Немировѣ съ ничтожнымъ отрядомъ вольницы, съ которымъ онъ то сопутствовалъ польскимъ войскамъ, въ походахъ ихъ противъ Турокъ, то содержалъ гарнизонъ въ выстроенной Собескимъ крѣпости Св. Тройцы. Силы его не превышали 2000 человѣкъ. Неизвѣстно, какая развязка послѣдовала грустной его роли, но въ послѣдній разъ имя его упоминается въ 1686 г.; съ этого времени современныя свидѣтельства умолчиваютъ о немъ и мѣсто его занимаютъ личности, съ гораздо болѣе серіознымъ значеніемъ [1]).

[1]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 76—77. Лѣт. Самовидца, стр. 74. Акты запад.

Однако, не смотря на эти неудачныя попытки, Собескій упорно преслѣдовалъ мысль о возстановленіи зависимаго отъ Речи Посполитой козацкаго войска, необходимаго, по его мнѣнію, для успѣшнаго веденія войны съ Турціею. Зная хорошо стремленія вообще южнорусскаго народа и представителей его, козаковъ, въ особенности, онъ понималъ, что сколько нибудь серьезно нельзя разсчитывать ни на кочевую вольницу, ни на вербовку шляхтичами козацкихъ полковъ; онъ сознавалъ, что единственная возможность возстановленія козачества въ западной Украинѣ представилась-бы только въ такомъ случаѣ, если-бы ему удалось переманить обратно въ запустѣлую страну покинувшій ее народъ; народъ-же могъ возвратиться не иначе, какъ при существованіи достаточной гарантіи для своей вѣры, достаточнаго ручательства въ томъ, что имъ не овладѣютъ вновь паны и что козацкія права, личная свобода и поземельная собственность будутъ распространены на всѣхъ жителей края, безъ различія сословій и безъ всякихъ численныхъ и территоріяльныхъ ограниченій. Выполненіе этой задачи было для Собескаго сопряжено съ неимовѣрными трудностями и неудобствами: колонизація, если бы даже она пошла успѣшно, требовала значительнаго времени, а козацкое войско ему нужно было немедленно; трудно было ожидать, чтобы шляхта позволила королю возстановить сословіе и усилить народность, съ которыми она выдержала почти вѣковую упорную борьбу на жизнь и на смерть; наконецъ, самъ народъ не довѣрялъ положительно Полякамъ, и невозможно почти было придумать достаточную гарантію для того, чтобы преодолѣть это недовѣріе,—плодъ продолжительнаго горькаго опыта. Не смотря

Россіи, Т. V, стр, 176, 178, 179, и 196, №№: 147, 149, 150 и 166. Также см. № XXVII, стр. 97 и № LXII, стр. 213.

однако на эти трудности, королю удалось хоть отчасти выполнить свою задачу. Въ 1684 г. онъ издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли, уже предназначенныя къ вѣчному запустѣнію и только по имени числившіяся за Речью Посполитою. Онъ отдавалъ козакамъ пространство между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья, бывшіе полки: Чигиринскій, Каневскій, Корсунскій, Черкасскій, Уманскій, Кальницкій и Бѣлоцерковскій [1]). При этомъ онъ разсчитывалъ устранить сопротивленіе сейма надеждою, въ случаѣ образованія козацкой милиціи, на облегченіе налоговъ, требуемыхъ для войны съ Турками, которыми шляхта сильно тяготилась, и указаніемъ на то обстоятельство, что пріобрѣтена будетъ значительная военная помощь совершенно даромъ,—ибо уступка номинальной собствснности не могла-же считаться пожертвованіемъ. При томъ границы территоріи, уступленной козакамъ, не были точно опредѣлены въ универсалѣ и, потому, покончивъ Турецкую войну, шляхтѣ всегда оставалась возможность сократить эти границы по своему усмотрѣнію. Далѣе, время изданія универсала было выбрано весьма удачно: побѣда, одержанная подъ Вѣною, сильно польстила религіозному чувству и народной гордости шляхтичей, и они были, болѣе чѣмъ когда либо, склонны къ уступкамъ въ пользу короля; съ этой стороны разсчетъ не обманулъ Собескаго, шляхта не только не всполошилась, но, на ближайшемъ сеймѣ, подтвердила его распоряженіе. Вотъ статья изъ постановленій сейма 1685 года, относящаяся къ козакамъ: «Такъ какъ войско Запорожское своими услугами доказало въ двухъ послѣднихъ походахъ искреннюю свою вѣрность къ Намъ и къ Речи Посполитой, такъ какъ оно при томъ обѣщаетъ сохранять и впредь непоколебимо

---

[1]) См. № XXV, стр. 94.

рвеніе къ рыцарскимъ подвигамъ, правовѣрное негодованіе къ врагамъ креста Господня и врожденную вѣрость (?) къ намъ и Речи Посполитой; то мы принимаемъ въ отеческое наше попеченіе всѣхъ козаковъ,—Низовыхъ и Украинныхъ, тѣхъ, которые уже находятся на дѣйствительной службѣ, подъ начальствомъ гетмана Могилы, равно какъ и тѣхъ, которые пожелали-бы впредь признать этого гетмана и поселиться въ Украинѣ. Мы подтверждаемъ всѣ права, вольности и привиллегіи, пожалованныя имъ нашими предшественниками и, въ доказательство Нашего къ нимъ благорасположенія, Мы назначаемъ коммисаровъ, для распредѣленія и обезпеченія заселенія въ Украинѣ Нашихъ земель, для Нашей-же пользы [1]).

Не такъ легко было пересилить недовѣріе народа къ польскому правительству; весь успѣхъ дѣла въ этомъ отношеніи зависѣлъ отъ личныхъ качествъ и отъ характера дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя приняли бы на себя инціятиву колонизаціи. Очевидно было, что шляхтичамъ нельзя было поручить дѣла;—ихъ пріемы все бы сразу испортили. Нужно было назначить полковниками людей изъ народа или изъ козаковъ. Конечно, можно было разсчитывать, что найдутся люди способные и популярные;—но истинно и продолжительно популярными они могли быть только въ такомъ случаѣ, если бы были всецѣло преданы интересамъ своего народа, а при соблюденіи этого условія рождались вопросы: захотятъ-ли они, въ случаѣ успѣха колонизаціи, сдѣлать свой народъ слѣпымъ и покорнымъ орудіемъ въ рукахъ польскаго правительства? какіе будутъ послѣдствія для шляхетской республики при новомъ столкновеніи двухъ неоспоримо враждебныхъ элементовъ? На этотъ разъ польское правительство, занятое насущною потребностію, не по-

---

[1]) Volumina legum, T. V, стр. 350, § 25.

думало о разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Оно искало лишь энергическихъ колонизаторовъ, посредствомъ которыхъ разсчитывало усилить свои военныя средства, и личности такія вскорѣ представились.

Между тѣмъ первое извѣстіе о королевскомъ универсалѣ сильно возбудило надежды народонаселенія въ той части края, гдѣ держались еще шляхтичи, т. е. на Волыни и въ Полѣсьи; между посполитыми людьми обнаружилось волненіе, которое, если и ручалось за успѣхъ развитія колонизаціи, то, съ другой стороны, представляло несомнѣнные признаки того пониманія народомъ значенія козачества, которое далеко не совпадало съ разсчетами польскаго правительства. Едва распространилась молва о новомъ королевскомъ распоряженіи на счетъ козаковъ, какъ одинъ изъ полковниковъ козацкихъ—Миронъ, начальствовавшій Дымерскимъ полкомъ и поступившій подъ «рейментъ» Могилы съ почетнымъ титуломъ наказнаго гетмана, распустилъ молву черезъ агентовъ, отправленныхъ имъ по селамъ, что король возвратилъ козакамъ Украину до рѣки Случи, какъ было при Хмѣльницкомъ, что крестьяне должны считаться козаками и отказать въ повиновеніи своимъ панамъ. Съ трудомъ польскому региментарю удалось противудѣйствовать этой молвѣ,—онъ издалъ приказъ: хватать агентовъ Мирона и сажать на колъ, а королю отправилъ представленіе о невыгодныхъ послѣдствіяхъ его универсала [1]). Не смотря однако на эти мѣры, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ настроеніе народа проявлялось несомнѣнными заявленіями. Такъ въ Овручѣ бурмистръ, Гарасько Москаленко, при выходѣ изъ церкви въ день Рождества Христова, заявилъ публично народу: «Вскорѣ прійдетъ время, когда я замѣню въ городѣ мѣсто и короля и гетмана и старосты. Для насъ вѣдь ис-

---

[1]) См. № XXV, стр. 94 и № XXVII, стр. 97.

треблять и топить Ляховъ дѣло не новое; а близокъ часъ, когда намъ прійдется это доказать на дѣлѣ и, усмотрѣвши благопріятное время, очистить отъ пановъ окрестности нашего города» [1]). Ожидая обѣщаннаго времени, овруцкіе мѣщане явно заявляли свою ненависть къ шляхтѣ. «Извѣстно цѣлому міру, жаловались дворяне Редчичи, въ особенности же обывателямъ воеводства кіевскаго и города Овруча, какія обиды мѣщане овруцкіе причиняютъ шляхтѣ; они ежедневно наносятъ намъ кривды, притѣсненія, позоръ, брань, ругальства и издѣваются надъ нашею дворянскою честью». Болѣе нетерпѣливые изъ мѣщанъ разоряли лѣса и борти шляхтичей, отбирали у нихъ при встрѣчѣ оружіе, лошадей и деньги, самихъ шляхтичей били, сажали въ городскую тюрьму и грозили смертью въ случаѣ, если они осмѣлятся жаловаться въ судъ [2]). Въ мѣстечкѣ Народичахъ мѣщане наносили побои всѣмъ, попадавшимся подъ руку панамъ. Вотъ въ какихъ плачевныхъ выраженіяхъ описываютъ свои обиды помѣщики, жившіе въ окрестностяхъ Народичъ: «они безпрестанно нападаютъ на помѣщиковъ, дворянъ заслуженныхъ въ войскѣ и въ Речи-Посполитой, и, безъ всякого съ ихъ стороны повода, невинныхъ людей палками, какъ снопы хлѣба, молотятъ, бьютъ, истязаютъ, убиваютъ; топорами, пиками, лопатами, косами и всякими иными орудіями, которыхъ и не перечесть, постоянно каждаго шляхтича, лишь бы имъ подвернулся, угощаютъ, убиваютъ или до того сильно бьютъ, что приходится полумертвыя шляхетскія особы отвозить домой на возахъ или въ корытахъ! кровь-же ихъ, невинно пролитую, ручьями почти текущую, собаки и другія пьютъ животныя«. На такой «палочный банкетъ, подъ густую березовую и дубо-

---

[1]) См. № XII, стр. 45.
[2]) См. № LII, стр. 177.

вую руку» попадались крупные помѣщики: Трипольскіе, Глембоцкій, Якубовскій и т. д. [1]). Такое же настроеніе прорывалось и въ селахъ: въ Дымерскомъ староствѣ крестьяне побили и прогнали управляющаго, пріѣхавшаго съ королевскимъ универсаломъ требовать отъ нихъ повиновенія старостѣ; въ селѣ Боровомъ крестьяне побили проѣзжаго шляхтича и его прислугу, при чемъ изъявляли желаніе: «Если бы Богъ помогъ изъ цѣлаго нашаго края всѣхъ пановъ ляховъ выгнать [2]) и т. д. Однако волненіе крестьянъ и мѣщанъ было преждевременно, оно не могло привести ни къ какому серьезному результату до того времени, пока самая обширная часть территоріи не была заселена и пока въ ней не образовалось ядро козачества. Чтобы дать возможный исходъ волненію, успокоить встревоженную шляхту и вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить, по возможности, козацкое войско, впредъ до его настоящаго развитія, король рѣшился усилить вербовку козацкихъ полковъ въ Полѣсьи. Въ 1684 году многіе полѣсскіе шляхтичи получаютъ королевскіе «приповѣдные листы» на право вербовки на королевское жалованье козацкихъ полковъ; они принимаютъ въ нихъ всѣхъ охотниковъ безъ разбору: козаковъ изъ за Днѣпра, бѣглыхъ крестьянъ, мѣщанъ, околичныхъ шляхтичей [3]); они уговариваютъ помѣщичьихъ крестьянъ и слугъ поступать въ свои полки, а иногда принуждаютъ ихъ къ этому насильно; [4]) но преобладающій элементъ въ этихъ полкахъ составляютъ служилые, бездомные шляхтичи, по крайней мѣрѣ въ числѣ полковой старшины и сотниковъ попадаются въ большенствѣ случаевъ шляхетскія фамиліи, какъ

---

[1]) См. № XXIII, стр. 83.

[2]) Рм. № XXXIII, стр. 118 и № XXI, стр. 78.

[3]) См. Архивъ Югозападной Россіи Ч. IV, Т. I №№ 96 и 71; также въ настоящемъ томѣ № XLII, стр. 142.

[4]) См. № XXXII, стр. 116.

напримѣръ: Нараевскій, Струсь, Высоцкій, Демблевскій, Жубръ и т. д. «Новозатяжные» полки, сформированные шляхтичами, располагаются на квартирахъ въ кіевскомъ Полѣсьи, но полковники ихъ не считаютъ для себя выгоднымъ употребить, набранное ими за королевскія деньги, войско для участія въ военныхъ походахъ. Очутившись во главѣ относительно значительныхъ ополченій, они предпочитаютъ воспользоваться ими для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей. Одни употребляютъ свои силы для того, чтобы ограбить своихъ сосѣдей помѣщиковъ и увеличить такимъ образомъ собственныя средства, другіе для того, чтобы отмстить личныя оскорбленія или удовлетворить чувству давно накипѣвшей личной ненависти и мести, третіе, наконецъ, для того, чтобы овладѣть имѣніями, подлежащими съ ихъ стороны иску, или чтобы принудить противниковъ къ юридическимъ въ свою пользу уступкамъ. Шляхтичи—полковники оставались при этомъ глухи къ увѣщаніяхъ какъ гетмана, такъ и, спеціально назначеннаго для управленія ими, регаментаря Дружкевича. Напрасно какъ тотъ, такъ и другой отдавали приказанія полковникамъ козацкимъ: щадить имущество сосѣдей, прекратить грабежи и насилія и отправляться въ походъ,—универсалы ихъ оставались безъ послѣдствій, а власть была безсильна для того, чтобы заставить ихъ исполнить свои требованія [1]). Одинъ изъ этихъ полковниковъ, Криштофъ Лончинскій, занялся исключительно грабежемъ сосѣдей, съ цѣлью поживы.—«Панъ полковникъ Лончинскій, жаловались его сосѣди, сдѣлался полковникомъ не ради защиты Речи Посполитой и не для службы королевской, но исключительно ради своихъ домашнихъ, хозяйскихъ выгодъ, для угнетенія родовитой шляхты кіевскаго воеводства и для опустошенія ихъ имѣній.» Онъ ограбилъ Народыцкую волость, принадлежавшую

[1]) См. №№: XXVI, стр. 95; XLI, стр. 140; XVII, стр. 57.

дворянину Ивану Потоцкому, и насильно принуждалъ его крестьянъ и слугъ поступать въ свой полкъ [1]); разорилъ имѣніе Доминиканскаго Чернобыльскаго монастыря, выжимая у крестьянъ деньги и провьянтъ страшными истязаніями, собиралъ контрибуцію изъ имѣній дворянина Сурина и, наконецъ, ворвался въ богатую Чернобыльскую волость, принадлежавшую князю Павлу Сапѣгѣ; напрасно управлявшій этою волостью, шляхтичъ Юревичъ-Скорульскій, предложилъ Лончинскому провьянтъ въ качествѣ выкупа. Лончинскій провьянтъ взялъ, но тѣмъ не менѣе ограбилъ всю волость; козаки его стрѣляли въ крестьянъ, насиловали женщинъ, отнимали у крестьянъ все имущество и т. д. [2]). Въ послѣдствіи Лончинскій, узнавши о смерти бывшаго также полковника козацкаго Максимиліяна Булыги, подъ предлогомъ, якобы слѣдовавшаго ему отъ Булыги долга, ворвался въ его имѣнія: Бронки и Клинецъ и совершенно ограбилъ ихъ, потомъ, вломившись насильно въ женскій православный монастырь, бывшій въ Клинцѣ, въ которомъ искала убѣжища вдова Булыги, онъ ограбилъ какъ все имущество послѣдней, такъ и монастырское и церковное, и отправился разорять другія шляхетскія имѣнія, лежавшія въ окрестности. Наконецъ шляхтичи рѣшились отъ него избавиться; подъ начальствомъ одного изъ ограбленныхъ, шляхтича Яблонскаго, они напали на Лончинскаго, расположившагося на ночлегѣ въ селѣ Кобылинѣ и послѣ кровавой схватки разсѣяли его отрядъ, самаго Лончинскаго взяли въ плѣнъ и, въ свою очередь, захватили всю награбленную имъ добычу. Яблонскій доставилъ подъ стражею своего плѣнника къ коронному гетману въ лагерь и успѣлъ выхлопотать, чтобы онъ былъ казненъ смертью, по приговору военнаго суда [3]). Подобно Лончинскому промы-

---

[1]) См. № XXXII, стр. 103.
[2]) См. №№: XXXI, стр. 109, XI, стр. 42 и XXX, стр. 103.
[3]) См. №№: XLII, стр. 141; XLVII, стр. 165 и LI, стр. 173.

шляли грабежемъ, набиравшіе козацкіе отряды, дворяне: скарбникъ черниговскій, Иванъ Котарскій, сынъ его Яковъ, шляхтичъ Лаврентій Ловицкій [1]), и т. д. Между ними особенно отличался полковникъ Даніилъ Федоровичъ; за годъ своего полковничества онъ успѣлъ окончательно разорить грабежами, взыманіемъ кантрибуціи и истязаніемъ крестьянъ, волости: Хабенскую, Народицкую, имѣнія езуитской овруцкой коллегіи, имѣніе Михаила Ельца и многія другія, а, по истеченіи года, онъ распустилъ свой полкъ и, принявъ титулъ ротмистра его королевской милости, за награбленную добычу взялъ въ арендное владѣніе обширную Иванковскую волость [2]).

Но представителемъ этихъ шляхтичей, набиравшихъ козацкіе полки, можетъ служить Карлъ Тышкевичъ. Еще до того времени онъ славился буйствомъ, сутяжничествомъ, наклонностію къ насиліямъ и заѣздамъ; гродскіе суды и Люблинскій трибуналъ приговаривали его неоднократно къ «баниціямъ и инфаміямъ» т. е. къ лишенію чести и покровительства закона. Тышкевичъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ буйствовать въ окрестности, но, въ 1684 году, получивъ «приповѣдный королевскій листъ» на вербовку козацкого полка, онъ получилъ возможность развернуться въ болѣе широкихъ размѣрахъ и привести въ ужасъ всѣхъ своихъ сосѣдей, особенно-же тѣхъ, съ которыми прежде ему случалось бороться судебнымъ порядкомъ. Жалобы на насилія Тышкевича посыпались десятками. Панъ Тышкевичъ, жаловались его сосѣди, получилъ приповѣдный листъ на полкъ козацкій не столько ради службы королевской и Речи Посполитой, сколько ради угнете-

---

[1]) См. № XXVIII, стр. 98.

[2]) См. №№: XL, стр. 136; XLIII, стр. 144; XLV, стр. 159; LIV, стр. 182 и LXII, стр. 214.

нія и позора шляхетскаго сословія, ради истребленія домовъ и маетностей шляхетскихъ и присвоенія себѣ, женѣ и дому своему различныхъ имѣній и выгодъ.... желая вознаградить убытки, понесенные имъ вслѣдствіе прежде совершенныхъ имъ беззаконій, по приговорамъ Люблинскаго трибунала [1])». Вотъ въ какихъ словахъ обиженные шляхтичи описываютъ далѣе образъ его дѣйствій: «Пылая жаждою мести къ своимъ сосѣдямъ, шляхтичамъ заслуженнымъ въ Речи Посполитой и ея войскѣ, за полученныя нѣкогда противъ него приговоры инфаміи отъ трибуналовъ: Короннаго и Литовскаго и отъ разныхъ гродовъ, вслѣдствіе наѣздовъ, захвата чужихъ имѣній и другихъ совершенныхъ имъ беззаконій, Тышкевичъ, руководясь исключительно своеволіемъ и местію, не обращая никакого вниманія ни на инфаміи, ни на законы какъ гражданскіе, такъ и военные, размѣстилъ свой навербованный отрядъ въ шляхетскихъ имѣніяхъ...... люди его, своевольные и дерзкіе, занимая квартиры, опустошаютъ села, сбираютъ деньги подъ видомъ квартирныхъ и подводныхъ, крестьянъ бьютъ, на домы шляхетскіе наѣзжаютъ и грабятъ ихъ, шляхтичей рублятъ, вламываются въ крестьянскія коморы, на публичныхъ дорогахъ выпрягаютъ лошади и волы, лучшіе берутъ въ свою пользу, остальные отгоняютъ за нѣсколько миль, разбиваютъ проѣзжихъ, возы, какъ шляхетскіе, такъ и купеческіе, безъ разбору, грабятъ и расхищаютъ.... села по непріятельски жгутъ и опустошаютъ; въ пьяномъ видѣ за шляхтичами по полямъ гоняются, стреляютъ въ нихъ, бьютъ, мучатъ, вяжутъ..... крестьяне должны бѣжать изъ селъ, шляхтичи, постоянно опасаясь за жизнь, ищутъ убѣжища одинъ у другаго, разоряются, теряютъ крестьянъ, пребываютъ въ хаосѣ, худшемъ нѣжели во время между цар-

---

[1]) См. № XVIII., стр. 64; № XV, стр. 49—50 и друг.

ствія или во время первой козацкой войны. Подданые начинаютъ помышлять о бунтѣ, видя такое своеволіе козаковъ, не подчиненныхъ никакой дисциплинѣ, въ число которыхъ принимаютъ всякаго преступника и даютъ ему возможность преслѣдовать тѣхъ, которымъ онъ желаетъ мстить [1])».

Но главнымъ образомъ приходилось отвѣчать тѣмъ лицамъ, у которыхъ были тяжбы или вообще враждебныя отношенія съ Тышкевичемъ. Такъ напримѣръ, не за долго до своего полковничества, Тышкевичъ принужденъ былъ, по приговору трибунала, возвратить дворянину Криницкому незахваченное имъ село Варовичи. Набравши полкъ, онъ немедленно отправился въ это село, расположилъ въ немъ значительную его часть и взыманіемъ контрибуціи, подводъ, грабежемъ и т. п. разорилъ оное окончательно [2]).— Далѣе, вспомнивъ продолжительный процессъ, бывшій у него съ дворянами Харлинскими и Любовицкими за право владѣнія мѣстечкомъ Бышевымъ, онъ дважды отправлялъ отряды своего полка разорить имѣніе своихъ противниковъ,—Хабенскую волость, а впослѣдствіи вломался разнасильно въ Бышевскій замокъ, овладѣлъ имѣніемъ и разграбилъ имущество прежнихъ владѣльцевъ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ, Тышкевичъ ограбилъ и разорилъ имѣнія дворянъ: Якубовскаго, Скипора, Антонія Потоцкаго, Поецкаго и Ропачковскаго, находившихся къ нему въ болѣе или менѣе враждебныхъ отношеніяхъ; нападенія на ихъ села сопровождались истязаніями крестьянъ, грабежемъ ихъ имущества, насиліемъ надъ женщинами, побоями, наносимыми владѣльцамъ и т. п. [4]).—Послѣ истеченія года, Тышкевичъ распу-

---

1) См. № XVII, стр. 57—58

2) См. № №: XIII, стр. 45 и XIX, стр. 68.

3) См. № №: XIV, стр. 47; XX, стр. 73 и XXIX, стр. 99.

4) См. № №: XV, стр. 49; XVI, стр. 51; XVII, стр. 56; XVIII, стр. 63 и XXII, стр. 79.

стилъ свой полкъ и спокойно, до смерти, пользовался награбленною добычею, проживая въ своихъ селахъ: Королевкѣ и Христиновкѣ и въ захваченномъ имъ Бышевѣ.

Такимъ образомъ шляхтичи оказались не пригодными для формированія даже временныхъ козацкихъ полковъ. Убѣдившись въ этомъ на опытѣ, король, послѣ истеченія года, прекратилъ выдачу каждому изъ нихъ жалованья и такимъ образомъ, принудилъ распустить полки. Региментарю Дружкевичу, за которымъ оставлено было главное начальство надъ всѣми козацкими полками, приказано было впредъ выдавать приповѣдные листы не шляхтичамъ, а козакамъ. Дѣйствительно, съ начала 1686 года появляется цѣлый рядъ новыхъ полковниковъ, начальствующихъ надъ новонабранными козацкими полками. Полки эти болѣе отвѣчаютъ своему назначенію, такъ какъ они принимаютъ дѣйствительно участіе въ военныхъ походахъ, но внутреннее благоустройство края не выигриваетъ отъ перемѣны полковниковъ. Новые полковники, по большей части удальцы, представители козацкой вольницы, поставляютъ своею цѣлью поживиться, пожить весело и добыть средства для кутежа, не разбирая, какимъ путемъ онѣ будутъ пріобрѣтены: наймомъ въ военную службу, грабежемъ, насиліемъ и т. п. Конечно, въ числѣ новыхъ полковниковъ встрѣчаются и личности болѣе серьезныя, стремящіяся къ достиженію извѣстнаго народнаго политическаго идеала и къ обращенію въ пользу народа временно стѣсненнаго положенія польскаго правительства; но такія личности, по крайней мѣрѣ въ началѣ, составляютъ значительное меньшинство, и усилія ихъ, требующія извѣстнаго времени и предварительнаго труда, не обнаруживаются сразу. Личности эти: Палій, Самусь, Искра и Абазинъ, въ началѣ или вовсе не выдаются, или занимаютъ второстепенныя мѣста. Онѣ избираютъ, по преимуществу, мѣстомъ формированія сво-

7

ихъ полковъ степныя пространства, уступленныя козакамъ въ силу королевскаго универсала, стараются въ нихъ обжиться, вызвать колонизацію, образовать настоящія козацкія поселенія. Потому вначалѣ рисуются на первомъ планѣ удальцы, въ родѣ Апостола Щуровскаго, Яремы Гладкаго, Василія Искрицкаго, и т. п.—Послѣдніе избѣгаютъ поселенія въ степи, въ которой, на первыхъ порахъ, приходилось бороться со всякими неудобствами жизни и лишеніями; они бросаются на заселенныя мѣстности, гдѣ, посредствомъ грабежа и буйства, можно было пожить въ волю и потѣшить разгульный нравъ вольницы. При томъ, само польское правительство, вслѣдствіе разстройства своихъ финансовъ, подало поводъ къ грабежамъ и безчинствамъ новонабранныхъ козацкихъ полковъ: нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, правительство рѣшилось, вмѣсто выдачи козакамъ жалованья, удовлетворять ихъ сборомъ изъ земскихъ средствъ кіевскаго воеводства, а за недостаткомъ административной власти, имъ самимъ поручило взыманіе сборовъ. Вслѣдствіе этого, волости были росписаны по количеству полковъ, и каждый полковникъ получилъ въ своемъ районѣ право сбора такъ называемаго *борошна*. Подъ названіемъ борошна козаки имѣли право требовать съ жителей: выдачи денегъ на жалованье, снабженія козаковъ провіянтомъ на время похода, прокормленія ихъ въ теченіи зимы и, наконецъ, доставки орудій, нужныхъ для лагерной жизни: возовъ съ лошадьми и упряжью, топоровъ, косъ, боченковъ, лопатъ и т. д. Такъ какъ границы, до которыхъ могло простираться требованіе борошна не были точно опредѣлены, то козаки, кромѣ тягостнаго налога денежнаго и натуральнаго, требовали еще различныхъ прибавокъ, смотря по прихоти, и расширяли требованія продовольствія до неимовѣрныхъ предѣловъ: они то заставляли давать себѣ, сверхъ борошна,—порохъ, свинецъ, табакъ, соль,

деготь, и т. п., то требовали, для продовольствія, неимовѣрное количество напитковъ, свѣжей говядины, рыбы и т. п. Въ случаѣ невозможности или сопротивленія въ удовлетвореніи ихъ, они расточали жителямъ, безъ различія сословій, побои, насилія, грабежи и т. п. Такимъ образомъ толпы козацкой вольницы опустошали кіевское Полѣсье почти 10 лѣтъ.

Такъ въ концѣ 1685 года, полковникъ Макуха сталъ сбирать провіянтъ въ мѣстечкѣ Городницѣ [1]). Одинъ изъ самыхъ удалыхъ и беззастенчивыхъ героевъ этой вольницы, полковникъ Павелъ Апостолъ-Щуровскій, разорилъ сборомъ борошна въ томъ-же году, 1685, имѣнія дворянина Ельца; потомъ онъ перешелъ за сборомъ въ волость Брагинскую и продолжалъ кормиться въ кіевскомъ воеводствѣ до 1692 года [2]). Въ подобное отношеніе къ краю и къ его жителямъ становится и православный шляхтичъ, Василій Искрицкій, тесть Миргородскаго полковника Апостола, владѣвшій значительными помѣстьями въ окрестностяхъ Кіева. Въ 1689 году, онъ, какъ лице довѣренное, отправленъ былъ королемъ въ Украину, для составленія козацкаго полка и наблюденія за поведеніемъ другихъ полковниковъ [3]); но вмѣсто того, Искрицкій сталъ, подъ предлогомъ борошна, разорять волости не хуже другихъ своихъ товарищей [4]).

---

[1]) См. № XXXIV, стр. 119.

[2]) См. №№: LXII, стр. 212 и XLIV, стр. 148.

[3]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 167.

[4]) Въ 1691 году Искрицкій ограбилъ Чернобыльскую и Хабенскую волости и взысканіями своими разогналъ изъ нихъ жителей; вслѣдъ за тѣмъ, онъ разорилъ и опустошилъ Унинскую волость, числившуюся собственностью уніятскаго митрополита. Въ слѣдующемъ году Искрицкій уѣхалъ въ Варшаву, но оставленные имъ: наказной полковникъ—Афанасій Пиляй, и полковой асаулъ—Мойсей, до того усердно собирали борошно, что всѣ урядники и дворяне кіевскаго воеводства подали общую жалобу въ судъ на невыносимыя притѣсненія и обиды, испытанныя ими отъ козаковъ этого полка. Корон-

Въ числѣ своевольныхъ козацкихъ полковниковъ отличается особеннымъ буйствомъ нѣкто Ярема Гладкій. Въ 1690 году онъ служилъ у гетмана Самойловича, въ качествѣ «охотницкаго» полковника; оставивъ эту службу, онъ перешелъ въ Запорожье, а потомъ, въ исходѣ 1691 г., предложилъ свои услуги польскому правительству. Набравъ козацкій полкъ, онъ расположился, наравнѣ съ другими, въ кіевскомъ Полѣсьи и занялся сборомъ борошна; подъ предлогомъ этой контрибуціи, онъ окончательно обиралъ крестьянъ: деньги, скотъ, хлѣбъ,—даже одежда крестьянъ, поступали въ собственность козаковъ Яремы; сами крестьяне подвергались побоямъ и истязаніямъ,—женъ ихъ насиловали[1]). Полкъ Яремы пріобрѣлъ до того грозную репутацію, что при появленіи его помѣщики и крестьяне старались съ оружіемъ въ рукахъ отразить козаковъ. Такъ сотники этого полка принуждены были брать приступомъ мѣстечко Хойники, въ

ный гетманъ, и до того времени усмирявшій уже универсалами буйство Искрицкаго, обратилъ вниманіе на соборную жалобу дворянъ и приказалъ Искрицкому удержаться отъ дальнѣйшихъ беззаконій и выдать всѣхъ козаковъ, которые оказались виновными въ грабежѣ и насиліяхъ, причиненныхъ шляхтичамъ Кіевскаго воеводства, для производства надъ ними военнаго суда. Приказъ гетмана былъ отданъ вознымъ ассаулу Мойсею, но дѣло на томъ и остановилось. Искрицкій до того успѣлъ повліять на гетмана, что послѣдній не только остановилъ ходъ дѣла въ военномъ судѣ, но даже сталъ хлопотать въ пользу Искрицкаго, когда кіевскіе дворяне перенесли въ слѣдующемъ году дѣло въ люблинскій трибуналъ. Въ 1694 году полкъ Искрицкаго продолжалъ еще существовать и его наказаные полковники: Кевличъ и Мартинъ, не смотря на универсалы региментаря, грабили различныя волости подъ предлогомъ сбора борошна; такъ, въ этомъ году, они ограбили между прочимъ Олевскую волость, сопровождая сборъ контрибуціи всевозможными буйствами и насиліями. (См. № №: LXIII, стр. 217; LXIV, стр. 221; LXV, стр 223; LXVI, стр- 226; LXX, стр. 236; LXXIII, стр. 241; LXIV, стр. 248; LXXV, стр. 249; LXXVI, стр. 251; LXXVII, стр. 253; LXXXII, стр. 272; LXXXVI, стр. 281; и LXXXIX, стр. 288).

[1]) Такимъ образомъ Ярема опустошилъ имѣнія Овруцкой езуитской коллегіи, оттуда онъ перешелъ въ Чернобыльскую волость и подвергнулъ ее той-же участи. Въ слѣдующемъ году Ярема ограбилъ такимъ-же образомъ село Обыходы, волость Демидовскую и т. д.

которомъ намѣрены были занять квартиры и собирать бо-рошно [1]).

Кромѣ насилій и грабежей, сопровождавшихъ сборъ борошна, козацкая вольница и ея предводители страшно тяготѣли надъ краемъ необузданнымъ буйствомъ, неуваженіемъ всякаго закона и ничѣмъ неограниченнымъ стремленіемъ къ дракамъ, насиліямъ и безурядицѣ, вызываемымъ минутною прихотью или желаніемъ потѣшиться; количество жалобъ по этому поводу превышаетъ численностію даже количество жалобъ на грабежи, совершенные козацкими полками. Вотъ нѣсколько примѣровъ: полковникъ Апостолъ—Щуровскій, квартируя въ мѣстечкѣ Брагинѣ, встрѣтилъ на улицѣ шляхтича Ловицкаго, котораго наружность ему не понравилась; онъ тотчасъ принялся его бить, не говоря ни слова, и потомъ приказалъ козакамъ отколотить его палками и посадить подъ стражу; только на другой день, вспомнивъ о случившемся, полковникъ приказалъ выпустить Ловицкаго. Тотъ-же Щуровскій, встрѣтивши на свадьбѣ шляхтича Котарскаго, побилъ его безъ всякаго повода. Далѣе, узнавъ, что шляхтичъ Чеховскій доносилъ гетману о его бесчинствахъ, онъ приказалъ козакамъ ловить его по дорогамъ и, потомъ, дважды отправлялъ своихъ сотниковъ въ домъ Котарскаго; козаки, не заставши хозяина, били и разгоняли прислугу, стрѣляли холостыми зарядами въ его жену, обѣщали, поймавши мужа, убить на мѣстѣ палками и т. д. [2]). Полковникъ Искрицкій, квартируя въ мѣстечкѣ Демидовѣ, выгналъ изъ замка шляхтича Скорупскаго, управлявшаго имѣніемъ, занялъ замокъ въ качествѣ квартиры, приказалъ прекратить добываніе желѣзной

---

[1]) Акты западной Россіи, Т. V, стр. 241 и 242, № №: 213 и 214. Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 190; Также см. № №: XCI, стр. 295; XCII, стр. 302; XCVI, стр. 315; XCVIII, стр. 319 и CX, стр. 351.

[2]) См. № XLVI, стр. 162.

руды и, потомъ, уходя изъ Демидова, разрушилъ тотъ-же замокъ. Потомъ, соединившись съ полковникомъ Яремою, они напали на мѣстечко Народичи, во время отправлявшейся въ немъ ярмарки, захватили всѣ съѣстные припасы, объявили, что всѣмъ, собравшимся на ярмарку, намѣрены отрѣзать бороды и вырвать ноздри; когда-же, вслѣдствіе этого, народъ разбѣжался, они обратились къ мѣстнымъ евреямъ и мѣщанамъ и принудили ихъ дать выкупъ въ предотвращеніе исполненія ея [1]).

Безпорядки, причиняемые наемными козацкими полками усиливались еще и отъ нрава самой шляхты, не уступавшей козацкой вольницѣ въ своеволіи, наклонности къ буйству и къ насиліямъ. Присутствіе въ краѣ козацкихъ милицій представляло безпокойнымъ шляхтичамъ возможность пріобрѣтать, по найму, готовую силу для заѣздовъ на дома и имущества сосѣдей. Въ приложенныхъ актахъ мы находимъ многочисленные слѣды какъ готовности козаковъ предлагать, по найму, свои услуги для заѣздовъ, такъ и желанія шляхтичей пользоваться этими услугами [2]).

Такимъ образомъ, сформированные королемъ козацкіе полки, хотя и доставляли извѣстное количество войска во

---

[1]) См. № №: LXVIII, стр. 231 и LXXI, стр. 237.

[2]) Такъ въ ссорѣ двухъ семействъ дворянъ Дидковскихъ, то та, то другая сторона пользуется помощью козаковъ полка Даніила Федоровича, для угнетенія противниковъ. (См. № №: XXXV, стр. 122 и XXXVI, стр. 124). Такъ дворяне Радзиминскіе, съ помощью нанятыхъ козаковъ, отняли спорное имѣніе у Степана Трипольскаго, овладѣли его дворомъ, выгнали изъ него ночью его жену, а имущество предоставили на разграбленіе козакамъ. (См. № XXXVI, стр. 126). Такъ дворяне: Скальковскій и Войничовичъ нанимали, попеременно, козаковъ для заѣзда другъ на друга и потомъ, въ свою очередь, подвергались нападеніямъ со стороны тѣхъ-же козаковъ, вѣроятно считавшихъ себя недостаточно по условію удовлетворенными. (См. № XXXVIII, стр. 133 и № XXXIX, стр. 134). Точно также дворяне Горчинскій и Рудницкій нанимали, поочередно, козаковъ изъ полка Искрицкаго, дѣлали другъ на друга заѣзды, наносили себѣ взаимно побои, грабили имущество и заключали другъ друга въ тюрьму (См. №№: LXXIX, стр. 261 и LXXX, стр. 264). Дворянинъ Пашинскій, нанявши козаковъ изъ полка козацкаго полковника Киліяна, напалъ съ ними на домъ, враждовавшаго съ нимъ, двор. Болсуновскаго, изувѣчилъ его жену и брата и ограбилъ имущество. (См. № LXXXV, стр. 277). Дворяне Кумановскіе нанимали козаковъ для убіенія шляхтича Сачинскаго (См. № CXXXI, стр. 400); и т. д.

время военныхъ походовъ, но, въ то-же время, въ промежуткахъ между походами, они приводили въ состояніе полной анархіи тѣ мѣстности, въ которыхъ имъ приходилось проводить зиму или сбирать жалованье и провіянтъ. Шляхтичи кіевскаго воеводства, терпѣвшіе болѣе всего отъ безъурядицы, причиняемой козаками, засыпали безпрестанно жалобами на нихъ короля, коронныхъ гетмановъ, трибунальскій и гродскіе суды. Жалобы подавались личныя,—отъ имени обиженныхъ, и собирательныя,—отъ шляхты всего воеводства или отъ имени повѣтовыхъ и судебныхъ урядниковъ; такъ въ 1687 году гродскіе судовые урядники кіевскаго воеводства заявили протестъ о томъ, что они не могутъ по причинѣ козацкихъ разбоевъ, ни проѣхать свободно въ свои гроды, ни поручиться за безопасность судебныхъ засѣданій, и потому находятся въ необходимости отстрочить судебные рочки [1]. Въ 1692 году поданы были двѣ коллективныя жалобы отъ имени всѣхъ дворянъ кіевскаго воеводства: одна—на насилія причиняемыя полковникомъ Искрицкимъ, другая—на регинентаря Дружкевича о томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы употребить козаковъ для оберeганія границъ Речи Посполитой, размѣстилъ ихъ въ имѣніяхъ дворянъ кіевскаго воеводства, гдѣ дозволяетъ имъ грабить и разорять шляхетскія имущества, такъ, что, по словамъ просителей: «на всемъ пространствѣ, отъ рѣки Ирпеня до рѣки Славечны и Случи, происходитъ постоянное опустошеніе и разореніе, истязанія и убійства людей, заѣзды на домы шляхетскіе, грабежъ всего имущества; такъ, что никто не можетъ считать ни себя безопаснымъ, ни имущество свое обеспеченнымъ» [2]. Такая-же точно жалоба, отъ имени всѣхъ дворянъ кіевскаго воеводства, была подана въ 1696 году на регинентаря Вильгу, смѣнившаго

---

[1]) См. № XLIX, стр 170.
[2]) См. № LXVII, стр. 230.

Дружкевича, но, подобно ему, не бывшаго въ состояніи предотвратить безпорядковъ, проистекавшихъ какъ изъ способа устройства козацкихъ ополченій, такъ и изъ нрава людей, вошедшихъ въ составъ этой милиціи [1]).

Польское правительство находилось въ невозможности удовлетворить требованіямъ шляхтичей. Для того, чтобы прекратить буйства козаковъ, необходимо было начать съ того, чтобы отнять у нихъ право на сборъ борошна; между тѣмъ у правительства денегъ для жалованья не было, слѣдовательно сборъ борошна долженъ былъ продолжаться; при малѣйшей-же попыткѣ, со стороны регментарей или гетмановъ, клонившейся къ уменьшенію или ограниченію этого сбора, козаки объявляли, что, недополучивъ того, что слѣдовало по ихъ разсчету, они не пойдутъ въ походъ [2]). Въ виду временнаго успокоенія шляхетскихъ жалобъ, правительство прибѣгало къ двумъ средствамъ: первое состояло въ томъ, что коронный гетманъ или регментарь отправлялъ строгое предписаніе козакамъ о томъ, чтобы они не требовали провіянта съ шляхетскихъ имѣній и чтобы очистили ту или другую волость; предписанія эти оставались всегда неисполненными, но правительство считало, что изданіемъ ихъ оно, по крайней мѣрѣ, формальную сторону отвѣтственности слагаетъ съ себя въ глазахъ шляхты. Другое

---

[1]) См. № CIII, стр. 330.

[2]) Ambroży Grabowski, Starożytności historyczne polskie, T. II, стр. 532. Вѣроятно вслѣдствіе незнакомства издателя этого, весьма впрочемъ интереснаго матеріяла, съ южно-русскимъ языкомъ, произошла странная ошибка въ указанномъ документѣ: слово *борошно* (въ тѣсномъ смыслѣ мука, въ обширномъ провіянтъ) издатель превратилъ въ Borosin и принимаетъ это слово за имя одного изъ козацкихъ предводителей. При редакціи вкралась и другая ошибка: указанный документъ подписанъ—kasztelan Chełmski—безъ фамиліи; издатель, смѣшивая названія: Chełmski (Холмскій) и Chełminski (Кульмскій) называетъ фамилію Кульмскаго кастеляна Пржебендовскаго, вмѣсто совроменнаго ему кастеляна Холмскаго, которымъ и былъ регментарь Станиславъ Дружкевичъ (См. въ настоящемъ томѣ № LXVII, стр. 230).

средство, къ которому прибѣгали рѣже, состояло въ смѣнѣ региментаря, т. е. главнаго начальника козацкихъ ополченій. Станиславъ Дружкевичъ, кастелянъ Любачевскій и потомъ Холмскій, назначенный региментаремъ еще во время вѣнскаго похода, въ 1683 году, держался на этой должности до 1692 года; въ этомъ году, вслѣдствіе неудачнаго похода за Днѣстръ, а также, вѣроятно, вслѣдствіе вышеприведенной жалобы на него шляхты кіевскаго воеводства, онъ былъ смѣщенъ; вмѣсто него во главѣ козаковъ появляется, съ начала 1693 года, волынскій шляхтичъ, Бальцеръ Вильга, исправлявшій эту должность еще во время отлучекъ въ походы Дружкевича. Онъ продолжаетъ занимать ее до 1696 года, и, подобно Дружкевичу, не находитъ возможности удержать козаковъ отъ буйства и грабежей, а, напротивъ того, въ силу обстоятельствъ нерѣдко находится въ необходимости уступать ихъ требованіямъ. Такъ, вынужденный козаками, онъ долженъ былъ смѣнить полковника Манька, задобреннаго помѣщиками и удерживавшаго свой полкъ отъ сбора контрибуціи, и утвердить вмѣсто него, избраннаго козаками, полковника Кривоносенка, а также распредѣлить козакамъ волости для взыманія провьянта [1]). Даже въ случаѣ искренняго желанія прекратить грабежи козаковъ, онъ вызывалъ ихъ изъ волостей не иначе, какъ подъ предлогомъ военнаго похода [2]). Впрочемъ и самъ региментарь не прочь былъ поживиться и въ свою собственную пользу, если представлялась для этого возможность; такъ онъ, во время переходовъ войска, ограбилъ имѣнія дворянъ: Ельца, Сурина и т, д. [3]). Въ 1696 году на него подана была такая-же жалоба отъ дворянъ кіевскаго воеводства, какъ нѣкогда на Дружкевича. Дворя-

---

[1]) См. № LVI, стр. 196.
[2]) См. № LXXXVI, стр. 281.
[3]) См. № №: LXII, стр. 215; и XCV, стр. 313.

не упрекали Вильгу въ томъ, что онъ вовсе не удерживаетъ козаковъ отъ насилій, что даже не живетъ при войскѣ и, въ случаѣ принесенія ему жалобы на его подчиненныхъ, не подвергаетъ ихъ никакому взысканію [1]).

Между тѣмъ, какъ въ Полѣсьи, наемные козацкіе полки производили всѣ эти безпорядки, въ самой Украинѣ, среди степи, происходила дѣятельная колонизація, имѣвшая въ виду возстановить населеніе опустѣвшей страны, дать этому населенію козацкое устройство и, потомъ, усилившись, отказаться отъ зависимости отъ Польши, примкнувъ къ восточной половинѣ Малороссіи и ставъ вмѣстѣ съ нею подъ покровительство Русскаго правительства. Эту задачу, составлявшую цѣль постоянныхъ желаній всей народной массы, стали преслѣдовать нѣкоторые изъ нанятыхъ польскимъ правительствомъ полковниковъ. Они поняли, что изъ универсала королевскаго, уступавшаго козакамъ обширныя степи, можно извлечь для народа серьезныя выгоды, и воспользовались этою уступкою; между тѣмъ, какъ ихъ товарищи накинулись изъ за поживы на населенное Полѣсье, они старались водвориться въ степи, гдѣ могли разсчитывать на тѣмъ большую безъопасность своей попытки, что шляхтичи, страдавшіе отъ буйства и грабежей другихъ козацкихъ полковъ, не только не думали имъ препятствовать въ колонизаціи, но, напротивъ того, очень рады были избавиться, этимъ путемъ, хотя отъ части грабившей ихъ вольницы. Въ числѣ полковниковъ, водворившихся въ уступленной королемъ степи, особенно выдвигаются: Искра, Самусь, Абазинъ и Палій. Захарій Искра и Самусь (Самуилъ) Ивановичъ (фамилія его неизвѣстна) принимали участіе, въ качествѣ охотниковъ, въ походѣ Собескаго подъ Вѣну; вѣроятно во время этого похо-

---

[1]) См. № CIII, стр. 330.

да они обратили на себя вниманіе короля, потому что немедленно послѣ возврата они получили «приповѣдные листы» на формированіе козацкихъ полковъ; набравши ихъ, они расположились въ пустынѣ: Самусь—въ Богуславѣ, Искра—въ Корсунѣ, и начали заселять округи этихъ городовъ; въ отличіе отъ другихъ наемныхъ полковниковъ, они, желая ясно обозначить земскій характеръ, который они старались сообщить козачеству, стали называться, вмѣсто охотницкихъ,—полковниками Богуславскимъ и Корсунскимъ. Они принимали участіе въ походахъ Собескаго на Турокъ и тѣмъ обезпечивали за собою владѣніе занятыми ими землями [1]. Такъ Искра, въ походахъ короля въ Молдавію въ 1686 и 1687 годахъ, былъ раненъ и потомъ получилъ въ вознагражденіе въ потомственное владѣніе землю въ городѣ Житомирѣ [2]. Въ послѣдствіи даже, въ 1701 г., когда польское правительство желало уже уничтожить козаковъ, оно нашло необходимымъ задобрить Искру и предложило нобилитировать его, вмѣстѣ съ сыновьями: Иваномъ, Климунтомъ и Григоріемъ; нобилитація эта впрочемъ не состоялась, какъ вслѣдствіе протеста дворянъ кіевскаго воеводства, такъ и вслѣдствіе равнодушія къ ней самаго Искры [3]. Еще болѣе дѣйствительною оказалась для короля помощь, оказанная ему во время походовъ Самусемъ, который весьма счастливо отражалъ врывавшіеся въ Украину татарскіе загоны, отнималъ у нихъ плѣнниковъ и безпокоилъ движенія Турокъ въ Подоліи; король прислалъ ему въ награду титулъ наказнаго козацкаго гетмана и знаки этой должности: булаву, знамя и т. д., а также пригласилъ его поселиться въ Винницѣ или въ Немировѣ и принять на-

---

[1] Лѣтопись Величка, Т. II, стр. 533 и 550.

[2] Załuski, Epist. hist. fam. T. I, Ч. 2, стр. 965, 966, 998 и 1001; также см. № LXXII, стр. 239.

[3] См. № CXXXII, стр. 403.

чальство надъ всѣми козацкими полками [1]). Съ полною достовѣрностію нельзя указать времени признанія Самуся гетманомъ, но вѣроятно это случилось въ 1693 году. Въ 1692 региментаръ Дружкевичъ, въ отчетѣ своемъ королю, называетъ его полковникомъ и предостерегаетъ, что полкъ Самуся заселенъ и многолюденъ и, потому, обнаруживаетъ наклонность къ бунту [2]). Въ 1694 онъ уже, совмѣстно съ регментаремъ Вильгою и съ титуломъ наказного гетмана, начальствуетъ надъ всѣми козацкими полками, а въ 1696 является независимымъ ихъ начальникомъ; по крайней мѣрѣ гетманъ коронный передаетъ черезъ него свои распоряженія, относящіяся къ козацкимъ полкамъ [3]). На ряду съ Самусемъ, въ опустѣвшей Брацлавщинѣ, появляется, около 1690 года, полковникъ «подольскій» Абазинъ, который дѣятельно развиваетъ козацкую колонизацію въ области бывшихъ при Хмѣльницкомъ козацкихъ полковъ: Брацлавскаго и Кальницкаго. Регментарь Дружкевичъ, предостерегавшій короля въ 1692 г. о многолюдствѣ и наклонности къ бунту этого полка, наравнѣ съ Самусевымъ, извѣщаетъ, что новыя козацкія поселенія безпрестанно строятся въ окрестностяхъ Немирова, Винницы, Илинецъ и Брацлавля. Абазинъ дѣятельно отражалъ нападенія Татаръ на свой полкъ и состоялъ въ тѣсной связи съ Самусемъ и Паліемъ; посредствомъ послѣдняго, онъ вошелъ въ сношенія съ гетманомъ Мазепою, которому передавалъ

---

[1]) Лѣтоп. Грабянка, стр. 241. Ригельманъ, Ч. III, стр. 13. Лѣтоп. Рубана, стр. 145

[2]) Въ мартѣ 1792 г. мы встрѣчаемъ въ званіи наказнаго козацкаго гетмана какого-то *Гришка*, о которомъ Дружкевичъ пишетъ въ августѣ 1692 г. „Палій побудилъ къ бунту покойнаго Гришка“ (См. Ambr. Grab. Staroż. hist. polsk. T. II, стр. 531 и № LXIX, стр. 235.

[3]) Ambr. Grabowski, Staroż. hist. pols, T. II, стр. 532; Лѣт. Величка, Т. III, стр. 260, также см. № CII, стр. 329.

извѣстія о движеніяхъ Турокъ и Крымской орды [1]). Еще далѣе на западъ отъ поселеній Абазина до самаго Днѣпра, простирались попытки новой козацкой колонизаціи: туда переходили молдовскіе выходцы и образовали козацкіе отрады подъ разнами именами ротъ, сошень и т. д. [2]).

Но человѣкомъ самымъ дѣятельнымъ въ дѣлѣ возстановленія козачества, понимавшимъ вполнѣ народныя стремленія и умѣвшимъ прокладывать для нихъ путь среди трудныхъ обстоятельствъ этого времени, является Бѣлоцерковскій полковникъ, Семенъ Ивановичъ Палій. Какъ послѣдній представитель давно зародившейся и сознанной народомъ политической и общественной цѣли, какъ человѣкъ, стремившійся къ ней энергичнѣе и искреннѣе, чѣмъ всѣ другіе козацкіе предводители, Палій сталъ любимымъ народнымъ героемъ: множество думъ и преданій сохранились о немъ до сихъ поръ въ народной памяти. Народныя легенды окружили имя своего героя мистическимъ величіемъ, надѣлили его сверхъестественными качествами и поставили въ число любимѣйшихъ народу богатырей [3]); но тѣмъ не менѣе, среди ми-

---

[1]) Ambr. Grabowski Staroż. hist. polsk. T. II, стр 532, Лѣтоп. Величка, T. III, стр. 219.

[2]) См. № XL, стр. 449.

[3]) Въ народныхъ преданіяхъ Палій является одареннымъ сверхъестественною физическою силою и знаніемъ таинственныхъ, непреодолимыхъ средствъ веденія войны; онъ стрѣляетъ изъ пушекъ, заряжая ихъ „навхрестъ", проѣзжаетъ незримый по непріятельскому стану и т. п. Сила его столь велика, что кромѣ его собственнаго, испробованнаго коня, ни одна лошадь не только не можетъ вынести на себѣ богатыря, но валится на землю отъ одного прикосновенія его руки. „Палій бувъ лыцарь-богатырь, говоритъ народное преданіе, и вмівъ вінъ відъ всячины замовляты"—потому никто не могъ его ни побѣдить, ни взять въ плѣнъ, пуля его не брала, сабля его была вѣсомъ въ 5 пудъ, кружка, которою онъ пилъ—въ полъ ведра величиною. Если козакъ провинится, то Палій въ наказаніе заставитъ бывало его нести свою саблю;—„стонетъ подъ тяжестью бѣднякъ, а козаки надъ нимъ смѣются". Впрочемъ, народное преданіе прибавляетъ что сверхъестественная сила и знаніе Палія даны были ему свыше „вінъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ вое-

стической обстановки народныхъ сказаній, историческій характеръ дѣятельности Палія сохраняется вполнѣ и ясно просвѣчиваетъ сквозь иносказательную, аллегорическую форму преданій. Вотъ, напримѣръ, расказъ о рожденіи Палія, которымъ народная фантазія характеризируетъ значеніе его, какъ возстановителя въ западной Украинѣ давно уже умершаго козачества: Отправился поселянинъ пахать поле, плугъ его задѣлъ въ почвѣ какой то предметъ; присмотрѣвшись, поселянинъ увидѣлъ въ бороздѣ огромную мертвую голову: «это должно быть голова какого нибудь славнаго рыцаря» подумалъ крестьянинъ и унесъ ее домой, съ намѣреніемъ отслужить по неизвѣстному богатырю панахиду и предать голову погребенію. Возвратившись домой, онъ положилъ голову на скамью и усѣлся ужинать съ семьею. Послѣ ужина, жена, посмотрѣвъ на голову, сказала: «Должно быть на своемъ вѣку голова эта переѣла много хлѣба».—«Будетъ она еще ѣсть» отвѣтила сама голова. Испуганный крестьянинъ сжегъ голову, но дочь его отвѣдала по ошибкѣ, вмѣсто соли, оставшуюся отъ нея известь и сдѣлалась беременною. Узнавъ о случившемся, панъ отнялъ и уничтожилъ перегорѣлыя кости, но онъ не могъ предотвратить рожденія богатыря, чудесно зачатаго, вслѣдствіе случайнаго столкновенія чернаго народа съ умершимъ, но не лишеннымъ надежды на продолженіе своей жизни, козацкимъ преданіемъ. Богатырь этотъ и былъ «добрый козакъ»—Семенъ Палій. Далѣе, въ расказѣ о первоначальной жизни Палія, народныя сказанія представляютъ его человѣкомъ, предназначеннымъ свыше для борьбы со

вавъ". Благочестіе его было примѣрное: „Палій строилъ церкви и богато украшалъ ихъ, говоритъ преданіе, при томъ онъ имѣлъ обыкновеніе, выстроивши церковъ, закапывать подъ нее большія деньги, чтобы было за что подчинить, когда она обвѣтшаетъ. (См. записки о Южной Руси Кулиша, Т. I, стр. 115—128. Легенда, записанная Л. В. Ильницкимъ въ с. В. Снитынкѣ).

всевозможными проявленіями нечистой силы; вотъ нѣсколько варіянтовъ народнаго расказа, въ которомъ преданіе старается объяснить, какимъ образомъ его герой получилъ свое названіе. Отправившись въ Запорожье, Семенъ не могъ добиться надлежащей чести у козаковъ, потому что, не будучи въ состояніи указать на свой родъ, онъ не имѣлъ фамиліи; эта аристократическая разборчивость запорожцевъ раздражила его, онъ «зпаливъ атаманській куринь» и получилъ фамилію Палія. По словамъ другого преданія. Семенъ встрѣтилъ на берегу рѣки, на скалѣ сидящаго и кривляющагося чорта, онъ выстрѣлилъ, и «нечыстый» разлился пламенемъ и горящею смолою. Съ того времени и стали звать Семена—«Паліемъ, бо вінъ чорта зпаливъ» Бывшій при этомъ кошевой сказалъ ему: иди въ Украину и истребляй «всяку нехрість», я вижу, что ты человѣкъ угодный Богу. И дѣйствительно, прибавляетъ преданіе, Палій сдѣлался грозенъ Ляхамъ и ордѣ, и одинъ онъ могъ смирить измѣнника Мазепу [1]».—Такимъ образомъ народное преданіе, усматривая въ Паліѣ человѣка, предназначеннаго для борьбы съ нечистою силою, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея представителей по народному взгляду.

О дѣйствительномъ происхожденіи и родственныхъ связяхъ Палія осталось мало свѣденій; всѣ лѣтописцы согласны въ томъ, что Палій былъ родомъ изъ г. Борзны, что оттуда отправился въ Запорожье, а потомъ перешелъ въ королевскую службу, и что, женившись въ Хвастовѣ, онъ тамъ поселился и сталъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ козацкихъ вождей. По словамъ прошенія, поданнаго на Высочайшее имя Румянцеву въ 1775 г. священникомъ Іоанномъ Гурковскимъ, производившимъ свой

---

[1]) Записано А. И. Лонічевскимъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви въ селѣ Гребинкахъ. Также Основа, 1861 года, ноябрь и декабрь, отдѣлъ XI.

родъ отъ брата Палія, настоящая фамилія послѣдняго была *Гурко;* онъ былъ родомъ изъ города Батурина, гдѣ у него былъ общій съ братомъ домъ. Палій было прозвище, данное ему по запорожскому обычаю, въ Сѣчи [1]). По письмамъ и красивому почерку Палія [2]), можно заключать, что онъ получилъ хорошее для того времени воспитаніе, вѣроятно въ Кіевской коллегіи. Долгое время онъ оставался на родинѣ, считаясь въ компутѣ Нѣжинскаго полка. Въ селѣ Пуховкѣ остались неясныя преданія о его удали въ молодости и объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался во время внутреннихъ смутъ въ Малороссіи [3]).—Находясь еще на родинѣ, Палій былъ женатъ и, вѣроятно, овдовѣвши, отправился въ Запорожье. По крайней мѣрѣ осталось достовѣрное свѣдѣніе, что въ 1677 году онъ отдалъ замужъ дочь свою, *Парасковію,* за Антонія Танскаго, бывшаго впослѣдствіи полковникомъ Бѣлоцерковскимъ и Кіевскимъ [4]).—Изъ Запорожья, во время Вѣнскаго похода или немедленно послѣ него, Палій перешелъ въ королевскую службу. Здѣсь, поселившись въ Хвастовѣ, онъ женился вторично на сестрѣ нѣкоего *Саввы,* бывшаго долго потомъ ревностнымъ его сотрудникомъ [5]). Изъ остальныхъ родственниковъ Палія упоминаются только: его пасынокъ—*Семашко* и племянникъ *Чеснокъ* [6]).—Вотъ всѣ свѣдѣнія о первоначальной біографіи и о семейныхъ отношеніяхъ Палія. Извѣстія о перво-

---

[1]) См. № CCXCIX, стр. 784.

[2]) Историческій Русскій альбомъ Погодина 1853 г., № 145.

[3]) Черниговскія епархіальныя вѣдомости 1868 г., № 7, часть неоффиціяльная, стр. 256—257.

[4]) Имущество Танскихъ перешло въ наслѣдство, въ качествѣ приданнаго, въ домъ Александровичей, въ которомъ и сохранилась чаша, вылитая въ честь этого брака, съ надписью: *Антоній и Параскевія 1677 года.* (Сообщено М. Н. Александровичемъ).

[5]) Лѣтоп. Величка, Т. III, стр. 132. Amb. Grabowski. starożyt. hist. pol. T. II, стр. 131; также, см. № LXXVIII, стр. 260.

[6]) Otużnowski, стр. 15 и № CXXIV, стр. 360.

начальныхъ его дѣйствіяхъ, послѣ поступленія въ польскую службу, не менѣе скудны; имя его упоминается въ первый разъ только въ 1688 году въ качествѣ козацкаго полковника, но до этого времени всѣ источники о немъ умалчиваютъ; между тѣмъ именно въ промежутокъ времени съ 1683 по 1688 г. и положены имъ были первыя основанія прочной колонизаціи и возстановленія козачества въ юго-западной Украинѣ. Въ 1688 году Палій обращается въ первый разъ въ Москву съ прозьбою принять его «со всѣми войсковыми и жилыми Хвастовскими людьми подъ свою державу [1])» и встрѣчаетъ рѣшительный отказъ со стороны русскаго правительства. Изъ этого свидѣтельства ясно, что рейонъ, въ которомъ поселился Палій, успѣлъ уже превратиться изъ голой степи въ заселенную страну, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовавшее первое его столкновеніе съ польскими властями, свидѣтельствуетъ о томъ, что характеръ поселеній, не смотря на доставляемыя ими военныя выгоды, возбуждалъ сильное безпокойство въ шляхетскомъ обществѣ.

Вслѣдствіе уступки Украины козакамъ по универсалу 1684 г., Палій рѣшился занять съ своимъ полкомъ, навербованнымъ «изъ запорожскихъ козаковъ, изъ городовыхъ гуляковъ и изъ всякой сволочи [2])» территорію бывшаго козацкаго Бѣлоцерковскаго полка. Выборъ этотъ представлялъ довольно выгодныя условія: мѣстность прилегала съ одной стороны къ Кіеву и давала возможность удобно сноситься какъ съ Россіею, посредствомъ воеводъ, жившихъ въ Кіевѣ, такъ и съ гетманомъ малороссійскимъ; съ другой стороны она граничила съ заселеннымъ и находившимся во владѣніи шляхты, кіевскимъ Полѣсьемъ и, такимъ образомъ, представляла возможность, въ случаѣ успѣшнаго пріобрѣтенія

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 174.

[2]) Лѣтопись Рубана, стр. 146.

силъ, отбитъ отъ Поляковъ всю эту область. Но поселеніе въ Бѣлоцерковскомъ полку представляло и нѣкоторое неудобство,—въ территоріи его находилась довольно значительная крѣпость, занятая польскимъ гарнизономъ. Послѣ запустѣнія западной Украины, Поляки удержали за собою только двѣ крѣпости въ обезлюдѣвшей странѣ: Немировъ и Бѣлую Церковь; послѣднюю Поляки считали весьма важнымъ для себя стратегическимъ пунктомъ, они ее не сдали Туркамъ, вопреки статьямъ Бучацкаго договора, потомъ защищали ее усердно отъ покушеній Дорошенка и Татаръ и, несмотря на скудность своихъ военныхъ средствъ, содержали въ ней достаточный гарнизонъ и опытныхъ комендантовъ. Близость этой крѣпости, конечно, была не удобна для цѣлей Палія; но онъ разсчитывалъ, что, раньше или позже, именно по причинѣ близкаго сосѣдства, ему представится случай овладѣть крѣпостью, безъ чего, конечно, нельзя было думать о прочномъ осуществленіи его плановъ. Покамѣсть-же, такъ какъ въ виду крѣпости не приходилось селиться, Палій избралъ мѣстомъ своего пребыванія другой пунктъ, не мѣнѣе важный для Поляковъ, хотя и въ иномъ отношеніи, именно, совершенно тогда опустѣвшій городъ Хвастовъ, На сколько Бѣлою Церковью дорожили Поляки въ военномъ отношеніи, на столько важенъ былъ для нихъ Хвастовъ въ отношеніи религіозномъ. Съ этою мѣстностью католическая іерархія Речи Посполитой привыкла издавна соединять всѣ свои надежды на пропаганду латинства въ кіевской епархіи, пока остававшейся, почти въ буквальномъ смыслѣ, „in partibus“. Еще въ половинѣ XVI вѣка Хвастовъ былъ пріобрѣтенъ кіевскими бискупами отъ Макаревичей; съ того времени, они прилагали всевозможныя усилія для того, чтобы сдѣлать свое владѣніе разсадникомъ дѣятельной католической пропаганды. Въ 1612 году бискупъ Радошевскій основалъ въ

Хвастовѣ езуитскую коллегію. Патеры немедленно обзавелись чудотворною иконою и проповѣдники ихъ съ усердіемъ принялись обращать православныхъ въ католичество; вскорѣ они составили цѣлый католическій приходъ изъ совращенныхъ ими Хвастовскихъ мѣщанъ. Нѣсколько раньше еще бискупъ Верещинскій основалъ въ Хвастовѣ польскую типографію, въ которой печатались богословскіе и политическіе трактаты, долженствовавшіе литературнымъ путемъ поддерживать усилія езуитовъ [1]. Пропаганда эта прекратилась только во время Хмѣльницкаго; но кіевскіе бискупы далеки были отъ того, чтобы отказаться отъ разъ начатаго дѣла. Въ 1689 году Андрей Хризостомъ Залускій доносилъ въ римскую конгрегацію, что хотя онъ на дѣлѣ можетъ распоряжаться едва въ $1/20$ части своей епархіи, такъ какъ все остальное или отошло къ Россіи или захвачено Паліемъ, засѣвшимъ въ Хвастовѣ, но, тѣмъ не мѣнѣе, онъ имѣетъ надежду возвратить потерянное и пока не оставляетъ безпрестанно отправлять, не смотря на большія опасности, монаховъ миссіонеровъ «для обращенія схизматиковъ и укрѣпленія въ вѣрѣ католиковъ [2]». Очевидно ксендзы выжидали только первой удобной минуты для того, чтобы опять сдѣлать Хвастовъ центромъ своей пропаганды. Вѣроятно желаніе предъупредить ихъ возвращеніе въ Украину и составило одну изъ болѣе важныхъ побудительныхъ причинъ при выборѣ Паліемъ центральнаго мѣста для своей колонзаціи. Поселившись въ Хвастовѣ, Палій началъ заботиться о заселеніи края, онъ объявилъ право слободы, гарантируя поселенцамъ козацкія права; всѣ люди, селившіеся въ Хвастовщинѣ, зачислялись въ козацкій полкъ, считавшійся на службѣ у короля и Речи Посполитой;—та-

---

[1]) Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, стр. 66—71.

[2]) Załuski, Epistolae historico-familiares, Т. I, Ч. 2, стр. 1112.

кимъ образомъ они получали законное существованіе и возстановляли козачество въ народномъ смыслѣ слова. Палій, какъ это ясно показываютъ дальнѣйшія его дѣйствія, разсчитывалъ быстро усилить и свои силы и свою популярность этимъ путемъ; тогда, пользуясь нейтральностью своей почвы, онъ располагалъ признать покровительство Россіи; пріобрѣтенная имъ извѣстность и любовь народа, должны были соедин[и]ть для этой цѣли всю, выроставшую въ предѣлахъ Речи Посполитой, новую козаччину. Наконецъ, заручившись покровительствомъ Россіи, можно было расчитывать на возможность изгнать всю шляхту изъ юго-западнаго края и присоединить его къ козачеству, по крайней мѣрѣ до границы, сдѣлавшейся, со времени Хмѣльницкаго, завѣтнымъ предѣломъ козачества въ народномъ убѣжденіи, т. е. до рѣки Случи.—Достиженіе этой цѣли, истекавшей изъ задушевныхъ убѣжденій народа, Палій преслѣдуетъ неуклонно, въ теченіе двадцати послѣдующихъ лѣтъ, которыя и составляютъ послѣдній эпизодъ существованія козачества на правой сторонѣ Днѣпра.

Первыя попытки Палія идутъ довольно успѣшно; переселенцы появляются въ Украину отовсюду: къ нему приходили и Запорожцы, и Молдаване, искавшіе спокойствія внѣ своей родины, служившей въ то время театромъ продолжительной турецко-польской войны; въ Украину переселялись и крестьяне изъ Подоліи, занятой Турками, и Русины изъ Червоной Руси, уже три столѣтія испытывавшей господство шляхты; «на Подгоріи, въ окрестностяхъ Санока и Перемышля, почти цѣлыя села остались пусты» замѣчаетъ польскій современный писатель. Въ Хвастовщину бѣжали отъ пановъ крестьяне изъ Волыни и Полѣсья, даже забѣгали польскіе хлопы [1]. Но самое значи-

[1] Соловьевъ, Т. XIV, стр. 214. Otwinowski—Dzieje polskie pod panowaniem Augusta II (изданіе 2-е), стр. 12; также см. № CXVI, стр. 365.

тельное количество переселенцевъ какъ въ Хвастовщину, такъ и въ полки Самуся и Искры, являлись съ лѣваго берега Днѣпра. Мазепа жаловался, что правобережные козацкіе полковники, вопреки договорамъ, позаводили слободы: въ Мошнахъ, Драбовкѣ, Корсунѣ, Богуславлѣ, «что ихъ осадчики переманиваютъ и подговариваютъ народъ съ лѣвой стороны Днѣпра; устеречь-же бѣглецовъ трудно, потому что нельзя по всему Днѣпру разставить карауловъ», что къ Палію перешло много козаковъ отъ Переяславской стороны [1]).

Причины стремленія народа переходить съ лѣваго берега на правый лежали въ томъ незавидномъ положеніи посполитыхъ людей въ Малороссіи, которое было указано выше. Послѣ паденія Самойловича положеніе народа не только не поправилось, но, вслѣдствіе личныхъ воззрѣній новаго гетмана, значительно ухудшилось.

Мазепа былъ человѣкъ для своего времени очень образованный, но онъ получилъ свое образованіе въ Польшѣ. Въ душѣ бывшаго королевскаго пажа и придворнаго сложились прочно извѣстные государственные и общественные идеалы, первообразомъ которыхъ была шляхетская Речь Посполитая. Мазепа сталъ въ рѣзкую противуположность съ исторически-выработавшимися стремленіями массы своего народа. Народъ этотъ, стремившійся къ равноправности, ненавидѣвшій панства, искавшій гарантіи отъ шляхетства и шляхетскихъ поползновеній козацкой старшины подъ державою Русскихъ Царей, поражалъ его своими мужицкими инстинктами. Недостатокъ шляхетства, ненависть къ нему, онъ приписывалъ не исторической судьбѣ народа, начала этихъ явленій онъ не искалъ въ племенныхъ, отличительныхъ чертахъ народности,—онъ видѣлъ въ нихъ

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 318 и 320.

результатъ грубости, невѣжества, недостатокъ цивилизаціи. Достигнувъ гетманской булавы, Мазепа рѣшился всѣми силами восполнить этотъ недостатокъ; всѣ его усилія направляются на то, чтобы создать въ Малороссіи шляхетское сословіе и поставить къ этому сословію посполъство и чернь козацкую въ отношенія подобныя тѣмъ, какія существовали въ Польшѣ между шляхтою и посполъствомъ: онъ приглашаетъ къ себѣ на службу польскихъ шляхтичей и составляетъ изъ нихъ почетный отрядъ, называемый «гетманскими дворянами» [1]. «Начальные люди теперь въ войскѣ малороссійскомъ все Поляки, «писалъ кіевскій воевода, князь Борятинскій,» при Обидовскомъ, племянникѣ Мазепы, нѣтъ ни одного слуги козака.... Гетманъ держитъ у себя въ милости и призрѣніи только полки охотницкіе, компанейскій и сердюцкіе, надѣясь на ихъ вѣрность, и въ этихъ полкахъ нѣтъ ни одного человѣка природнаго козака,—все Поляки [2]». Чтобы положить начало родовой аристократіи въ Малороссіи, онъ создалъ новый классъ, отличенный почетомъ и преимуществами,—бунчуковыхъ товарищей, куда попадали сыновья козацкихъ старшинъ, по указанію гетмана; они, вмѣстѣ съ выдѣлившимися еще прежде изъ массы козачества, знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародышъ наслѣдственнаго дворянства въ Малороссіи [3]. Развивая дворянство, Мазепа старался подчинить ему не только посполитыхъ крестьянъ, но и простыхъ козаковъ. Онъ поощрялъ старшинъ приписывать козаковъ въ число своихъ тяглыхъ людей и отнимать у нихъ земли. «У козаковъ, пишетъ князь Борятинскій, жалоба великая на гетмана, полковниковъ и сотниковъ, что для искорененія старыхъ козаковъ, прежнія ихъ

---

[1] Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 442.

[2] Соловьевъ, Т. XIV, стр. 317.

[3] Бантышъ-Каменскій, Т. III, стр. 224.

вольности всѣ отняли, обратили ихъ къ себѣ въ подданство; земли всѣ по себѣ разобрали: изъ котораго села прежде выходило въ службу козаковъ по полтораста, теперь выходитъ только человѣкъ по пяти или по шести;» [1]) и наоборотъ, въ отношеніи къ посполитымъ людямъ, Мазепа, вмѣстѣ съ окружавшей его старшиною, строго наблюдалъ, чтобы тяглые люди не выходили изъ своего сословія, посредствомъ приписки, въ казацкія сотни. Разсылались гетманскіе универсалы, въ которыхъ было сказано: «пилне упоминаемъ и приказуемъ, абы нигдѣ ново козаки съ тяглыхъ людей не уписовалися въ реестръ козацкій». [2]) Наконецъ, при Мазепѣ, въ первый разъ послѣ Хмѣльницкаго, появляется въ Малоросіи «панщина» (барщина) въ видѣ прибавленія къ дани и чиншамъ, которые крестьяне вносили въ пользу державцевъ. [3])

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій, конечно, вся масса народа относилась вполнѣ непріязненно къ гетману и къ старшинѣ, раздѣлявшей его стремленія: «Прошлаго лѣта, пишетъ князь Борятинскій, Кіевскаго полка козаки полковника своего, Мокіевскаго, за его къ нимъ налоги, чуть не убили. Гетманъ въ походѣ стоялъ полками порознь, опасаясь отъ козаковъ бунту; а еслибъ всѣ полки были въ одномъ мѣстѣ, то у козаковъ было совершенное намѣреніе старшину всю побить» [4]) Гетманъ самъ сознавалъ эту нерасположенность къ нему народа и не считалъ себя никогда довольно безопаснымъ; окруженный наемными полками, компанейскими и сердюцкими, онъ, для большей безопасности, выпросилъ въ Москвѣ полкъ стрѣльцовъ

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 317.

[2]) Акты западной Россіи; стр. 220, № 185.

[3]) Лазаревскій—посполитые крестьяне, стр. 35.

[4]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 317.

для охраны своей личности. Это шаткое положеніе гетмана и ненависть къ нему народа были до того очевидны, что при первомъ взглядѣ бросались въ глаза. Такъ путешественникъ, проѣзжавшій только вскользъ по Малороссіи, замѣчаетъ: «Только онъ (Батуринскій замокъ) крѣпокъ стрѣльцами московскими: на караулѣ все они стоятъ; тутъ цѣлый полкъ стрѣльцовъ живетъ, Аненковъ полкъ съ Арбату. И гетманъ онъ есть стрѣльцами-то и крѣпокъ, а тобы его хохлы давно уходили, да стрѣльцовъ боятся; да онъ ихъ и жалуетъ: безпрестано имъ кормъ, а безъ нихъ не ступитъ [1])».

На сколько нелюбимъ былъ народомъ Мазепа, на столько народное сочувствіе лежало къ Палію; по мнѣнію черни, Палій одинъ понималъ ея нужды, ея стремленія, онъ одинъ достоинъ былъ наслѣдовать эпитетъ «козацкаго батька» нѣкогда данный Хмѣльницкому. Мазепа сильно безпокоился возраставшею съ каждымъ днемъ популярностью своего соперника. «Палій межи военными людьми маетъ честь и многіе ходятъ за его поводомъ..... будучи здѣшнимъ родимцемъ, въ такую уже межи товариствомъ увойшолъ значность.... что отъ него малороссійскимъ порядкамъ учинится помѣшка.... многихъ онъ людей отселя къ себѣ потягнетъ и въ предбудучое время тутъ заведетъ межи народъ смущеніе» писалъ Мазепа къ Царямъ. До него доходили слухи, что козаки поговариваютъ: «Дадимъ Палію гетманство, вручимъ ему всѣ клейноды; Палій знаетъ какъ украинскихъ пановъ прибрать къ рукамъ [2])».—Мазепа ясно чувствовалъ, что популярность Палія не только роняетъ его личную гордость, не только возбуждаетъ въ немъ чувство зависти,—онъ видѣлъ, что попу-

---

[1]) Путешествіе въ Св. землю св. Іоанна Лукьянова, стр. 10.

[2]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 127—128. Соловьевъ, т. XIV, стр. 280.

лярность эта была основана на принципахъ, діаметрально противуположныхъ политическимъ и общественнымъ взглядамъ гетмана. Чтобы достичь осуществленія этихъ взглядовъ, необходимо было Мазепѣ или подчинить себѣ, или сломить Палія. Такимъ образомъ между ними, какъ между представителями двухъ противуположныхъ принциповъ, долженъ былъ развиться необходимый антагонизмъ и окончиться рѣшительною борьбою; борьба эта возникла дѣйствительно, не смотря даже на внѣшнія обстоятельства, заставлявшія постоянно Палія искать опоры и подчиняться власти Мазепы. Сущность этой борьбы народъ сознавалъ, можетъ быть, яснѣе, чѣмъ оба противника, и около нея вращаются всѣ народныя сказанія, героемъ которыхъ является Палій. Въ сказаніяхъ этихъ, такъже отчетливо какъ и въ свидѣтельствахъ современниковъ, представленъ демократическій и народный характеръ дѣятельности Палія, какъ мотивъ борьбы его съ Мазепою. Вотъ слова народнаго расказа: Мазепа за то погубилъ Палія, что его называли *козацькимъ батькомъ и что всѣ его сильно любили. Палій былъ искренно преданъ народу: онъ защищалъ его отъ пановъ и отъ всѣхъ, кто желалъ его обидѣть* [1])». Въ народной думѣ Мазепа такъ говоритъ королю шведскому:

Бо у Семена Палія хочъ и не велике війско охотнее,
тилько одна сотня;
А буде нашу тысячу гнаты и рубаты,
Буде намъ, велыкимъ панамъ, велыкій страхъ завдаваты! [2]).

При такомъ взглядѣ народа на Палія, какъ на представителя преимущественно крестьянскихъ интересовъ, какъ на противника панства, воплотившагося въ Мазепѣ,

---

[1]) Записано, Л. В. Ильницкимъ, въ окрестностяхъ Хвастова, въ с. Великой Снитинкѣ.

[2]) Сборникъ украинскхъ пѣсней, М. А. Максимовича, изд. 1849 г., стр. 89.

колонизація, предпринятая имъ, подвигалась очень успѣшно. Впослѣдствіи, когда Поляки стали уже тѣснить Палія, а русское правительство, не рѣшаясь принять его подъ свою державу, совѣтовало ему удалиться въ Запорожіе, Палій отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ остаться въ Хвастовѣ, не смотря на грозившую ему отъ Поляковъ опасность; «жаль мнѣ, говорилъ онъ, разстаться съ этимъ мѣстомъ, не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространныя поля хлѣбомъ насѣяны, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ..... Церкви Божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть [1])». «Людей у него, доносилъ Мазепа, тѣхъ, которые при немъ обрѣтаются, яко военные, такъ и жилые, яковыхъ въ мѣстечку Хвастовѣ на три тысячи хатъ поселилося; а надто и городъ тотъ желаетъ онъ при себѣ удержати, которій за его поводомъ велми гораздъ есть укрѣпленій». Священникъ Лукьяновъ, проѣзжая чрезъ Хвастовъ, Мироновку, Паволочъ, встрѣчаетъ по дорогѣ многочисленное осѣдлое народонаселеніе и большое изобиліе продуктовъ, составляющее рѣзкій контрастъ съ пустынею, лежавшею за чертою Паліевыхъ поселеній, «Хвастовъ, говоритъ онъ, городина хорошая, красовито стоитъ на горѣ; острогъ деревянный кругъ жилія всего; валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ [2])».

---

[1]) По преданію, въ Хвастовѣ существовало при Паліѣ 17 церквей православныхъ, въ томъ числѣ одна греческая и одна армянская. Въ Воскресенской Хвастовской церкви, находящейся на мѣстѣ построенной Паліемъ, хранится евангеліе съ надписью 1722 г. и тріодь съ надписью 1685 г. До сихъ поръ еще видны въ Хвастовѣ слѣды усадьбы Палія, вблизи того мѣста, гдѣ находится теперь волостное правленіе, и валы, окружавшіе замокъ, внутри которыхъ помѣщается теперь кладбище. Въ селѣ В. Снитинкѣ, за 5 вер. отъ Хвастова, есть также валы, оставшіеся отъ укрѣпленій, въ части села, называемой "Паліивщина„—Это вѣроятно мѣсто нахожденія Паліевыхъ пасѣкъ.

[2]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 214, Лѣтоп. Величка, Т. III, стр. 127. Путешествіе Лукьянова, стр. 15.

Чтобы доставить возможность спокойнаго развитія своей колонизаціи, Палій, въ первые годы своего поселенія, избѣгалъ всякаго столкновенія съ Поляками; за все время, съ 1683 по 1688 годъ, на него не послѣдовала ни одна жалоба со стороны шляхтичей и властей польскихъ; напротивъ того, онъ исполнялъ въ точности условія, на которыхъ получилъ право поселенія въ степи, т. е. ревностно воевалъ съ Турками и Татарами, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ польскіе и русскіе современные писатели. Война съ Татарами не только обезпечивала Палія отъ польскихъ притязаній, она была необходима для доставленія безопасности новымъ поселеніямъ и для упроченія довѣрія народа къ Палію; народъ могъ вполнѣ положиться только на такого вождя, который представлялъ бы неоспоримыя доказательства военныхъ способностей и храбрости. Въ борьбѣ съ Татарами Палій дѣйствительно упрочилъ свою популярность; всѣ его походы были счастливы: онъ, то разбивалъ захваченные въ степи отряды Турокъ и Татаръ, то опустошалъ поселенія Буджацкой и Бѣлогородской ордъ и жегъ предместья турецкихъ крѣпостей: Очакова, Аккермана, Кизикермана, Бендеръ, то съ успѣхомъ отражалъ набѣги Крымцевъ на Хвастовъ. Ему даже посчатливилось захватить въ плѣнъ одного изъ крымскихъ султановъ, котораго онъ заставилъ заплатить большой выкупъ. Народъ съ гордостію повторялъ подвиги Палія и вполнѣ полагался на военныя способности своего вождя [1]). Турки считали его самымъ грознымъ изъ враговъ своихъ и приходили въ трепетъ отъ его имени. «Мы бы васъ съ радостью и до Кіева проводили, говорили Турки, конвоировавшіе въ степи караванъ русскихъ купцевъ, да мы боимся Палія вашего; онъ насъ не выпуститъ вонъ отъ себя, тутъ де насъ побьетъ.

[1]) Лѣтоп. Грабянка, стр 240. Лѣтоп. Рубана, стр. 147. Соловевъ, Т. XIV, стр. 175 и 193; Otwinowski, стр. 15; также см. № LXXXIV, стр. 276.

У насъ про него страшно грозная слава, да мы никого такъ не боимся, что его; намъ де и самимъ зѣло хочется его посмотрѣть образа, каковъ де онъ?» [1])

Въ 1688 году произошло первое столкновеніе Палія съ Поляками. Послѣдніе узнали, что Палій посылалъ къ Мазепѣ съ прозьбою бить челомъ Царямъ о принятіи его подъ царскую державу и о причисленіи Бѣлоцерковскаго полка къ гетманщинѣ. Хотя Палію и отказано было въ его прозьбѣ, но Поляки, встревоженные этимъ намѣреніемъ, рѣшились подавить опасность въ зародышѣ. Палій былъ схваченъ въ Немировѣ, посаженъ въ тюрму и отправленъ въ лагерь гетмана коронпаго, осаждавшаго въ то время Каменецъ [2]). Между тѣмъ ксендзы, посланные кіевскимъ католическимъ епископомъ, явились въ Хвастовъ, объявили, что городъ возвращается во власть епископа и потребовали обращенія построенной Паліемъ церкви—въ уніятскую. Вѣроятно ксендзы появились въ сопровожденіи довольно сильнаго польскаго отряда, потому что козаки, хотя и отстояли церковь, но не осмѣлились ихъ выгнать изъ города; за-то отряды Паліевыхъ козаковъ двинулись въ Полѣсье и стали грабить имѣнія польскихъ пановъ, въ которыхъ до 1688 они вовсе не появлялись. Сотники Тышко и Андрущенко, съ 500 козаковъ, ограбили имѣнія дворянина Ельца, потомъ, вытѣсненные изъ нихъ польскими хоругвями и принужденные удалиться за рѣку Тетеровъ, они въ Декабрѣ заняли мѣстечко Иванковъ, арендное владѣніе шляхтича Федоровича, бывшаго прежде козацкимъ полков-

---

[1]) Путешествіе Лукянова, стр. 102.

[2]) Плѣнъ Палія въ народномъ преданіи смѣшался съ воспоминаніемъ о плѣнѣ въ Магдебургѣ Юрія Хмельницкаго, Митрополита Тукальскаго и полковника Гуляницкаго, схваченныхъ Поляками въ 1664 году. Потому преданіе указывало на Магдебургъ, какъ на мѣсто ссылки Палія, и прибавило романическій, невѣроятный расказъ объего освобожденіи. Преданіе это записалъ Грабянко, а за нимъ повторили и другіе лѣтописцы

никомъ, ограбили оное и нѣсколько разъ пытались приступомъ взять замокъ. Они удалились только тогда, когда получили выкупъ за сохраненіе замка и церквей, бывшихъ въ мѣстечкѣ, вѣроятно уже обращенныхъ въ Унію. Польскія хоругви спѣшили занять сосѣднія езуитскія имѣнія, чтобы защитить ихъ отъ Паліевыхъ козаковъ. Между тѣмъ самъ Палій, всю зиму просидѣвъ въ плѣну, успѣлъ весною 1689 года убѣжать съ помощію козаковъ, и, явившись въ Хвастовъ. началъ разправу съ ксендзовъ: онъ приказалъ послѣднимъ немедленно удалиться изъ города, а когда они отказались исполнить требованіе, то были схвачены и, по приказанію рады, казнены [1]. Съ этого времени Палій чувствуетъ, что ему далѣе не ужиться съ Поляками и начинаетъ дѣйствовать явно: съ одной стороны онъ становится въ открыто враждебныя отношенія къ шляхтѣ и къ польскому правительству: выбиваетъ шляхтичей изъ имѣній, заступается за ихъ крестьянъ, дѣлаетъ заѣзды на дворы, не повинуется ни коронному гетману, ни регимевтярямъ, и отражаетъ оружіемъ польскія войска, отправленныя для его усмиренія; съ другой стороны онъ сближается съ Мазепою и, при его посредничествѣ, настойчиво добивается принятія своего полка подъ царскую державу; встрѣчая постоянный отказъ, онъ старается всевозможными средствами пересилить его и, наконецъ, лишившись всякой надежды, полагается исключительно на свои силы и рѣшается съ ними отбиваться отъ Поляковъ и выжидать удобнаго случая для соединенія съ гетманщиною.

Такъ, возвратившись изъ плѣна, Палій обратился опять, черезъ посредничество Мазепы, къ русскому правительству съ прозьбою—принять его подъ свою державу; но ему

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 174; также см. №№: LXII, стр. 215, LIV, стр. 182 и LIII, стр. 180.

вторично отказали. Изъ Москвы отвѣтили, что не желаютъ нарушать договора, заключеннаго съ Польшею; но что если Палій желаетъ перейти на русскую сторону, то долженъ вмѣстѣ съ полкомъ своимъ отправиться сначала въ Запорожіе, какъ на территорію нейтральную, и оттуда уже переходить въ гетманщину [1]). Рѣшеніе это было для него не исполнимо,—онъ не хлопоталъ о переводѣ полка въ значеніи вооруженной милиціи, а хотѣлъ подчинить Россіи полкъ, въ смыслѣ территоріи, населенной козаками; переходомъ въ Запорожье цѣль эта не только не достигалась, но, напротивъ того, пришлось-бы пожертвовать колонизаціею, заведенною съ большими усиліями. Не показывая вида, что сущность этого отвѣта ему понятна, Палій рѣшился дѣйствовать такъ, чтобы помимо оффиціяльнаго отказа, поставить русское правительство въ необходимость принять его фактически. Для этого лучшимъ средствомъ онъ считалъ: набиваться на совмѣстную съ русскими войсками войну съ Татарами;—если услуги его будутъ приняты, то онъ станетъ необходимо, въ качествѣ полковника, подъ начальство гетмана лѣвой стороны Днѣпра, послѣ окончанія похода, ему, наравнѣ съ другими полковниками, выдано будетъ въ награду царское жалованье, по мѣстоположенію своему онъ приметъ роль сторожевого поста противъ Турокъ, будетъ безпрестанно передавать вѣсти гетману, указывать удобное время для дальнѣйшихъ походовъ, служить въ нихъ путеводителемъ и т. п. Такимъ образомъ его полкъ фактически будетъ составлять часть козацкого войска; русское и польское правительства свыкнутся съ этою мислію и оффиціальное присоединеніе къ Россіи послѣдуетъ уже не съ характеромъ от-

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 175.

торженія области отъ Польши, а будетъ только подтвержденіемъ существующаго факта. Такъ, послѣ возврата изъ плѣна, Палій ежегодно предлагаетъ Мазепѣ совмѣстные походы на Татаръ, послѣ каждаго похода предлагаетъ принять его подъ русскую державу и, получивъ отказъ, возобновляетъ въ слѣдующемъ году свой маневръ. Съ своей стороны Мазепа сильно хлопочетъ о принятіи Палія подъ свой рейментъ, имѣя при этомъ въ виду какъ расширеніе подвластной ему территоріи, такъ и прекращеніе развитія невыгодныхъ для него общественныхъ началъ; потому онъ поддается тактикѣ Палія, устроиваетъ общіе походы и безпрестаннымъ посредничествомъ старается склонить правительство къ удовлетворенію желаній бѣлоцерковскаго полковника. Такъ въ іюнѣ 1690-го года Палій предложилъ Мазепѣ совершить совмѣстно походъ противъ турецкаго города Кизикермена и, въ случаѣ удачи, опустошить татарскія кочевья между устьями Буга и Днѣпра.—Мазепа сейчасъ отрядилъ полки Переяславлскій и Лубенскій, и два охочіе полка, приказалъ имъ перейти чрезъ Днѣпръ и, только въ такомъ случаѣ, если Палій соединится съ ними, отправиться въ походъ. Предпріятіе осуществилось, Палій соединился съ лѣвобережными полками надъ рѣкою Тасьминомъ; окрестности Кизикермена были опустошены, Татары разбиты и всѣ участники похода получили жалованье и сукно изъ царской казны [1].—Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1691, Палій возобновилъ свои предложенія о подчиненіи Россіи, извѣщая, что онъ съ Поляками сталъ уже въ явно враждебныя отношенія и что, если его не примутъ въ Россіи, то онъ будетъ принужденъ подчиниться хану. Мазепа представлялъ, что послѣднее весьма опасно, что ханъ безъ сомнѣнія пріиметъ Палія, Запорожцы послѣдуютъ его при-

---

[1] Акты загадной Росіи, стр. 233—241; №№ 204—212.

мѣру и, такимъ образомъ, Татары чрезмѣрно усилятся во вредъ Россіи. Онъ предлагалъ принять Палія, оговорившись передъ Поляками, что онъ по происхожденію русскій подданный, и, потомъ, перевести его полковникомъ въ Переяславль; но изъ Москвы былъ полученъ прежній отвѣтъ, хотя и поручено Мазепѣ отклонить Палія тайно, подарками отъ царскаго имени, отъ подчиненія Крыму [1]. Обнадеженный этимъ, въ 1692 г. Палій опять предпринимаетъ совмѣсно съ полками Мазепы походъ,—Очаковъ былъ сожженъ и разграбленъ и только дождливое время года заставило козаковъ отказаться отъ похода на Бендеры [2]. Палій опять получилъ царское жалованье и зимою того-же года извѣстилъ Мазепу, что Поляки собираются въ походъ противъ него, что онъ, какъ «тонучій бритвы хопится хана» если Мазепа на выручку ему не пришлетъ войска. Послѣдній обратился въ Москву, представлялъ, что Палій находится въ крайности, совѣтовалъ его принять; но онъ получилъ тотъ-же неизмѣнный отвѣтъ: пригласить Палія, въ случаѣ крайности, удалиться въ Запорожье, военной-же помощи противъ Поляковъ не подавать ему ни подъ какимъ видомъ [3]. Въ теченіе слѣдующаго, 1693 года, Палій, какъ-бы желая постоянно ставить на видъ свою зависимость отъ Мазепы, извѣщалъ его о движеніяхъ татарскихъ и польскихъ войскъ, ѣздилъ даже къ гетману, желая посредствомъ сообщаемыхъ извѣстій, вселить подозрѣніе русскому правительству на счетъ якобы существовавшаго, тайнаго намѣренія Поляковъ объявить войну Россіи и, наконецъ, осенью предпринялъ походъ противъ Татаръ, вмѣстѣ съ полками Переяславскимъ и однимъ изъ охотницкихъ.

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV. стр. 185 и 193.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 82—83.

[3]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 126—129. Соловьевъ, Т. XIV, стр. 194.

Козаки опустошили окрестности Бендеръ, встрѣтили въ степи, на рѣкѣ Кодымѣ, Бѣлогородскую орду, вышедшую для грабежа окрестностей Кіева и, потомъ, повернувшую назадъ вслѣдствіе того, что Татары примѣтили въ степи слѣдъ козаковъ, направившихся въ ихъ землю; въ двухдневной сѣчѣ, благодаря храбрости и стойкости козаковъ Палія, превосходныя силы Татаръ были разбиты. Палію посланы были отъ имени Царей богатые подарки и жалованье для его полка, съ порученіемъ Мазепѣ вручить ихъ тайно по назначенію; но тайны именно не желалъ Палій; онъ немедленно разгласилъ о полученной присылкѣ и для того, чтобы сдѣлать болѣе явными свои сношенія съ русскимъ правительствомъ и тѣмъ поставить его въ невозможность долѣе отказываться отъ его пріема, онъ торжественно проѣзжалъ по Кіеву съ распущенными знаменами, присланными ему въ подарокъ изъ Москвы, и всенародно объявлялъ объ ихъ полученіи. Въ концѣ декабря того-же года Палій доносилъ Мазепѣ, что Поляки съ большими силами напали на него, что онъ не въ состояніи отъ нихъ отбиться и проситъ, если не возможно ни принять его подъ свой рейментъ, ни подать ему помощи, позволить ему, по крайней мѣрѣ, переселиться въ Васильковъ и въ Триполье, лежавшіе на правой сторонѣ Днѣпра, но уже въ русскихъ предѣлахъ. Но и это предложеніе, подобно всѣмъ предъидущимъ, было отвергнуто безусловно русскимъ правительствомъ [1].—Наконецъ упорство Палія стало истощаться. Въ началѣ 1694 года онъ предпринялъ послѣдній походъ сообща съ лѣвобережными полками. Они сожгли Кизикерменъ и Очаковъ, опустошили татарскія кочевья Буджацкой орды и разбили Татаръ въ нѣсколькихъ

---

[1]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр: 133, 135, 176, 179—181, 185, 200—201. Соловьевъ, Т. XIV, стр. 211—214

удачныхъ стычкахъ. Палій послѣдній разъ обратился къ Мазепѣ,—онъ ему еще разъ предложилъ, отъ имени всѣхъ жителей Хвастовщины, прозьбу о переселеніи въ Васильковъ и Триполье или о помощи противъ Поляковъ; получивши отрицательный отвѣтъ, онъ потерялъ надежду на возможность успѣха въ своемъ намѣреніи и рѣшился дѣйствовать инымъ путемъ, выжидая болѣе благопріятнаго времени [1]).

Пока велись эти безъуспѣшныя сношенія съ Россіею, Палій съ 1689 года сталъ въ рѣшительно враждебныя отношенія къ польской шляхтѣ и къ польскому правительству. Съ этого времени отряды его полка появляются въ Полѣсьи и на Волыни и стараются или выжить шляхту изъ имѣній или, по крайней мѣрѣ, причинить ей по мѣрѣ возможности болѣе вреда и убытковъ. Козаки его грабятъ по преимуществу панскіе дворы, изгоняютъ или бьютъ панскихъ урядниковъ и стараются заставить крестьянъ выселиться изъ панскихъ селъ и перейти въ Хвастовщину [2]). Не

---

[1]) Лѣтоп. Величка, Т. III, стр. 234—237 и 208=211. Лѣтоп. Гробянка, стр. 242. Лѣт. Самовидца, стр. 83—84.

[2]) Такъ нѣсколько сотень его полка водворились въ Унинской волости, принадлежавшей Кіевопечерской Лаврѣ и отданной теперь въ пользованіе шляхтичу Жабокрыцкому, разорили и опустошили ее, истребляли лѣса и насѣки, забрали хлѣбъ изъ помѣщичьяго гумна и вообще нанесли владѣльцу убытку на 20,000 золотыхъ (см. №№ LX, стр. 207 и LXI., стр. 209). Одинъ отрядъ разогналъ ярмарку въ мѣстечкѣ Народичахъ, и принудилъ Евреевъ и мѣщанъ заплатить выкупъ (см. № LXXI., стр. 235). Другой, соединившись съ отрядомъ козаковъ полковника Искры, занялъ имѣнія тарногродскаго старосты, Θедора Немирича: волости Горошковскую и Ушомирскую, и, оставаясь на квартирахъ нѣсколько лѣтъ, принудилъ почти всѣхъ крестьянъ выселиться изъ нихъ. Немиричъ жаловался, что онъ вовсе не получаетъ доходовъ изъ своихъ имѣній, такъ какъ Палій и Искра превратили ихъ въ пустыню бо́льшую, нежели была послѣ прежнихъ козацкихъ войнъ (Хмѣльницкаго). Изъ двухъ волостей осталось: въ Горошкахъ четыре хаты и въ с. Исайкахъ двѣ (см. № CXX, стр. 372) Отрядъ Паліевыхъ козаковъ ограбилъ дворъ и изранилъ шляхтича Ясильковскаго (см. № CXXI, стр. 374). Плѣмянникъ Палія—Чеснокъ ворвался, во главѣ 50 козаковъ, въ имѣніе дворянки Ласковой, разогналъ крестьянъ, избилъ ея урядниковъ, разрушилъ селитряный заводъ, а селитру и другую добычу доставилъ въ Хвастовъ и т. д. (См. № CXXIV стр. 380).

ограничиваясь разрушеніемъ шляхетскихъ селъ и нападеніями на ихъ дворы, козаки Палія вмѣшивались постоянно въ междуусобныя ссоры шляхтичей, помагали, по найму, то одной, то другой сторонѣ, увеличивали такимъ образомъ безпорядокъ и безсиліе шляхетской среды и нерѣдко кончали дѣло тѣмъ, что оставляли за собою и приписывали къ своему полку село, спорное между двумя шляхтичами. Такъ зимою въ 1689 году, въ Хвастовъ явились дворяне Бржевскій и Харленскій и жаловались наказному полковнику Паліеваго полка на бывшаго полковника козацкой вольницы, Карла Тышкевича, о томъ что онъ насильно захватилъ спорное имѣніе—Бышевъ и оставляетъ въ своемъ владѣніи; они обѣщали, въ случаѣ если имъ оказана будетъ помощь, подчиниться Палію и объявить крестьянамъ бышевскаго имѣнія слободу, т. е. освободить ихъ отъ всякихъ повинностей и предоставить имъ право безвозмезднаго землевладѣнія; на этихъ условіяхъ они получили помощь. Въ самый день Рождества Христова въ Бышевъ явились слуги Харленскаго и Бржевскаго, въ сопровожденіи сотни козаковъ. Сотникъ Зеленскій несъ полковничій перначь, въ знакъ предоставленнаго ему полковникомъ права на занятіе Бышева. Крестьянамъ объявили перемѣну владѣльца и предоставленную имъ слободу. Они, конечно, приняли извѣстіе съ радостію и отворили козакамъ ворота замка. «Неудивительно, жаловолись Тышкевичи, что они поддались на обѣщаніе слободы и признаніе власти (Палія); къ этому каждый хлопъ склоненъ по своей природѣ, которая его обыкновенно подстрекаетъ къ бунту противъ пановъ, особенно въ той мѣстности, близкой къ Кіеву и находящейся въ сосѣдствѣ съ козаками, которые постоянно возбуждаютъ крестьянъ къ неповиновенію и, на дѣлѣ, гораздо болѣе всякаго дѣдича, владѣютъ его имѣніями». Въ Бышевскомъ замкѣ все имущество Тышкевича и его друзей, хранившееся

въ немъ, какъ въ безопасномъ мѣстѣ, было отдано на разграбленіе козакамъ. Между тѣмъ въ Бышевъ пріѣхала Тышкевичева, вѣроятно желая принять мѣры для спасенія своего имущества, но озлобленные крестьяне, подстрекаемые новыми владѣльцами, напали на ея квартиру, прибили ее до полусмерти. Она обязана была спасеніемъ жизни только заступничеству козаковъ, которые вытянули ее изъ толпы, положили на маленькія сани и выпроводили изъ мѣстечка. Вслѣдъ за нею пріѣхалъ въ Бышевъ самъ Тышкевичъ, ѣздившій къ гетману съ жалобою на Палія; лишь только онъ явился, какъ подвергся участи постигшей его жену. Крестьяне и козаки напали на его квартиру, разграбили всѣ вещи, гнались за Тышкевичемъ и стрѣляли по немъ. Онъ спасъ жизнь только тѣмъ, что успѣлъ скрыться въ квартиру козацкаго сотника, и, потомъ, былъ отпущенъ въ Хвастовъ. Бышевъ остался во владѣніи козаковъ и былъ причисленъ къ ихъ полку. За оставшіяся отъ крестьянъ земли долго еще боролись противники, но, наконецъ, въ 1694 г., Тышкевичъ умеръ, а жена его была немедленно изгнана изъ Бышева козацкимъ сотникомъ, Федоромъ Слѣпымъ [1]).

Поводомъ къ самымъ частымъ столкновеніямъ Палія

---

[1]) См. № LV., стр. стр. 185—195 и XC, стр. 292.—Подобнее вмѣшательство козаковъ Паліевыхъ въ шляхетскія споры происходило довольно часто: такъ они отняли волости: Горностайпольскую, Бородянскую и Козаревскую отъ референдарія короннаго Щуки, въ пользу дворянки Дрогоевской; селаУнинъ и Воробьи отъ стольника волынскаго, Адама Олизара-Волчкевича, въ пользу дворянина Шумлянскаго; дворяне: Шлюбичъ-Заленскій, Яблоновскій и князь Илія Четвертинскій, пользуясь попеременно помощію Самуся, Палія и Искры, отнимали староство Сенницкое у старосты Антонія Чарнецкаго. Не только шляхтичи кіевскаго Полѣсья, пограничнаго съ Хвастовщиною, обращались къ козакамъ за помощью для рѣшенія своихъ споровъ, примѣру ихъ слѣдовали дворяне изъ отдаленныхъ мѣстъ Волыни. Такъ напримѣръ, съ помощію Палія, дворянинъ Микульскій отнялъ Шумскъ и другія имѣнія у дворянки Головинской, и т. п. (См. №№: CXXVI, стр. 384; CVIII, стр. 347; CXXV, стр. 382; CXXXVIII, стр. 419 и CXXXIX, стр. 421).

со шляхтичами служило его заступничество за крестьянъ. Каждый бѣглый крестьянинъ былъ увѣренъ, что онъ найдетъ въ Хвастовщинѣ безопасное убѣжище и потомъ, поступивъ въ число козаковъ, раньше или позже будетъ въ состояніи, съ помощію товарищей, свести счеты съ бывшимъ паномъ или съ его сосѣдями помѣщиками. Примѣры нападеній Паліевыхъ козаковъ на пановъ, по указанію бѣглыхъ крестьянъ встрѣчаются довольно часто [1].

Но самою характеристическою чертою отношеній Палія къ шляхтѣ, было постоянное присутствіе политическаго направлянія,—постоянное стрѣмленіе изгнать шляхту на пространствѣ всей территоріи отъ Днѣстра и Случи до Днѣпра и надѣлить всѣхъ жителей козацкими правами, замѣнивъ крѣпостныя повинности крестьянъ военною или денежною повинностію въ пользу козацкаго войска. Направленіе это понималъ вполнѣ народъ: «за Вислу Ляхівъ треба прогнаты, щобы ихъ тутъ и нога не постала» говорили крестьяне, участвовавшіе въ наѣздахъ козаковъ на панскіе дворы [2]. На лѣвой сторонѣ Днѣпра носилась

---

[1]) Такъ крестьянинъ Прокопъ, изъ села Мартыновичъ, навелъ козаковъ на дворъ наносившаго ему разныя обиды, сосѣда—помѣщика, Стецкаго; домъ послѣдняго былъ разграбленъ и панскіе урядники избиты; (См. № LXXXVII, стр. 284). Изъ села Клочковъ, принадлежавшаго дворянину Матіяшкевичу, бѣжалъ крестьянинъ Мойсей съ двумя сыновьями; одинъ изъ нихъ, Мартынъ, поступилъ въ козаки и, по его наущенію, сотня, въ которой онъ служилъ, грабила домы Матіяшкевича и его родственниковъ; (См. № XCIII, стр. 307). Крестьяне с. Игватовки, у которыхъ сосѣди, дворяне Недашковскіе, отогнали скотъ, призывали на помощь козаковъ Палія, отняли свои волы и нанесли Недашковскимъ сильные побои; (См. № XCIX, стр. 322); крестьяне села Кичкировъ ограбили, съ помощью козаковъ, домъ помѣщика Якубовскаго; (См. № CVI, стр. 338); козакъ Андрей Синица явился съ товарищами въ домъ дворянина Милкевича и, утверждая, что послѣдній отнялъ нѣкогда у его матери лошадей, принудилъ его вознаградить эту потерю; (См. LXXXIII, стр. 274); и т. д.—Кромѣ кресгьянъ, Палій оказывалъ поддержку въ краѣ и другимъ сословіямъ, которыя, по своему положенію и образу жизни, были солидарны съ массою народа; такъ, находя сочувствіе въ средѣ околичныхъ шляхтичей, онъ принималъ ихъ въ число козаковъ своего полка и неоднократно помогалъ имъ въ ихъ спорахъ съ сосѣдними помѣщиками. (Арх. Югозапад. Россіи, Ч. IV, Т. I, см. №№: 96, 103 и 107).

[2]) См. № LXXXVII, стр. 284.

молва, что Палій уже успѣлъ достигнуть этой цѣли; вотъ въ какихъ словахъ лѣтописецъ записалъ эту народную молву: «Утишивши-же заднѣпрія и поосажовавши многіе грады людьми, осѣлъ былъ (Палій) яко удѣльный панъ, войска свои охотніе по Полесю даже до литовской границы разстановляючи, десятины съ пасѣкъ, индукты и всякіе приходы со всѣго заднѣпрія, даже до Днѣстра и Случи, на себѣ отбираючи [1])». Поляки понимали также это направленіе Палія и оно ихъ безпокоило не менѣе сношеній его съ Россіею: «Палій организируетъ около Хвастова удѣльную область, доносилъ королю региментарь Дружкевичъ, онъ укрѣпляетъ городки, людей отовсюду собираетъ и заявляетъ претензію на весь край до Случи [2])». Другой Полякъ современникъ писалъ нѣсколько лѣтъ спустя: «Помирившись съ Турками, Речь Посполитая уже не нуждалась въ услугахъ Палія, а притомъ для насъ было нѣсколько опасно держать въ сосѣдствѣ этого хлопа, который, не только никогда не хотѣлъ повиноваться гетманскимъ приказаніямъ, но и сбиралъ доходъ съ имѣній разныхъ пановъ въ окрестности Хваствова, распредѣлялъ въ нихъ квартиры для своихъ козаковъ и только знатнымъ панамъ позволялъ пользоваться частичкою доходовъ [3])». Послѣдняя черта была подмѣчена вѣрно; стремясь сознательно къ опредѣленной цѣли, Палій сознавалъ, что онъ не имѣетъ достаточныхъ силъ для того, чтобы выдержать борьбу со всею Речью Посполитою, что случилось бы, если бы онъ захотѣлъ выгнать всю шляхту изъ Полѣсья и Волыни за одинъ разъ. Потому, зная разрозненность, мелкій эгоизмъ, отсутствіе всякого грожданскаго сознанія совре-

---

[1]) Лѣтопись Величка, стр. 240.
[2]) Ambroży Grabowski, Starożytności histop. polsk. T. II, стр. 532.
[3]) Otwinowski, стр. 15.

менной ему шляхты, онъ предпочиталъ, впредь, пока соберется съ силами, выживать ее по частямъ, или пользуясь шляхетскими же междуусобіями, или отнимая у шляхты имѣнія по одиночкѣ; при чемъ на него могли поступать только личныя жалобы. Зная притомъ, какое значеніе успѣли уже въ то время пріобрѣсти въ Речи Посполитой магнаты, онъ задобривалъ послѣднихъ въ полной увѣренности, что помимо ихъ вліянія правительство не обратитъ вниманія на жалобы мелкой шляхты. Вслѣдствіе такого разсчета онъ дозволялъ магнатамъ пользоваться частицею дохода изъ захваченныхъ имъ отъ нихъ имѣній, и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался обращеніемъ и пріемами снискать ихъ личную дружбу. Такъ напримѣръ, Минскій воевода, Завиша, описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ свою встрѣчу съ Паліемъ, когда онъ, по дорогѣ изъ Кіева въ Бердичевъ, проѣзжалъ черезъ Хвастовъ: «за полъ мили отъ города меня встрѣтилъ полковникъ Палій съ знаменами, при звукѣ трубъ и котловъ; онъ ввелъ меня въ городъ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя, принялъ и угостилъ щедро. Мы разстались, обмѣнявшись подарками [1])».—Съ Любомирскими Палій жилъ до того дружно, что въ послѣдствіи войну его съ Поляками многіе шляхтичи приписывали вліянію этой магнацкой семьи. При томъ онъ находился въ перепискѣ съ гетманомъ литовскимъ, Сапегою, съ Францискомъ Замойскимъ и т. д.

А между тѣмъ, опираясь на личныя дружелюбныя сношенія съ нѣкоторыми магнатами, Палій могъ безцеремонно захватывать имѣнія шляхтичей, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ: такъ онъ завладѣлъ селомъ Мотовиловкою, лежащимъ на границѣ русскихъ владѣній, и об-

---

[1]) Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody Mińskiego, (1666—1721), стр. 41 и 363.

ратилъ ее въ козацкую сотню; владѣлецъ, Аксакъ, долженъ былъ бѣжать на Волынь [1]; такъ шуринъ его, Савва, завладѣлъ имѣніями дворянина Ѳедора Ельца и принудилъ послѣдняго удалиться изъ нихъ [2]; такъ, расположивши козаковъ своихъ въ Иванковской волости, онъ разрѣшилъ крестьянамъ не давать ни чиншей ни хлѣба владѣльцу, не исполнять въ его пользу никакихъ повинностей, и т. д., а самъ ограничился взыманіемъ съ нихъ медовой дани [3],—Въ мѣстечка: Паволочь и Котельню, владѣлецъ вовсе и не являлся послѣ занятія ихъ Паліемъ и отказался отъ всякаго дохода изъ этихъ имѣній [4].—Изъ Радомысля, Унина, Кухаровъ и другихъ имѣній львовскаго уніятскаго митрополита, Палій изгналъ арендаторовъ, приказалъ крестьянамъ отдавать чинши себѣ, а арендатора Рудницкаго, не пожелавшаго уѣзжать изъ имѣнія, онъ принудилъ платить подать за право жительства [5].—Наконецъ онъ заставлялъ даже тѣхъ шляхтичей, которые бѣжали на Волынь, уплачивать себѣ дань; съ этою цѣлью онъ задерживалъ первые попавшіеся шляхетскіе возы съ товаромъ, взыскивалъ съ нихъ выкупъ, слѣдовавшій, по его расчету, съ бѣглаго шляхтича и, въ замѣнъ, отдавалъ владѣльцу росписку на право полученія суммы отъ того лица, отъ котораго онъ претендовалъ на дань [6].

Вытѣсняя шляхтичей изъ имѣній, козаки Палія старались вмѣстѣ съ тѣмъ, мало по малу, вытѣснить и шляхетскій юридическій строй изъ края, и замѣнить его судомъ козацкой рады. Потому они особенно издѣвались

---

[1] Rulikowski—Opis powiatu Wasylkowskiego, стр. 137.
[2] См. № LXXVIII, стр. 260.
[3] См. № CXIX, стр. 370.
[4] См. № CCXXXV, стр. 629.
[5] См. № CCLIII, стр. 678—679.
[6] См. № CCL, стр. 664.

надъ шляхетскими судебными чиновниками и препятствовали имъ исполнять ихъ должности. Такъ напримѣръ, когда судья кіевскій, Ремигіянъ Суринъ, отправился въ село Кухары для исполненія какого-то судебнаго приговора, то, на обратномъ пути, сотникъ Паліеваго полка, Цвиль, устроилъ засаду и поймалъ судью; козаки нанесли чувствительные побои какъ самому Сурину, такъ и сопровождавшимъ его шляхтичамъ, слугамъ и возному, приговаривая: «Быйте Ляхивъ, быйте! нехай не йиздятъ на суды,—нашъ тутъ козацкій судъ». Они ограбили весь обозъ Сурина, уничтожили всѣ бывшія съ нимъ бумаги и, посадивши его обратно въ коляску, осыпая ругательствами, отвезли нѣсколько миль назадъ и бросили въ лѣсу [1]). Обыкновено-же, при заѣздѣ на шляхетскій дворъ, козаки сожигали всѣ, попадавшіеся имъ подъ руки документы и вообще юридическія бумаги [2]).

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій, польское правительство должно было наконецъ обратить вниманіе на Палія, не смотря даже на безсвязность и безпорядокъ своихъ административныхъ пріемовъ. Безчисленныя жалобы шляхты были бы, можетъ быть, оставлены безъ вниманія; но съ одной стороны, расширеніе территоріи, въ которой господствовалъ Палій, какъ посредствомъ колонизаціи, такъ и посредствомъ захвата шляхетскихъ селъ, ясно высказываемое Паліемъ намѣреніе достигнуть Случи и Днѣстра, какъ границъ своего полка, съ другой стороны, не скрываемыя имъ сношенія съ русскимъ правительствомъ и съ Мазепою, и явное желаніе подчиниться Россіи—грозили шляхтѣ и правительству осуществленіемъ въ западной Украинѣ плана Хмѣльницкаго, задержаннаго въ своемъ развитіи Андрусовскимъ договоромъ. Гетманскіе универсалы, отправляе-

[1]) См. № CXII, стр. 356.
[2]) См № XCVII, стр. 317.

мые къ Палію съ требованіемъ—то удалиться изъ извѣстной мѣстности, то вовсе выйти изъ Полѣсья и оставить въ покоѣ шляхту и ея имѣнія, не обращали на себя даже его вниманія; Палій, поддерживаемый нѣсколькими другими козацкими полковниками, считалъ лишнимъ повиноваться коронному гетману [1]). Нужно было принять мѣры болѣе рѣшительныя.—Съ 1691 г. польскія войска предпринимаютъ дѣйствительно цѣлый рядъ военныхъ экспедицій, съ цѣлью разсѣять полкъ Палія и очистить Хвастовщину. Поляки усилили гарнизонъ Бѣлоцерковской крѣпости и стали частыми вылазками тревожить козацкія поселенія, нерѣдко подходя съ юга подъ самый Хвастовъ; съ другой стороны, польскіе региментари почти ежегодно собирали, бывшія у нихъ подъ рукою, польскія хоругви и козацкіе полки наемной вольницы и старались вытѣснить Паліевыхъ козаковъ изъ Полѣсья, обложить Хвастовъ съ сѣвера, или захватить самаго Палія въ степи, во время его походовъ противъ Татаръ. Благодаря своей предпріимчивости, прозорливости, военному искуству, связямъ съ польскими панами и особенно популярности между козаками и народомъ, Палій успѣвалъ, въ продолженіе 10 лѣтъ, разстроивать всѣ планы Поляковъ или отражать ихъ нападенія. Непріятельскія дѣйствія начались въ 1691 году: Палій возвращался изъ похода противъ Турокъ подъ Аккерманъ; региментарь Дружкевичъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ: подъ Паволочью отрядъ польскаго войска и козацкій полкъ Апостола-Щуровскаго преградили ему путь. Палій намѣревался уже силою проложить себѣ домой дорогу, но дѣло не дошло, на этотъ разъ, до сраженія. Козаки Апостола взбунтовались, убили своего полковника и перешли къ Палію, польскія хоругви отступили [2]). Воз-

---

[1]) См. №№: LVIII, стр. 200; LXIX, стр. 235; LXXVIII, стр 260; CIX стр. 349.

[2]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 175.

вратившись домой, Палій рѣшился отмстить Дружкевичу, но для этого нужно было ему, въ свою очередь, застигнуть противника въ степи; потому онъ отправилъ къ региментарю, не подавая вида, что онъ приписывалъ случившееся враждебное столкновеніе его иниціятивѣ, дружелюбное письмо, въ которомъ требовалъ жалованья для своихъ козаковъ,—за совершенный походъ, и вызывался въ слѣдующемъ году отправиться на войну подъ командою Дружкевича. Регментарь обрадовался такому обороту дѣла; желая загладить воспоминаніе о своей неудачной попыткѣ, онъ отправилъ Палію сукно, на довольно значительную сумму, и пригласилъ его къ совмѣстному походу. Дѣйствительно, весною 1692 г., Палій явился въ лагерь регментаря, стоявшій на переправѣ черезъ Днѣстръ у города Сороки; Дружкевичъ предложилъ Палію оставить 600 человѣкъ изъ своего полка въ Сорокѣ, въ качествѣ гарнизона, а съ остальными переправиться на турецкую сторону. Палій согласился; три сотни его полка переправились вмѣстѣ съ регментаремъ, остальныя, съ полковникомъ, должны были слѣдовать немедленно. Но лишь только войско регментаря, состоявшее въ значительной части изъ наемныхъ козацкихъ полковъ, находившихся подъ начальствомъ наказного гетмана Гришка, переправилось черезъ Днѣстръ, козаки Паліевы вошли въ сношеніе съ козаками Гришка; тѣ и другіе взбунтовались, захватили судна, служившія для переправы, перешли назадъ къ Палію и пустили судна по теченію рѣки. Гонецъ Палія извѣстилъ Бѣлогородскую орду, что на ея сторонѣ находится регментарь съ незначительнымъ отрядомъ войска, съ которымъ Татарамъ весьма легко будетъ справиться. Самъ-же Палій, съ передавшимися ему козаками, оставилъ Сороки и удалился въ степь, Съ большимъ трудомъ удалось регментарю бѣжать обратно за Днѣстръ до прихода Татаръ, но

при переправѣ черезъ Бугъ, его ожидалъ Палій; остававшіеся еще у ригиментаря козаки передались Палію, который притомъ овладѣлъ польскимъ обозомъ и пушками. Самъ Дружкевичъ едва спасся бѣгствомъ съ нѣсколькими польскими хоругвями [1]). Въ томъ же году польское правительство признало Дружкевича неспособнымъ управлять козаками и смѣнило его. Гетманъ коронный приказалъ польскимъ хоругвямъ размѣститься на зимнія квартиры въ кіевскомъ Полѣсьи, между Овручемъ и Дымеромъ, вытѣснить изъ нихъ козаковъ и готовиться весною въ походъ на Хвастовъ [2]). Но походъ этотъ не состоялся. Паліевы козаки не допустили польскихъ хоругвей занять назначенныя имъ квартиры, и жолнеры, пробовавшіе ворваться въ нихъ насильно, были отражены оружіемъ и должны были удалиться съ значительнымъ урономъ. Такъ, напримѣръ, четыре польскіе хоругви, хотѣвшія занять квартиры въ Овручскомъ староствѣ, были отражены Паліевыми сотниками: Уласомъ, Левкомъ, Михайломъ Даріенкомъ и Гавриломъ Великимъ, при содѣйствіи околичной шляхты [3]).

Въ слѣдующемъ году (1693) гетманъ коронный рѣшился заблаговременно подготовить болѣе значительныя силы для того, чтобы сразу покончить съ Паліемъ. Новому ригиментарю, Бальцеру Вильгѣ, поручено было управлять походомъ и непремѣнно овладѣть Хвастовымъ. Вильга расположилъ главную квартиру свою въ Чернобылѣ на Припяти, онъ усилилъ гарнизонъ Бѣлой Церкви, расчитывая на важное значеніе этой крѣпости въ предстоящемъ походѣ и собралъ въ Полѣсьи значительное количество войска. У него было въ распоряженіи до 50 польскихъ хоругвей разнаго

---

[1]) Ambroży Grabowski, Starożytności Historycz. Polsk. T. II, стр. 531—532.
[2]) Лѣтопись Величка, T. III, стр. 125—126 и 129.
[3]) См. № LXXXI, стр. 267.

наименованія: волоскихъ, панцырскихъ, гусарскихъ, также нѣсколько наемныхъ полковъ козацкихъ, подъ начальствомъ: Василія Искрицкаго, Яремы Гладкаго, Киліяна и т. д. На Волыни расположился бывшій региментарь Дружкевичъ съ резервомъ; притомъ гетманъ обѣщалъ прислать Вильгѣ артилерію и отрядъ нѣмецкой пѣхоты. Еще въ октябрѣ Палія извѣстили тайно полковникъ Ярема Гладкій и какой-то православный игуменъ изъ Полѣсья, что Поляки собираютъ противъ него значительныя силы; въ ноябрѣ извѣстія стали приходить все болѣе и болѣе частыя и опредѣленныя. Желая развѣдать положеніе дѣла, Палій отправилъ посланцевъ къ коронному гетману, подъ предлогомъ отсылки ему плѣнныхъ Татаръ. Гетманъ не скрывалъ своего намѣренія: «Палій не слушаетъ моихъ приказаній, сказалъ онъ козакамъ, безъ моего вѣдома ходитъ на Татаръ, а отъ этого для Речи Посполитой нѣтъ никакой выгоды. Онъ надѣется на покровительство Россіи и Мазепы, но я знаю навѣрно, что его Россія не приметъ, а заднѣпровскіе полковники пишутъ, что они всѣ его ненавидятъ и щадить не будутъ. Совѣтую вамъ, если хочете впредь получать королевское жалованіе, изберите другого полковника,—у васъ, козаковъ, не новость старшихъ перемѣнять»—Палій увидѣлъ, что приближается критическая минута борьбы. Онъ собиралъ всѣ свои силы и искалъ вездѣ помощи, онъ посылалъ письмо за письмомъ къ Мазепѣ, то съ просьбою подать помощь, то съ предложеніемъ обезпечить ему, въ случаѣ крайности, право отступленія въ Русскіе предѣлы; встрѣчая постоянный отказъ съ этой стороны, онъ пробовалъ войти въ сношенія даже съ Ханомъ, но времени недоставало для того, чтобы можно было надѣяться на своевременную татарскую помощь, даже въ случаѣ согласія Хана на присылку войска. Палій долженъ былъ ограничиться собственными силами; онъ расположилъ сво-

ихъ козаковъ въ Полѣсьи, желая оберегать отнятыя имъ отъ шляхтичей волости. Въ Хвастовѣ оставалось у него только 2000 человѣкъ; но на подмогу ему являлись, не смотря на запретъ Мазепы, козаки съ лѣваго берега, также приходили ежедневно толпы крестьянъ изъ Полѣсья.— Въ ноябрѣ Мазепа доносилъ Царямъ, что, примѣтивъ значительное скопленіе польскихъ войскъ, «посполъство зъ разныхъ мѣстечекъ и селъ, отъ того войска полского, якое на Семена Палія наступаетъ, взявши боязнь, тудажъ, въ Хвастовъ, позбѣгало, зъ якими людьми онъ, Семенъ Палій, певно въ бою противъ наступаючого польского войска отважне подержится, и може о семъ часѣ зачался у нихъ бой.» Между тѣмъ, въ началѣ ноября, а потомъ въ началѣ декабря, присланы были отъ коронняго гетмана въ Хвастовъ грозные универсалы, адресованные, помимо полковника, къ козакамъ и посполъству полка, «состоящаго подъ командою полковника Палія, бунтовщика противъ его Королевской Милости и моихъ приказаній». Козаковъ гетманъ упрекалъ въ неповиновеніи прежнимъ его приказаніямъ, въ бунтѣ и измѣнѣ, и заключалъ универсалъ слѣдующими словами: «Упомянутый Палій, равно всякъ, хто его держится,—за свои великія буйства, преступленія и ослушанія, подлежитъ наказанію, за бунтъ назначенному. Нынѣ симъ моимъ универсаломъ предупреждаю васъ, чтобы вы, лишь только сей универсалъ прійдетъ въ которую либо изъ вашихъ сотень, отъ помянутаго Палія, не ожидая прочихъ сотень, немедленно отставали, не держались-бы его и не слушали, а присоединялись-бы съ своими сотнями къ полкамъ вѣрнымъ и послушнымъ Его Королевской Милости и Речи Посполитой. Если такъ поступите, то увѣряю васъ, что безъ замедленія и обмана, наравнѣ съ другими покорными, получите платье, жалованье и довольствіе свое; а если и послѣ сего будете

упорствовать и при томъ бунтовщикѣ оставаться, или же ему станете помогать,—въ такомъ случаѣ рѣшился я истреблять васъ, поступая съ вами, какъ съ врагами Его Королевской Милости и Речи Посполитой. И такъ вѣдайте объ этомъ и соображайте, что для васъ лучше». Къ посполъству города Хвастова гетманъ говорилъ слѣдующее: и уже вы и сами о томъ можете знать, что Палій, полковникъ, явный бунтовщикъ, непокорный Его Королевской Милости и моимъ приказаніямъ, а потому, кто его держится и слушаетъ, тотъ такой-же какъ и онъ бунтовщикъ. И такъ какъ это безъ острастки и должного наказанія остаться не можетъ, то предостерегаю васъ и симъ универсаломъ моимъ увѣдомляю, что-бы вы его не держались, ни въ чемъ ему не помогали и не слушали его; напротивъ того, если нужно будетъ, что-бы вы его, какъ бунтовщика, изъ города выдали; въ противномъ случаѣ, если этого не сдѣлаете, я приказалъ васъ огнемъ и мечемъ наказывать и истреблять, какъ враговъ Его Королевской Милости и Речи Посполитой. Если же требуемое исполните, то о милости Королевской и вниманіи къ вамъ завѣряю». Но угрозамъ и надеждамъ польскаго гетмана не суждено было сбыться. Пока региментарь Вильга обдумывалъ въ Чернобылѣ свой планъ, поджидалъ артилеріи и нѣмецкой пѣхоты, своевольныя польскія хоругви и козацкіе наемные полки Искрицкаго и Яремы, не дожидаясь его, бросились на Паліевы сотни, расположенныя въ полѣскихъ волостяхъ. 29 декабря «въ день избіенія Иродомъ младенцевъ» Поляки на нихъ напали одновременно въ трехъ мѣстностяхъ: изъ волостей Демидовской и Бородянской Паліевцы были изгнаны съ урономъ, но въ Радомыслѣ шуринъ Палія, Савва, успѣлъ выдержать натискъ Поляковъ; вскорѣ на выручку ему пришелъ изъ Коростышева козацкій наемный полкъ Киліяна, передавшійся на его сто-

рону, и они въ свою очередь оттѣснили Поляковъ; Вильга, узнавши о случившемся, двинулся въ помощь своимъ изъ Чернобыля съ остальными хоругвями, но онъ опоздалъ и счелъ болѣе благоразумнымъ удержаться отъ военныхъ дѣйствій. Онъ расположилъ свои хоругви въ Полѣсьи и рѣшился ожидать весны; но весною значительная часть польскаго войска должна была отправиться въ походъ противъ Турокъ, и Вильга удовлетворился только тѣмъ, что въ февралѣ 1694 г. предпринялъ совершенно безплодную рекогносцировку до границъ мѣстности, занимаемой Паліемъ, и опять отложилъ дѣло до слѣдующей весны, ограбивъ при случаѣ нѣсколько шляхетскихъ селъ и дворовъ [1].

Отразивъ это нападеніе болѣе грозное, чѣмъ существенно опасное, Палій рѣшился отомстить наемнымъ козацкимъ полкамъ за ихъ участіе въ польскомъ походѣ. Онъ повелѣлъ своимъ сотникамъ, козаковъ Яремы и Искрицкаго, захвативъ на квартирахъ, бить и грабить, а поймавши, «передъ собою, какъ невольниковъ, гнать въ Хвастовъ.» — Особенно онъ былъ оздобленъ на начальниковъ: захваченный его козаками въ плѣнъ одинъ изъ наказаныхъ полковниковъ былъ приговоренъ къ смерти и помилованъ только по просьбѣ, случившагося въ то время въ Хвастовѣ, посланца Мазепы, Романа Пропенка. Искрицкій до того былъ напуганъ удачею и угрозами Палія, что просилъ короннаго гетмана выхлопотать ему въ трибуналѣ отсрочку по его тяжебнымъ дѣламъ, такъ какъ онъ не смѣетъ удалиться отъ своего полка, изъ опасенія Паліевыхъ козаковъ; потомъ—же, проѣхавши въ Польшу, онъ не возвращался болѣе; полкъ его частью перешелъ къ Палію, частью разсѣялся; послѣ 1694 г. о немъ болѣе не упомина-

[1]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 131—134 и 189—199; Соловьевъ, Т. XIV, стр. 210 и 211; также см. №№: LXXXVIII, стр. 285 и XCV, стр. 312.

ется. Нѣсколько долѣе просуществовалъ полкъ Яремы Гладкаго; но въ 1696 г. и этотъ полковникъ попался въ плѣнъ къ Палію и по его приговору былъ казненъ [1]). Послѣ его смерти въ польской службѣ остается одинъ только наемный козацкій полкъ, подъ начальствомъ молдаванина Тимофея Кутыскаго-Барабаша; но полковникъ этотъ старается примкнуть къ Палію: онъ защищаетъ занятыя имъ села отъ польскихъ хоругвей, вытѣсняетъ шляхтичей изъ имѣній, въ случаѣ сопротивленія сажаетъ ихъ подъ стражу и смѣется надъ ихъ жалобами и угрозами—«Не боюсь я ни короля, ни гетмана, отвѣчалъ онъ на угрозы арестованнаго имъ, шляхтича Ставецкаго, мой король—царь Турецкій, мой гетманъ—господарь Волоскій, а здѣсь надъ Барабашемъ нѣтъ никакой власти». Если же его козаки, по привычкѣ къ грабежу, разоряли крестьянъ, то Паліевы сотники заступались за послѣднихъ и выгоняли Барабашевцевъ изъ селъ [2]). Такимъ образомъ столкновеніе съ Поляками не только не ослабило силъ Палія, но, напротивъ того, усилило ихъ, объединяя козачину подъ его властью и вліяніемъ. Между тѣмъ, отразивши первый сильный натискъ Поляковъ и встрѣчая, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянный отказъ въ принятіи себя подъ русскую державу, Палій почувствовалъ необходимость, выжидяя болѣе выгодныхъ обстоятельствъ, заключить временное перемиріе съ Поляками. Въ 1694 году онъ обратился къ гетману коронному, Яблоновскому, съ упреками за несправедливое на него нападеніе войска региментарскаго и съ предложеніемъ принять участіе въ походѣ гетмана на Турокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ сношенія съ панами, распо-

---

1) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 213; Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 202; также см. №№: LXXXII, стр. 272 и CXIX, стр 371.

2) См. №№: CIV, стр. 332; CV, стр. 335 и CVII стр. 343.

ложенными лично въ его пользу: съ гетманомъ литовскимъ, Сапѣгою, съ Замойскимъ и другими, вѣроятно разсчитывая на ихъ содѣйствіе. Дѣйствительно, Яблоновскій принялъ благосклонно предложенія Палія. Въ отвѣтѣ своемъ онъ обѣщалъ полную королевскую милость, если Палій искренно смирится; въ доказательство искренности онъ требовалъ, чтобы Палій принесъ присягу на вѣрность королю, прислалъ заложниковъ,—свою дочь и пасынка, освободилъ польскихъ плѣнниковъ, въ обмѣнъ за пойманныхъ Поляками козаковъ его полка, и пріѣхалъ лично поклониться королю. Причины похода Вильги Яблоновскій объяснялъ поведеніемъ самаго Палія: «Ты, писалъ онъ, указовъ моихъ не слушалъ въ самыхъ важныхъ военныхъ обстоятельствахъ; въ имѣніяхъ пановъ своевольно раздавалъ становища непослушнымъ людямъ полка своего; шляхту, ихъ подстаростовъ, войсковыхъ товарищей и многихъ другихъ людей билъ, убивалъ, мучилъ; доходы шляхетскіе побралъ, людей изъ деревень силою сгонялъ; край цѣлый полѣскій себѣ въ послушаніе отобралъ; меды мои своевольно бралъ; въ имѣніяхъ моихъ людей разставлялъ; письма, ко мнѣ посланныя, самыя нужныя, съ разными вѣдомостями и остерегательствами, по дорогамъ перехватывалъ; людей, ко мнѣ идущихъ за письмами, къ себѣ поворачивалъ и свои письма имъ давалъ, и кто перечтетъ всѣ твои насилія, преступленія, убійства, дѣла безсудныя, непослушанія, слова злыя. Все это понудило отправить войска въ Полесіе». Получивши такой отвѣтъ отъ Яблоновскаго, Палій еще разъ поѣхалъ къ Мазепѣ съ просьбою о принятіи подъ россійскую державу. «Нельзя» отвѣчалъ Мазепа. «Такъ покажу кротость передъ польскою стороною, сказалъ Палій, и такимъ образомъ подержусь еще нѣсколько времени въ Хвастовѣ». Онъ дѣйствительно обмѣнялъ съ польскимъ гетманомъ плѣнниковъ, аманатовъ не послалъ, но изъявилъ

готовность присягнуть, что лично «на самаго короля (а не на тѣхъ, которые будутъ на меня наступать)» онъ не подыметъ руки [1]). Являться къ королю онъ не поѣхалъ, но отправился въ томъ же году въ походъ противъ Буджацкихъ Татаръ и захваченныхъ плѣнныхъ послалъ королю, при почтительномъ къ нему письмѣ, съ изъявленіемъ готовности къ дальнѣйшимъ услугамъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ короля, гетмана короннаго и Замойскаго письма, исполненныя самыхъ лестныхъ выраженій, поздравленій и обѣщаній. Гетманъ разрѣшалъ полку Палія занимать квартиры въ Полѣсьи, давно уже ими на дѣлѣ занятыя [2]). Задобривши такимъ образомъ правительство, Палій не измѣнилъ своего образа дѣйствій въ отношеніи къ шляхтѣ; напротивъ, онъ сталъ, въ случаѣ сопротивленія, относится къ шляхтичамъ, какъ къ ослушникамъ, не уважающимъ королевскихъ приказаній и открыто грозилъ имъ истребленіемъ. Такъ въ 1695 году, когда польскія хоругви вздумали вытѣснить Паліевыхъ козаковъ изъ занятыхъ ими квартиръ на Полѣсьи, Палій послалъ къ ихъ начальникамъ письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Теперь все Полѣсье отдано козацкому войску и потому прошу вашихъ милостей невытѣснять моихъ людей изъ мѣстности, занятой ими по именному распоряженію пана краковскаго (гетмана Яблоновскаго, кастеляна краковскаго); если вы причините какой бы то ни было вредъ моимъ людямъ, то я, или прикажу вамъ вознаградить оный, или распоряжусь, чтобы мои люди, за хлѣбъ, кровью ими добытый, сразились съ вами, какъ съ иноземными врагами» [3]). Новое покушеніе Вильги, тянувшаго

---

[1]) Соловьевъ, Т. XIV, стр. 212—214.
[2]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 257—262.
[3]) См. № С, стр. 326.

руку за шляхту, осталось безъ всякаго успѣха и повело только къ опустошенію козаками дворовъ тѣхъ шляхтичей, которые призывали на помощь регментаря [1]). Такимъ образомъ утвердившись на Полѣсьи, какъ посредствомъ фактическаго занятія этой области, такъ и въ силу признанія польскимъ правительствомъ хотя временнаго на нее права, Палій продолжалъ вытѣснять шляхту и отнимать у ней право распоряжаться крестьянами и раздвигалъ границы своего полка далеко на сѣверозападъ, по направленію къ Припети и Случи. Такимъ образомъ онъ распоряжался здѣсь до 1699 года, не обращая вниманія на универсалы короннаго гетмана, старавшагося ограничить занимаемую козаками мѣстность, и сколько нибудь облегчить въ ней положеніе шляхтичей [2]).

Но отношенія, въ какія сталъ Палій къ королю и къ коронному гетману, не могли на долго гарантировать его положенія. Преобладающимъ элементомъ въ РечиПосполитой была шляхта, а противъ шляхты направлены были всѣ дѣйствія Палія, представлявшаго собою интересы крестьянства и козачества, уже по существу своему непримиримо враждебныя шляхетскому строю. Очевидно было, что шляхта, господствовавшая всесильно на сеймахъ, воспользуется созваніемъ перваго изъ нихъ и вынудитъ у своего правительства рѣшительныя мѣры противъ козаковъ. Между тѣмъ, въ 1696 году умеръ король Собескій; преемникъ его, саксонскій курфирстъ, Августъ II, торопился заключить миръ съ Турками, который и состоялся въ Карловцѣ, въ генварѣ 1699 года; въ силу второй статьи этого договора, Турція обязалась возвратить Польшѣ Подоліе и Каменецъ и отказаться отъ всякихъ притязаній на Укра-

---

[1]) См. № CI, стр. 327.

[2]) См. №№: CXIII, стр. 360 и CXIV, стр. 362.

ину [1]). Съ окончаніемъ продолжительной Турецкой войны миновала для польскаго правительства необходимость въ козакахъ, и оно готово было выслушать жалобы шляхты и удовлетворить ея требованіямъ. Между тѣмъ, вслѣдъ за смертью Собескаго, стали часто собираться сеймы, обыкновенно, по установленному въ Речи Посполитой порядку, созываемые во время междуцарствія. На всѣхъ этихъ сеймахъ представители шляхты жаловались на козаковъ и требовали ихъ уничтоженія; требованіе происходило не только отъ тѣснимой и угрожаемой шляхты кіевской и волынской, но и отъ депутатовъ самыхъ отдаленныхъ отъ Украины воеводствъ: шляхетское сословіе сознавало, что козачество представляетъ начало безъусловно противуположное шляхетству, и потому уже не хотѣло терпѣть козаковъ въ своей Речи Посполитой. Такъ напримѣръ, въ 1696 году въ инструкціи, данной депутатамъ, отправляемымъ дворянами отдаленныхъ воеводствъ познанскаго и Калишскаго на конвокаціонный сеймъ, сказанно было: «Такъ какъ дошло до нашего вѣдома, что козаки въ брацлавскомъ воеводствѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ назначены квартиры, отнимаютъ доходы отъ владѣльцевъ и старостъ, то поручаемъ депутатамъ нашимъ потребовать отъ Речи Посполитой смирить ихъ притязанія, по мѣрѣ возможности, удобнымъ образомъ». Кромѣ жалобъ шляхты, могущественное въ Речи Посполитой католическое духовенство требовало уничтоженія козачества. На каждомъ сеймѣ кіевскій бискупъ представлялъ депутатамъ, что онъ лишился всѣхъ доходовъ вслѣдствіе занятія Хвастовскихъ имѣній козаками, и просилъ оказать ему помощь для возвращенія утраченнаго [1]). Августъ II, вынужденный этими

[1]) Przezckiedzi—Podole, Wołyń i Ukraina, T. I, стр. 230.

[2]) Dzieje panowania Augusta II od śmierci Jana III do chwili wstąpienia Karola XII na ziemię Polską. Poznań 1856; отр. 262.

требованіями, обѣщалъ на коронаціонномъ сеймѣ 1697 года, упразднить козаковъ при первой возможности. Заручившись обѣщаннымъ содѣйствіемъ правительства и поддержкою, сказанною ей на сеймахъ другими воеводствами, кіевская шляхта сдѣлалась смѣлѣе. Весною 1699 года, узнавъ о заключеніи карловицкаго трактата, шляхтичи увѣрились, что козаки не нужны болѣе правительству и стали выгонять ихъ изъ квартиръ. Въ апрѣлѣ Палій разослалъ къ дворянамъ кіевскаго воеводства открытый листъ, въ которомъ было сказано: «Извѣщаютъ меня мои сотники и жалуются на неуваженіе вашихъ милостей, что вы изгоняете козаковъ изъ квартиръ, при чемъ многимъ изъ нихъ нанесли увѣчія и раны; люди эти находятся тамъ не своевольно, но по непременному желанію короля и Речи Посполитой; имъ не отказано въ службѣ, какъ я подробно изъяснялъ вамъ уже въ предыдущихъ къ вамъ письмахъ; ваши милости вчинаите не нужные бунты и изтязаете людей невинныхъ, потому извольте ваши милости удержать свое непотребное злопамятство, ибо я, въ свою очередь, всегда готовъ постоять за свое оскорбленіе и за страданіе невинныхъ людей моихъ, изъувѣченныхъ и убитыхъ вами; о чемъ извѣщая васъ, вторично прошу вашихъ милостей воздержите непотребное свое честолюбіе, не тревожте и не изгоняйте людей, заслужившихъ себѣ у Речи Посполитой право на хлѣбъ и на квартиры, чтобы потомъ и сами ваши милости могли пребывать въ добрѣ [1])».

Но вскорѣ у Палія отнята была возможность маскироваться передъ шляхтою службою Речи Посполитой; въ въ іюнѣ 1699 года собрался такъ называемый примирительный сеймъ (pacificationis); на сеймѣ этомъ издано было слѣдующее постановленіе о козакахъ: «Такъ какъ со-

[1]) См. № CXVII, стр. 367.

гласно съ постановленіемъ, состоявшимся во время благополучной коронаціи нашей, объ очищеніи отъ козаковъ воеводствъ кіевскаго и брацлавскаго, козаки, находящіеся въ вотчинныхъ имѣніяхъ этихъ воеводствъ, равно какъ и въ имѣніи кіевскихъ епископовъ—Хвастовѣ, до сего времени не удалились, не смотря на требованіе гетманскихъ универсаловъ, пользуясь бывшими въ продолженіе этого времени безпорядками и длившеюся еще войною съ Турками; такъ какъ они не переставали удручать постоемъ и насиліями шляхетскія имѣнія, охраняемыя столь многочисленными сеймовыми постановленіями *«О свободѣ земскихъ имѣній отъ всякихъ повинностей»* то мы, не нуждаясь болѣе въ козацкой милиціи, вслѣдствіе благополучно заключеннаго трактата съ Портою, постановляемъ сеймовою властью распустить и упразднить всѣ полки, какъ пѣшіе, такъ и конные, возстановляя въ полной силѣ законъ 1646 года, называемый *«о вербовкѣ новаго войска* [1])». На высокопревосходительнаго кастеляна краковскаго, гетмана великаго короннаго, возлагается сеймомъ обязанность, въ теченіе двухъ недѣль послѣ окончанія сейма, объявить приказомъ своимъ всему козацкому войску о томъ, что Речь Посполитая отказываетъ ему въ дальнѣйшей службѣ и, подъ опасеніемъ наказаній, назначенныхъ въ томъ-же законѣ 1646 года, привести въ исполненіе упраздненіе козацкаго войска [2])». Дѣйствительно, 20 августа коронный гетманъ издалъ универсалъ къ «наказному гетману, Самусю, полковникамъ: Семену Палію, Искрѣ, Абазину, Барабашу и

---

[1]) На сеймѣ 1646 года постановлено было: распустить всѣ наемныя войска, обязать короля не нанимать впредь войска безъ разрѣшенія сейма и считать врагами отечества, лишенными чести и подлежащими конфискаціи имуществъ, всѣ лица, принимающія отъ короля „приповѣдные листы“ на вербовку полковъ безъ сеймоваго на то согласія.—(Volum. leg, T. IV, стр. 43, § 2).

[2]) Volum. leg., T. IV, стр. 34, § 14.

вообще ко всѣмъ всякаго званія козакамъ» въ которомъ, объявляя имъ сеймовое постановленіе, гетманъ предписывалъ: не только немедленно очистить занимаемыя ими квартиры, но и совсѣмъ разойтись порозно, уничтоживъ полки. Въ концѣ универсала гетманъ прибавлялъ угрозы: «Въ случаѣ-же если бы вы отказались оставить полки, разойтись и очистить всѣ имѣнія, въ которыхъ вы занимаете квартиры, то всѣхъ таковыхъ я прикажу истреблять какъ своевольныя, непослушныя купы и какъ враговъ отечества. Въ подкрѣпленіе чего, я вмѣстѣ съ симъ и отправляю въ Украину конныя хоругви и пѣшіе регименты, изъ числа войскъ Речи Посполитой [1])». Вслѣдъ за гетманскимъ универсаломъ явились въ Хвастовъ ксендзы, посланные кіевскимъ бискупомъ, Іоанномъ Гомолинскимъ, и потребовали отъ Палія сдачи имѣнія.

Но для полученія имѣній отъ козаковъ и для упраздненія козачества, недостаточно было сеймового постановленія, гетманскаго универсала и присылки епископскихъ комиссаровъ. Нужно было попытаться принудить козаковъ силою къ исполненію сеймового распоряженія, а это было не такъ легко. Изъ всѣхъ новопоселившихся козацкихъ полковъ, и по многолюдію, и по нравственному вліянію на крестьянъ и на другіе полки, и по географическому положенію, первое мѣсто занималъ полкъ Палія; съ него нужно было начать упраздненіе козачества; между тѣмъ Палій, видя что нечего далѣе прикрываться гетманскимъ разрѣшеніемъ и службою Речи Посполитой, сталъ говорить въ иномъ духѣ: «Я поселился въ вольной, козацкой Украинѣ, сказалъ онъ присланнымъ эпископомъ комисарамъ, Речи-Посполитой нѣтъ дѣла до этой области, и я лишь имѣю право въ ней распоряжаться, такъ какъ я истинный козакъ

[1]) См. № CXVIII, стр. 368.

и выборный вождь своего народа». Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ посадить въ тюрму присланныхъ ксендзовъ и потомъ позорно выгнать ихъ изъ города, объявивъ имъ, что онъ Хвастова не намѣренъ оставлять [1]) Приходилось его усмирять оружіемъ, но гетманъ Яблоновскій убѣдился на дѣлѣ, что это было не такъ легко, какъ могло казаться сейму; потому онъ рѣшился прежде испытать хитрость, «смирить духъ дерзкаго хлопа, не причиняя большого пожара» по выраженію современнаго польскаго писателя. Бѣлоцерковскому коменданту, Брандту, поручено было заманить Палія въ засаду; Брандтъ отправилъ отрядъ солдатъ въ лѣсъ, гдѣ находились пасѣки Палія; жолнеры спрятались въ чащѣ, а еврей, обыкновенно покупавшій у Палія разные продукты, отправился къ нему подъ предлогомъ покупки меда и долженъ былъ выманить его въ лѣсъ для осмотра товара; но дѣло не удалось, Палій самъ не поѣхалъ, а отправилъ съ евреемъ своего пасынка, Семашка; не успѣли они еще доѣхать, какъ нагналъ ихъ козакъ, посланный Паліемъ съ извѣстіемъ, что одинъ изъ пасѣчниковъ, замѣтивъ засаду въ лѣсу, прибѣжалъ въ Хвастовъ предъупредить полковника. Семашко немедленно отрубилъ голову еврею, и, захвативши въ городѣ отрядъ козаковъ, перебилъ жолнеровъ, спрятанныхъ въ лѣсу [2]).

Когда такимъ образомъ хитрость не привела поляковъ къ желанному успѣху, явилась необходимость привести въ исполненіе оружіемъ постановленіе сейма. Гетманъ Яблоновскій долго медлилъ пока собрался съ силами, наконецъ, въ сентябрѣ 1700 года, регментарь Цинскій направился къ Хвастову съ сильнымъ отрядомъ, числомъ болѣе 4000 человѣкъ; у него были и кварцяныя и панскія

---

[1]) Otwinowski, стр. 15.

[2]) Otwinowski, стр. 15—16.

хоругви,—панцырныя и гусарскія, была нѣмецкая и польская пѣхота, была довольно сильная артиллерія. Къ Палію, подъ защиту Хвастовской крѣпости, сбѣжался народъ изъ окрестныхъ селъ; онъ успѣлъ укрѣпить городъ; въ низу подъ замкомъ устроенъ былъ родъ пригорода, обнесенный валомъ и палисадомъ; въ этой оградѣ нагромождены были многочисленные съѣстные припасы: скирды хлѣба и сѣна, собранныя въ виду продолжительной осады. Поляки, подступивши подъ городъ, въ слѣдующую же ночь зажгли гранатами эти запасы. Козаки бросились спасать ихъ, нѣсколько человѣкъ погибло въ пожарѣ. Тѣмъ однако и ограничились подвиги польскаго войска. О дальнѣйшей судьбѣ осады свидѣтельства разногласятъ. Козацкіе лѣтописцы разсказываютъ, что Палій отрядилъ ночью часть своего войска въ лѣсъ и потомъ, на другой день, устроивъ вылазку, напалъ съ двухъ сторонъ на польскій лагерь и такимъ образомъ обратилъ враговъ въ бѣгство [1]. Полякъ современникъ утверждаетъ, что Яблоновскій приказалъ отступить войску подъ тѣмъ предлогомъ, якобы Мазепа двинулъ изъ за Днѣпра 10,000 козаковъ въ помощь Палію; на дѣлѣ-же отступленіе, по мнѣнію шляхты, произошло вслѣдствіе того, что Палій подкупилъ Яблоновскаго, пославъ ему въ даръ нѣсколько боченковъ денегъ [2]. Изъ приведенныхъ актовъ, относящихся къ этому событію, видно только то, что Поляки, собравшись въ походъ въ сентябрѣ, въ половинѣ октября уже направились въ обратный путь, что они заключили съ Паліемъ перемиріе, условія котораго не дошли до насъ, и что они не могли расположиться въ окрестности Хвастова на зимнія квартиры,

---

[1] Лѣтопись Грабянка, стр. 240. Тоже повторяютъ: Рубанъ, Ригельманъ и Симоновскій.

[2] Otwinowski, стр. 16.

какъ утверждаетъ Отвиновскій, а должны были удалиться на зиму въ Волынь и при этомъ ограбили нѣсколько, случившихся имъ по дорогѣ, мѣстечекъ и селъ [1]). Во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству самыхъ Поляковъ, походъ былъ для нихъ неудаченъ: «Палій, говоритъ Отвиновскій, не только не возвратилъ Хвастова, но и вотчины разныхъ пановъ въ цѣлой окрестности продолжалъ удерживать въ своей зависимости и присвоивать себѣ изъ нихъ доходы»; «отправленный для усмиренія Палія, региментарь Цинскій, во главѣ короннаго войска, не могъ его унять и нашимъ не удалось овладѣть Хвастовомъ» говоритъ другой польскій писатель [2]). Приетомъ жолнеры, возвращавшіеся изъ подъ Хвастова, подвергались насмѣшкамъ и поруганію со стороны крестьянъ; такъ, напримѣръ, одна хоругвь проходила черезъ мѣстечко Лабунь, лежавшее на границѣ Волыни; одинъ изъ войсковыхъ товарищей обратился къ крестьянину, стоявшему на скирдѣ хлѣба, съ вопросомъ о направленіи дороги, но, вмѣсто указанія, крестьянинъ «juxta suam barbariam rusticam, inhoneste tergiversionem ostendit»; жолнеры бросились на насмѣшника, но на выручку ему сбѣжались мѣщане и, квартировавшіе въ Лабуни, козаки, и дѣло кончилось свалкою, въ которой жолнеры оказались сильно избитыми [3]).

Во всякомъ случаѣ походъ этотъ не рѣшилъ спорнаго вопроса, рѣшеніе его было только отсрочено, обѣ же враждовавшія стороны оставались въ прежнемъ положеніи. Съ одной стороны шляхтичи требовали неотступно у короля и у коронныхъ гетмановъ приведенія въ исполненіе по-

---

[1]) См. №№: CXXII, стр. 375; CXXIII, стр. 377 и CXXVII, стр 386.

[2]) Sukcess, albo historya universalna a patre Gaudentio Pikulski, ord. S. Francisci reg. observ, prov. Russiae The. Львовъ 1762 г., стр. 761—762.

[3]) См. № CXXIII, стр. 377.

становленій сейма 1699 года; съ другой стороны Палій, сознавая, что приближается минута рѣшительной борьбы, собиралъ силы и искалъ союзниковъ для окончательнаго приведенія въ исполненіе своего плана. Въ 1701 году шляхта волынскаго воеводства помѣстила въ инструкціи, данной депутатамъ, отправляемымъ на сеймъ, статью о неотступномъ требованіи изгнанія Палія: «должно постановить, сказано было въ инструкціи, чтобы король не оказывалъ покровительства бунтовщику Палію, чтобы никто изъ гражданъ Речи Посполитой не осмѣливался, подъ опасеніемъ наказанія, находиться съ нимъ въ сношеніяхъ или оказывать ему протекцію; гетманъ же великій коронный долженъ его изгнать изъ границъ Речи Посполитой [1]). «Еще требовательнѣе выражались въ своей инструкціи шляхтичи кіевскаго воеводства; въ ней предписано было посламъ обратиться прямо къ гетманамъ съ требованіемъ изгнанія непремѣнно Палія изъ воеводства и, кромѣ того, при самомъ началѣ сейма они должны были объявить, что если Палій не будетъ изгнанъ до конца сеймовыхъ засѣданій, то кіевскіе депутаты воспользуются правомъ liberum veto и уничтожатъ сеймъ. Въ инструкціи этой поручено было депутатамъ подробно изложить на сеймѣ положеніе дѣла и оно обрисовано было въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Постановленіемъ сейма 1699 года всѣ войска козацкія распущены и исполненіе этого постановленія поручено гетманамъ. Не смотря на это ослушникъ Палій, не только рѣшенію сейма не повинуется, козаковъ своихъ распустить не хочетъ и приказаніямъ гетмановъ не покоряется; но, напротивъ того, онъ остается во владеніи Хвастовомъ, принадлежащемъ кіевскимъ епископамъ, имѣнія дворянъ разоряетъ, установивъ себѣ мнимую границу по

---

[1]) См. № CXXX, стр. 395.

рѣку Тетеревъ, разпредѣляетъ въ нихъ квартиры, не только зимою но и лѣтомъ для своихъ козаковъ, производитъ нападенія и грабежи, такъ что въ то время, когда миръ, заключенный съ Портою, сталъ процвѣтать во всей Речи Посполитой, воеводство наше сдѣлалось добычею разъяренныхъ враговъ» [1]). Въ началѣ 1702 года король, вслѣдствіе требованія сейма, отправилъ къ Палію оффиціальное предписаніе и собственноручное частное письмо; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ документѣ онъ напоминалъ полковнику постановленія сейма 1699 года, предписывалъ ему подъ опасеніемъ наказанія и просилъ по дружбѣ очистить кіевское и брацлавское воеводства и возвратить Хвастовъ [2])». Оба документы были вручены Палію депутатами отъ дворянъ кіевскаго воеводства, собравшихся на сеймикъ въ Житомирѣ, но Палій зналъ, что польское правительство находится въ невозможности исполнить свои угрозы и потому онъ съ презрѣніемъ принялъ шляхетскихъ депутатовъ и пригрозилъ имъ даже смертною казнью [3]).

Дѣйствительно дѣла Речи Посполитой находились въ то время въ весьма плохомъ положеніи; король Августъ накликалъ, безъ позволенія сейма, войну со шведами; Карлъ XII во главѣ побѣдоноснаго войска вторгнулся въ предѣлы Речи Посполитой и шелъ на Варшаву; сеймъ, упрекая короля въ самоуправствѣ, медлилъ разрѣшеніемъ сму пособій; Саксонскія войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ; между тѣмъ многіе магнаты, недовольные королемъ, перешли къ Шведамъ; сеймики нѣкоторыхъ воеводствъ отказали въ повиновеніи Августу и подчинились Карлу XII; вѣрность гетмановъ, войска и большинства шляхтичей была сомнительна; каждый разсчитывалъ личныя

---

1) См. № CXXXV, стр. 410—411.

2) См. №№: CXXXVI, стр. 417 и CXXXVII, стр. 418.

3) См. № CXLII, стр. 427.

выгоды и, руководясь ими, склонялся то на ту, то на другую сторону; никто и не думалъ о серьезномъ сопротивленіи Шведамъ; Карлъ XII требовалъ отъ Речи Посполитой низложенія съ престола Августа II и избранія новаго короля. Конечно, среди такого хаотическаго положенія, ни королю, ни сейму, ни гетманамъ было не до козаковъ. Палій, въ свою очередь, считалъ безъурядицу, возникшую въ Речи Посполитой, лучшею минутою для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ; теперь, легче чѣмъ когда либо, можно было осуществить мысль объ изгнаніи шляхты изъ Волыни, Подоліи, Брацлавщины, о возстановленіи въ этихъ областяхъ козачества и объ отторженіи ихъ отъ Речи Посполитой. Съ этою цѣлью съ 1701 года Палій начинаетъ групировать всѣ, бывшія у него подъ рукою, силы и усиливаетъ всевозможными средствами вооруженіе. Онъ теперь усиленно созываетъ въ Хвастовъ всѣхъ, кто только желалъ поступить въ козаки; съ этою цѣлью Палій обращается въ Запорожье и встрѣчаетъ горячую поддержку. «По всѣ дни примножается къ нимъ гультайство особенно изъ Запорожія, доносилъ Мазепа Головину; сотникъ, Паліевъ секретарь, будучи недавно съ нимъ въ Кіевѣ, проговорился передъ духовными особами, что Палій заодно съ атаманомъ кошевымъ смышляетъ и во всемъ его слушаетъ, обо всемъ между собою тайно сносятся [1])». Въ Хвастовъ собирались козаки и бѣглые крестьяне изъ за Днѣпра, изъ Волыни, Полѣсья; туда стремились всѣ бездомные и преслѣдуемые судьбою, всѣ безпокойные и ищущіе борьбы и поля для своей удали—эта «голудьба» кой-какъ мѣстилась въ Хвастовѣ и терпѣла всякія лишенія и нужды, ожидая обѣщаннаго похода на сосѣднюю шляхту. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описы-

---

[1]) Соловьевъ, Т, XV, стр. 22.

ваетъ современный путешественникъ, проѣзжавшій черезъ Хвастовъ въ началѣ 1702 года, это созванное Паліемъ ополченіе: «По земляному валу (въ Хвастовѣ) ворота частые; а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома наслана въ ямы; тамъ Паліевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни съ чѣмъ; все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно— съ чѣмъ ни поѣзжай...... А когда мы пріѣхали (въ Паволочь) и стали на площади, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя всѣ козаки—Паліевщина; а все голудьба безпорточная; а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшные зѣло, черны что Арапы и лихи что собаки; изъ рукъ рвутъ. Они на насъ, стоя, дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ мы отъ роду не видали; у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного» [1]. Кромѣ усиленія войска Палію необходимо было сосредоточить всѣ козацкія силы для готовящагося предпріятія и снискать соучастіе другихъ козацкихъ полковниковъ. Съ этою цѣлью въ Хвастовѣ состоялось совѣ-

---

[1]) Лукьяновъ—Путешествіе въ св. землю, стр. 15. При редакціи этого интереснаго памятника произошла ошибка, вслѣдствіе описки въ годѣ грамоты, приведенной вначалѣ: Путешествіе Лукьянова отнесено къ 1710—1711 годамъ, между тѣмъ какъ по сличеніи фактовъ, передаваемыхъ авторомъ, ясно, что путешествіе это должно отнести къ 1702—1703 годамъ. Мнѣніе это основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) Путешествіе Лукьянова совпадаетъ съ назначеніемъ посланникомъ въ Константинополь Петра Толстого; на пути въ Царьградъ авторъ встрѣчаетъ бывшаго посланника, князя Дмитрія Михайловича Голицына, а на обратномъ пути получаетъ уже грамоту отъ кн. Толстого—назначенъ-же былъ послѣдній посланникомъ въ ноябрѣ 1701 года. 2) Во время пребыванія Лукьянова въ Царьградѣ, у Турковъ было предположеніе засыпать Керченскій проливъ, какъ вслѣдствіе уступки Азова Россіи, такъ и по поводу паническаго страха, объявшаго ихъ отъ перваго ожидаемаго появленія русскаго флота на Черномъ морѣ—событія случившіяся въ 1702 г. 3) Въ промежуткѣ между путешествіемъ Лукьянова и возвратомъ его козаки разрушили Немировъ, событіе, случившееся въ концѣ 1702 года.

щаніе между Самусемъ, Искрою, Паліемъ и Абазинымъ [1]. Вѣроятно на этомъ совѣтѣ опредѣлено было время и образъ предстоявшихъ дѣйствій. Время всеобщаго нападенія на смежныя воеводства должно было зависѣть отъ удаленія изъ нихъ шляхетскихъ ополченій (такъ называемаго посполитаго рушенія) въ лагерь королевскій на войну со Шведами, такъ какъ воеводство кіевское и волынское порѣшили стоять за Августа II и обѣщали ему свое содѣйствіе. Способъ веденія войны долженъ былъ основываться преимущественно на возбужденіи сочувствія къ козацкому востанію въ народонаселеніи самаго края.

На сочувствіе крестьянъ предводители козацкіе могли вполнѣ положиться; всѣмъ извѣстна была ненависть крѣпостныхъ людей къ панскому господству и надежды возлагаемыя ими на козаковъ и въ особенности на извѣстнаго заступника за крестьянскіе интересы—Палія. Ежедневные побѣги въ Хвастовщину и прорывавшіеся по временамъ волненія въ сельскомъ народонаселеніи ясно свидѣтельствовали о настроеніи посполитыхъ людей; въ этомъ отношеніи оставалось заботиться развѣ о сосредоточенности и своевременности крестьянскаго движенія. Но кромѣ крестьянъ оказалось, что и другія сословія не останутся вполнѣ равнодушны къ предполагаемому предпріятію. Въ Хвастовъ, кромѣ козацкихъ старшинъ, стали являться и представители другихъ сословій, предлагая свои услуги для народнаго дѣла. Конечно между недовольными польскимъ господствомъ первое мѣсто занимаетъ православное духовенство. Въ приведенныхъ актахъ мы можемъ указать, какъ на примѣръ духовнаго лица, на пресвитера Успенской церкви города Клеваня—Іоанна. Послѣ перехода нареченнаго луцкаго и

[1] См. №№ CLXVIII, стр. 484; CLXXVII, стр 502; CLXXXIV, стр. 518—519; также Соловьевъ, Т. XV, стр. 16.

острожскаго епископа, Діонисія Жабокрицкаго въ унію въ 1701 году, священникъ этотъ, не желая слѣдовать его примѣру, отказалъ ему въ повиновеніи; онъ поддерживалъ проповѣдями вѣрность къ православію своихъ прихожанъ, посовѣтовалъ имъ изгнать изъ города, присланныхъ епископомъ, уніятскихъ ксендзовъ, былъ за это отлученъ Жабокрицкимъ отъ церкви и потребованъ въ епископскій судъ. Избѣгая преслѣдованія, Іоаннъ бѣжалъ изъ Клеваня и нашелъ пріютъ въ Хвастовѣ; здѣсь онъ принималъ участіе въ совѣщаніи козацкихъ полковниковъ и, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, возвратился на родину «съ инструкціею, полученною отъ тѣхъ, у кого онъ былъ, для подстреканія къ возстанію людей въ городѣ и княжествѣ (?) Клеванскомъ [1]). Примѣръ этотъ представлялъ не единичное исключеніе и количество духовныхъ лицъ, состоявшихъ въ связи съ козаками, вѣроятно было значительно, потому что шляхтичи заподозрили наконецъ самаго Жабокрицкаго, (перешедшаго въ унію только послѣ продолжительнаго сопротивленія) въ томъ, что сношенія духовенства съ козаками происходятъ съ его вѣдома; нѣкоторые шляхтичи увѣряли, что видѣли у Палія письма, палученныя имъ отъ Жабокрицкаго [2]). Въ Хвастовѣ принимали также участіе въ совѣщаніи полковниковъ и представители мѣщанъ; два примѣра мы встрѣчаемъ въ приведенныхъ актахъ— это были: одинъ изъ мѣщанъ города Острога, неизвѣстный по имени, и межирицкій войтъ, Григорій Косовичъ; (сношенія послѣдняго съ Паліемъ были продолжительны, еще весною 1701 года онъ участвовалъ въ нападеніи Паліевыхъ козаковъ на имѣніе дворянки Ласковой—Билиловку). Впослѣдствіи оба они были отданы подъ военный судъ

---

1) См. № CLXXVII, стр. 501.
2) См. № CXXXIV, стр. 407.

по приговору сеймика волынскаго воеводства за то, что «ѣздили къ Палію, и съ нимъ, равно какъ и съ Самусемъ, участвовали въ тайномъ совѣщаніи. [1])»

Наконецъ въ дѣлѣ козацкомъ приняли участіе нѣкорые шляхтичи, оставшіеся вѣрными православію; представителемъ ихъ былъ человѣкъ, рѣзко отличавшійся въ шляхетской средѣ замѣчательною стойкостью убѣжденій, самопожертвованіемъ и значительнымъ для своего времени образованіемъ, это былъ волынскій дворянинъ—подчашій венденскій, Даніилъ Братковскій. На личности этой остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она представляетъ одно изъ рѣдкихъ въ то время въ шляхетскомъ обществѣ исключеній, и заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему просвѣщенію и искренности убѣжденій. Братковскій принадлежалъ къ древнему, русскому, дворянскому роду; предки его упоминаются еще въ началѣ XVI вѣка въ земляхъ Перемышльской и Волынской, какъ туземные, православные, владѣющіе помѣстьями земяне—[2]). Въ XVII столѣтіи родъ Братковскихъ отличался искреннею преданностію православію въ противуположность большинству шляхты, переходившей въ это время въ унію и въ католичество. Въ 1619 году одинъ изъ предковъ Даніила—Богданъ, подписался въ числѣ дворянъ, охранителей луцкаго братства. Съ 1675 по 1677 другой Богданъ Братковскій, скарбникъ Брацлавскій, отецъ Даніила, былъ, старостою тогоже братства [3]) и внесъ свой родъ въ братскій помянникъ. Самъ Даніилъ получилъ воспитаніе для своего времени блестящее: Величко, доставившій о немъ единственное краткое извѣстіе, говоритъ, что онъ былъ

---

[1]) См. №№: CLXXXIV, стр. 518—519 и CXXXIII, стр. 405.
[2]) Kasper Niesiecki—Korona Polska, T. I, стр. 177— 178.
[3]) Памятники, изданные временною коммиссіею, Т. I, Ч. I, стр. 12, 190 и 273.

«человѣкъ ученый, поэтъ отличный, который книжку подъ заглавіемъ Swiat przejrzany, риѳмами польскими красно и утѣшно зложилъ [1])». Изъ самого сочиненія видно хорошее знакомство автора съ класическою литературою. Книжка эта, носящая заглавіе *«Миръ пересмотрѣнный по частямъ* [2])», рисуетъ наглядно какъ личность самого автора, такъ и взглядъ его на современное шляхетское общество. Она состоитъ изъ множества мѣлкихъ стихотвореній и съ начала до конца представляетъ одну ѣдкую сатиру, изображающую вѣрную картину шляхетскихъ нравовъ. Вотъ общее содержаніе этого сочиненія: два порока господствуютъ вполнѣ въ шляхетскомъ обществѣ—пьянство и продажность; почетъ у насъ, говоритъ Братковскій, снискивается не наукою, не заслугами, а деньгами. Кто заплатитъ или угоститъ, тотъ правъ въ судѣ, тотъ слыветъ Демосѳеномъ на сеймѣ, тотъ получаетъ староства и должности, тотъ вездѣ пользуется уваженіемъ; если онъ гордъ, то имѣетъ право презирать каждаго, хотя-бы умнѣйшаго, бѣдняка. Остальные же только и дѣлаютъ, что пьютъ, дерутся, да ищутъ кому-бы продать свой голосъ на сеймѣ или въ судѣ. Безнравственность разтлила все шляхетское общество—семью и государство; краснорѣчіе замѣняется скучнымъ риторствомъ, честность—мошенничествомъ, правосудіе—сутяжничествомъ. Казну грабятъ сборщики податей. Равенство шляхетское—только фраза, покрывающая олигархическія стремленія богатыхъ пановъ, «Вольности шляхетскія» состоятъ въ томъ, что шляхтичъ можетъ чинить зло и не подчиняться даже требованіямъ разума. Крестьяне порабощены окончательно; даже, смѣшно сказать, боль ихъ

---

[1]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 566.

[2]) Полное ея заглавіе: Swiat po części przejrzany přez Daniela Bratkowskiego, podczaszego Wendeńskiego. Krakow, 1697 г. Она посвящена королю Августу II.

панъ обращаетъ для себя въ статью дохода, ибо, если двумъ крестьянамъ случиться подраться, то штрафъ за нанесенные побои шляхтичъ забираетъ себѣ. Русскій элементъ до того подавленъ, что, «если Русинъ нуждается въ чемъ нибудь, то онъ долженъ притаиться, льстить и успѣваетъ только въ такомъ случаѣ, если въ немъ Русина не узнаютъ».

Такой взглядъ на шляхетское общество ставилъ уже Братковскаго въ непріязненное къ нему отношеніе, но вражда его къ шляхетской средѣ находила безпрестанную пищу въ оскорбленіи его глубокаго религіознаго чувства; Братковскій, по словамъ современника, былъ «благочестія святаго непоколебимымъ ревнителемъ» а это благочестіе подвергалось повседневнымъ оскорбленіямъ и гоненіямъ со стороны шляхты; потому, не удовлетворяясь сатирою, Братковскій рѣшился вступить въ фактическую борьбу съ окружавшимъ его обществомъ за вѣру, которой онъ былъ преданъ и по глубокому убѣжденію и по семейнымъ преданіямъ. Первые шаги его въ этой борьбѣ были строго легальны. Такъ, при посылкѣ шляхтою Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ депутатовъ на сеймъ 1699 года, Братковскій съумѣлъ сгрупировать въ этихъ воеводствахъ православныхъ дворянъ, такъ что они, не смотря на свою малочисленность, успѣли помѣстить въ инструкціяхъ, которыми воеводство снабдило депутатовъ, требованіе отъ сейма гарантіи для свободы православнаго вѣроисповѣданія. Но мѣра эта не привела ни къ какому результату. Сеймъ зналъ хорошо на сколько малочисленна групa православныхъ дворянъ, а потому не только не обратилъ малѣйшаго вниманія на пункты, относившіеся къ православію въ инструкціяхъ, данныхъ депутатамъ Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ, но, напротивъ того, издалъ нѣсколько новыхъ постановленій, стѣснявшихъ православіе

и стремившихся къ его искорененію. Такъ сеймовыми конституціями запрещено было селиться православнымъ, наравнѣ съ евреями, въ освобожденномъ отъ Турковъ Каменцѣ. Такъ уніяты только—признаны были способными занимать въ городахъ и мѣстечкахъ выборныя магистратскія должности. Такъ возобновлено было прежнее постановленіе, освобождавшее только уніятскія церкви и духовенство, въ ущербъ православнымъ, отъ постоя и военныхъ повинностей [1]). Такъ наконецъ все Подоліе было изъято изъ вѣдомства кіевской православной митрополіи и подчинено Львовскому уніятскому архіепископу.

Сами депутаты отъ дворянъ кіевскаго и волынскаго воеводствъ подали голоса въ пользу этихъ постановленій, и, разсчитывая на малочисленность православной дворянской партіи, оставили безъ вниманія требованія, помѣщенныя въ инструкціи. Разсчетъ ихъ былъ вполнѣ оправданъ послѣдствіями: дворяне, собравшіеся на реляціонные сеймики, чтобы выслушать ихъ отчетъ, остались равнодушны къ упущенію ими тѣхъ пунктовъ, которые относились къ православію. Не смотря на это, Братковскій пытался продолжать борьбу. Православные дворяне обоихъ воеводствъ (числомъ только 54) составили общій протестъ, въ которомъ требовали подвергнуть депутатовъ судебной отвѣтственности за сдѣланное ими упущеніе. Но всѣ три волынскіе гроды: Луцкій, Владимірскій и Кременецкій, отказались принять въ книги ихъ протестъ, онъ былъ внесенъ въ овручскія книги только вслѣдствіе личнаго вліянія одного изъ православныхъ дворянъ, Ремигіяна Сурина; но подъ натискомъ общественнаго шляхетскаго мнѣнія дѣло не получило дальнѣйшаго хода [2]).

---

[1]) Volum. legum, T. VI, стр. 35, § 19 и 21 и Т. IV, стр. 474, § 58.

[2]) Архивъ Юго-западной Россіи—часть IV, Т. I, стр. 346, № CV.

Между тѣмъ какъ сатирическія сочиненія Братковскаго, такъ и вызванная имъ опозиція православныхъ дворянъ, раздражили противъ него волынскихъ шляхтичей; онъ долженъ былъ на время оставить Волынь и переселился во Львовъ. Съ того времени Братковскій созналъ все безсиліе легальнаго протеста православныхъ дворянъ и рѣшился искать для своего дѣла иной точки опоры. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ въ 1700 году путешествіе въ Батуринъ къ гетману Мазепѣ, съ которымъ, по словамъ Величка, онъ былъ «здавна знаемій». Но оказалось, что Мазепа не имѣлъ ни желанія ни возможности принять участіе въ борьбѣ съ польскимъ шляхетскимъ началомъ. Братковскому пришлось возвращаться безъ всякаго успѣха, а между тѣмъ, на обратномъ пути во Львовъ, его ждало гоненіе. На Волыни, въ мѣстечкѣ Олыкѣ, онъ былъ задержанъ какими-то, встрѣтившимися шляхтичами и посаженъ въ тюрму, «по причинѣ подозрѣній со стороны апостатовъ православія святого» [1]).

Освободившись изъ плѣна, Братковскій рѣшился прибѣгнуть, какъ къ послѣднему средству, къ Палію. Въ шляхетскомъ обществѣ, вслѣдствіе военныхъ приготовленій послѣдняго и усиленныхъ сношеній козацкихъ начальниковъ, носились неясные слухи и опасенія на счетъ его намѣреній. Уже въ апрѣлѣ 1701 года гетманъ Феликсъ Потоцкій разослалъ универсалы къ сеймикамъ, въ которыхъ предъупреждалъ шляхту, «что козацкій полковникъ, Палій, увлекаясь пылкимъ воображеніемъ и празднымъ тщеславіемъ, стремится поступать по слѣдамъ Хмѣльницкаго, зажегшаго факелъ крестьянской войны» [2]). Намѣре-

---

[1]) Лѣтопись Величка, Т. III, стр. 566. Величко ошибочно относитъ ко времени этого заключенія казнь Братковскаго, послѣдовавшую, какъ видно изъ актовъ, въ концѣ 1702 года.

[2]) Załuski—Epistolae historico—familiares, T. III, стр. 126.

нія эти были вѣроятно не безъизвѣстны и Братковскому и онъ рѣшился содѣйствовать имъ. Но, зная на сколько рисковно было это предпріятіе, онъ хотѣлъ прежде обеспечить свое семейство. Съ этою цѣлью онъ выкупилъ въ 1701 году изъ заставы, небольшое, принадлежавшее ему имѣніе—часть села Свищева на Волыни, и передалъ оное дарственною записью двумъ сыновьямъ своимъ: Ивану и Александру и, вслѣдъ за тѣмъ, отправился къ Палію [1]). Здѣсь онъ принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніи о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ обратилъ особенное вниманіе на мѣры, долженствовавшія возбудить и подготовить возстаніе въ русскихъ воеводствахъ Речи Посполитой. Съ этою цѣлью онъ составилъ воззваніе къ православнымъ жителямъ республики, въ которомъ краснорѣчиво излагалъ всѣ оскорбленія и насилія, испытываемыя церковью отъ католиковъ и уніятовъ и взывалъ къ единодушному возстанію за угнетенную вѣру. Располагая многочисленными связями въ средѣ православнаго духовенства, шляхты и мѣщанъ, онъ отправился изъ Хвастова обратно, надѣясь распространить свое воззваніе и такимъ образомъ споможествовать въ сильной степени подготовленію возстанія [2]). Дѣйствительно многіе факты въ послѣдствіи заявили о томъ, что дѣятельность Братковскаго не прошла даромъ. Въ разгарѣ войны, мы встрѣчаемъ постоянно отдѣльныя личности изъ мѣлкой, служилой, православной шляхты, бояръ, сельскихъ урядниковъ, которые сочувствуютъ и помагаютъ козакамъ и нерѣдко служатъ агитаторами и проповѣдниками возстанія. Такъ напримѣръ встрѣчаемъ жалобу на, проживавшаго въ селѣ Борсуковцахъ, боярина Мацеевскаго, о томъ, что онъ, разъѣзжая по окрестности

---

[1]) См. №№ CXXVIII, стр. 389 и CXXIX, стр. 391.

[2]) См. № CLXVIII, стр. 483.

«разными способами и хитрыми уловками, подстрекаетъ подданныхъ къ бунту и къ участію въ козацкомъ возстаніи» [1]). Такъ дворянинъ Иванъ Опацкій былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ къ бунту жителей мѣстечка Ямполя на Волыни и по суду было ему доказано, что онъ говорилъ въ публичномъ мѣстѣ слова неосторожныя и крестьянъ къ своеволію возбуждающія» [2]). Такъ войтъ мѣстечка Кузьмина на Волыни былъ арестованъ въ городѣ Константиновѣ, при немъ найденъ былъ списокъ людей, обѣщавшихъ содѣйствовать козакамъ, и свѣдѣнія о подробностяхъ готовящагося возстанія. Но открытіемъ этимъ шляхтичи не могли воспользоваться: узнавъ объ арестѣ войта, осадчій Кузьмина, дворянинъ Криштофъ Керекеша, напалъ на константиновскій замокъ и насильно освободилъ войта изъ ареста [3]). Такъ въ Брацлавщинѣ мы встрѣчаемъ во время возстанія дворянина Михаила Клитынскаго, заготовляющаго для козаковъ боевые припасы и снабжающаго ихъ селитрою, порохомъ и свинцемъ. Кромѣ того Клитынскій извѣщалъ козаковъ о движеніяхъ польскихъ войскъ и былъ поводомъ пораженія и разсѣянія одной хоругви [4]). Такъ, наконецъ, дворяне Нижинскій и Верещака принимаютъ лично участіе въ возстаніи; Нижинскій занимаетъ должность сотника и истребляетъ шляхту ревностнѣе другихъ козацкихъ начальниковъ [5]).

Пока такимъ образомъ подготовлялись козацкія силы, поляки сами подали поводъ къ возстанію. Въ августѣ 1702 года въ Богуславъ, Корсунь и другіе мѣстности, занятыя полками Искры и Самуся, явились польскіе владѣльцы,

---

[1]) См. № CLXXXIX, стр. 525.
[2]) См. № CCX, стр. 573.
[3]) См. № CCXIII, стр. 577.
[4]) См. № CCXXXII, стр. 624.
[5]) См. № CCXXXIX, стр. 762.

старосты и ихъ управляющіе съ вооруженными командами и потребовали отъ козаковъ очистить города и села или поступить въ подданные владѣльцевъ и старостъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Самусь, Искра и, находившійся въ то время въ Богуславѣ, пасынокъ Палія, Семашко—подали сигналъ возстанія. Польскія хоругви, наѣхавшіе шляхтичи и жиды арендаторы были перебиты въ Богуславѣ, Корсунѣ, Лысянкѣ и окружающихъ мѣстечкахъ и селахъ. Наказной гетманъ Самусь присягнулъ на вѣрность «Царю московскому» и объявилъ себя состоящимъ подъ рейментомъ Мазепы. Крестьянамъ была объявлена вѣчная слобода и освобожденіе отъ пановъ [1]). Самусь отправился осаждать Бѣлую Церковь, не желая оставлять въ тылу своего войска и въ близкомъ сосѣдствѣ съ козацкими поселеніями сильной неприятельской крѣпости. Посадъ Бѣлоцерковскій былъ сожженъ и Самусь обложилъ крѣпость, въ началѣ сентября онъ разослалъ письма къ отдѣльнымъ козацкимъ отрядамъ, разсѣяннымъ на всемъ пространствѣ до Буга и Днѣстра, приглашая ихъ прибывать въ свой лагерь; [2]) подъ Бѣлой Церковью назначенъ былъ сборный пунктъ и для крестьянъ, которые взывались къ оружью. Волненіе между послѣдними было дѣйствительно очень сильно; при первомъ объявленіи вѣчной слободы «огромныя толпы хлоповъ покидали города, села, свои домы, собирались съ дѣтьми, женами, съ имуществомъ и скотиною, иногда зажигали свои жилища и бесчисленными таборами стрѣмились въ козацкій лагерь». Здѣсь начальники отбирали людей способныхъ къ оружью и формировали полки [3]). Въ

---

[1]) Załuski epistolae historico—familiares, T, III, стр 248. Соловьевъ, T. XV, стр. 15—16. Также см. №№: CXLVII, стр. 442; CXLVIII, стр. 445; CXLIX, стр. 447 и CL, стр. 449. Бантышъ Каменскій, T. III, стр. 39.

[2]) См. № CL, стр. 449; Załuski, T. III, стр. 279.

[3]) Otwinowski, стр. 41—42, Также см. №№: CXCI, стр. 529 и CLVI, стр. 458.

лагерь Самуся перебѣгали козаки изъ лѣваго берега Днѣпра и Молдаване изъ за Днѣстра. Подъ Бѣлую Церковь и Палій прислалъ въ помощь Самусю 1,500 козаковъ; до сихъ поръ онъ увѣрялъ и Поляковъ и Мазепу, что возстаніе Самуся начато безъ его вѣдома—этимъ увѣреніемъ онъ вѣроятно старался выиграть время и усыпить вниманіе шляхты сосѣднихъ воеводствъ, собиравшейся между тѣмъ поголовно въ походъ противъ Шведовъ; дѣйсвительно, при первомъ извѣстіи о возстаніи Самуся и Искры, шляхта осталась къ нему довольно равнодушна. Кіевскій сеймикъ, собравшійся 20 августа, порѣшилъ поставить на военное положеніе поголовное дворянское ополченіе и объявилъ, что оно готово выступить въ походъ противъ Шведовъ по королевскому приказанію; дворяне указывали только королю и гетманамъ на необходимость усмиренія Самуся и Искры, но не считали это дѣло важнымъ на столько, чтобы оно могло удержать ихъ отъ похода. Участія Палія въ возстаніи не подозрѣвали и жаловались только, что онъ не очистилъ еще Хвастова и оскорбилъ отправленныхъ къ нему пословъ отъ кіевскаго воеводства [1]).

Между тѣмъ силы козаковъ подъ Бѣлою Церковью быстро увеличивались стекавшимися къ нимъ крестьянами; по извѣстіямъ, вѣроятно значительно преувеличеннымъ, доходившимъ до Поляковъ, онѣ въ началѣ октября достигли цыфры 10,000; Мазепа тайно снабдилъ Самуся порохомъ и свинцемъ. «Чтобы его вовсе не отогнать отъ своего рейменту [2])». Тѣмъ не мѣнѣе Бѣлоцерковская крѣпость не сдавалась и поведенный Самусемъ приступъ былъ отраженъ. Слѣдовало предпринять правильную осаду, а это вело къ

---

[1]) См. №№: CXLVI, стр. 436; CXLVII, стр. 441 и CXLVIII, стр. 444. Также Соловьевъ, Т. XV, стр. 16 и Załuski, Т. III, стр. 279

[2]) Załuski, Т. III, стр. 279; Соловьевъ, Т. XV, стр. 16.

замедленію, къ охлажденію войска новосформированнаго изъ крестьянъ; при томъ необходимо было воспользоваться на первыхъ порахъ какъ волненіемъ крестьянъ такъ и беспечностію шляхты; не слѣдовало упускать удобнаго времени для того, чтобы захватить въ расплохъ неприготовленныя къ защитѣ сосѣднія воеводства и воспользоваться первымъ замѣшательствомъ дворянъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній козацкіе предводители перемѣнили планъ дѣйствій: Палій самъ, принявъ начальство надъ частью войска, остался подъ Бѣлою Церковью продолжать осаду; Самусь, съ главнымъ отрядомъ, отправился къ границамъ Волыни и Подолія; наконецъ третій отрядъ, подъ начальствомъ Семашка, направился въ Брацлавщину и Побережіе, [1]) откуда жители присылали къ Палію депутацію съ прозьбою о принятіи ихъ подъ свое покровительство и о присылкѣ козаковъ [2]).

Самусь направился изъ Бѣлой Церкви въ началѣ октября въ ту часть кіевскаго воеводства, которая еще оставалась въ рукахъ шляхты; воеводство это представляло довольно легкую добычу: значительная часть его, до рѣки Тетерева, находилась уже въ рукахъ Палія; шляхта по большей части переселилась на Волынь и ополченіе ея было малочисленно; по отдаленности своей отъ центральныхъ воеводствъ и отъ королевскаго лагеря, оно не могло разсчитывать на скорую помощь регулярнаго войска; притомъ, овладѣвъ имъ, козаки могли, смотря по обстоятельствамъ, обратиться на любое изъ трехъ другихъ русскихъ воеводствъ: они могли, обеспечившись сзади, вторгнуться или на западъ въ Волынь, или на юго-западъ въ Подоліе, или на югъ въ Брацлавщину. При извѣстіи о движеніи

---

[1]) Нынѣшніе уѣзды Подольской губерніи: Балтскій, Ольгопольскій и Ямпольскій.

[2]) Załuski, T. III, стр. 333; № CLI, стр. 450; Otwinowski, стр. 42.

Самуся, въ Бердичевъ, одинъ изъ пограничныхъ съ козаками городовъ, собрались всѣ силы, которыми могли располагать Поляки въ Кіевщинѣ; силы, эти были незначительны, а безъурядица и междуусобные раздоры еще болѣе ослабляли ихъ: въ Бердичевъ пришелъ полковникъ Даміянъ Рущицъ, отправленный съ отрядомъ кварцянаго войска изъ гетманскаго лагеря для собранія свѣденій о козакахъ; съ Рущицомъ соединился староста Хмѣльницкій, Яковъ Потоцкій, съ нѣсколькими надворными хоругвями какъ своими, такъ и кіевскаго воеводы, Іосифа Потоцкаго; наконецъ въ Бердичевъ явилась и часть дворянскаго ополченія кіевскаго воеводства. Ополченіе это сформировалось еще въ августѣ и намѣревалось отправиться въ королевскій лагерь противъ Шведовъ, но намѣреніе это не состоялось, потому что между шляхтичами возникъ споръ о начальствѣ. По установившемуся обычаю, начальство надъ посполитымъ рушеніемъ должно было принадлежать старшему по должности чиновнику изъ присутствующихъ въ ополченіи; но, на этотъ разъ, за отсутствіемъ воеводы и кастеляна, старшихъ, равносильныхъ между собою, было два лица: староста житомирскій, Іосифъ Корчевскій, и староста овруцкій—Францискъ Потоцкій; мѣлкопомѣстные дворяне, составлявшіе большинство ополченія, желали вручить начальство Корчевскому; но Потоцкій съ своею партіею, состоявшею по большей части изъ крупныхъ помѣщиковъ, не хотѣлъ ему подчиниться; его приверженцы оставили общій лагерь и устроили отдѣльный станъ на урочищѣ Пелчи, подъ Овручемъ; обѣ партіи признавали себя исключительно законнымъ ополченіемъ воеводства, упрекали противниковъ въ неповиновеніи и самозванствѣ; обѣ отправляли пословъ съ жалобами на ослушаніе противниковъ къ королю и къ коронным гетманамъ. При приближеніи Самуся, Рущицъ отправилъ приглашеніе

шляхтѣ—направиться въ Бердичевъ; Корчевскій повиновался, но Потоцкій воспользовался его уходомъ, приговорилъ военнымъ судомъ всѣхъ противниковъ къ наказаніямъ за ослушаніе своей власти и отправился въ ихъ села производить экзекуцію. Дома противниковъ Потоцкаго были ограблены, жены и родственники побиты или изъувѣчены. Попавшіеся въ руки Потоцкаго дворяне противной партіи были посажены въ тюрму [1]). Среди польскаго войска, собравшагося въ Бердичевѣ, произошелъ такой—же споръ изъ за права на начальство: возникло недоразумѣніе о старшинствѣ между полковникомъ Рущицемъ и старостою Хмѣльницкимъ, Яковомъ Потоцкимъ; послѣдній, желая перетянуть на свою сторону общественное мнѣніе, сталъ щедро угощать шляхту и солдатъ Рущица. Между тѣмъ въ самомъ пылу попойки, 16 октября, подъ Бердичевъ подступили козаки; пьяные жолнеры и шляхтичи были изрублены, замокъ взятъ; всѣ поляки и евреи, жившіе въ городѣ, истреблены; вслѣдъ за тѣмъ козаки напали за городомъ на таборы, разогнали, остававшихся въ лагерѣ, шляхтичей и захватили обозъ Якова Потоцкаго, его казну и пушки. Потоцкій оцѣнивалъ понесенные имъ при этомъ убытки въ 220,000 злотыхъ; онъ самъ едва убѣжалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ во Львовъ. Рущицъ бѣжалъ также, спустившись по веревкѣ чрезъ окно изъ замка. Поляки считали свою потерю въ 2,000 человѣкъ. Немедленно послѣ удачнаго дѣла, возстали крестьяне въ окрестности Бердичева и на всемъ пространствѣ между рѣками Тетеревомъ и Ушью; они разграбили обозы шляхтичей, бывшихъ въ ополченіи, и присоединились къ козакамъ. Такимъ образомъ весь Житомирскій повѣтъ Кіев-

---

[1]) См. №№: CXLVI, стр. 438; CXLVII, стр. 443; CLXVII, стр. 481; CLXXV, стр. 497; CXCIX, стр. 541 и CCXVII, стр. 593.

скаго воеводства достался козакамъ вслѣдствіе Бердичевской побѣды [1]). Шляхта, бѣжавшая изъ Бердичева, не думала о дальнѣйшемъ сопротивленіи и предалась междуусобному раздору: бѣглецы обвиняли Овруцкаго старосту, что онъ, разрознивъ силы воеводства, былъ причиною ихъ разгрома, Францискъ Потоцкій, въ свою очередь, доказывалъ, что они понесли должное наказаніе за свое самоуправство и обвинялъ ихъ въ государственной измѣнѣ, такъ какъ они, не зная военнаго дѣла, пошли на враговъ, напрасно раздражили ихъ и были поводомъ гибели значительнаго отряда.

Сломивъ такимъ образомъ силы кіевскаго воеводства, козаки могли изъ подъ Бердичева вторгнуться или на Волынь или въ Брацлавщину и Подолію.—Самусь остановился на второмъ изъ этихъ предположеній, такъ какъ оказалось, что Волынь была хорошо приготовлена къ отпору. Воеводство это было болѣе удалено отъ козацкихъ поселеній и не подвергалось ихъ вліянію подобно Кіевскому. Ктому на Волыни шляхта успѣла пустить гораздо болѣе прочные корни. Кромѣ большихъ магнатовъ, Волынь была изобильно населена мѣлкопомѣстными и средней руки шляхтичами. По свидѣтельству современниковъ шляхетское ополченіе этого воеводства могло выставить болѣе 5,000 вооруженныхъ всадниковъ. [2]). Притомъ, вслѣдствіе рѣдкаго въ Рѣчи Посполитой исключенія, Волынская шляхта не была въ это время склонна къ раздору;—она преклонялась передъ авторитетомъ любимой ею личности, возвысившейся до званія кастеляна изъ круга средней-же

---

[1]) Załuski, T. III, стр. 294; Otwinowski, стр. 42. Первыя Русскія вѣдомости 1703 года, стр. 7 и 25. Лѣтоп. Грабянка стр. 241. Также см. №№: CLXXXI, стр 507, CXCIV стр. 533 и CCLXV, стр. 704.

[2]) Załuski, T. III, стр. 294.

шляхты, которая и смотрѣла на него какъ на своего представителя. Личностью этою былъ Волынскій кастелянъ, Францискъ Ледуховскій; пользуясь безграничною довѣренностью и популярностью между шляхтою, умѣя ловко обходить щекотливое тщеславіе и, тѣмъ не мѣнѣе, смирять распущенный нравъ собратій, Ледуховскій одинъ могъ создать дѣйствительную военную силу изъ посполитого рушенія Волынскаго воеводства. Онъ и воспользовался этимъ, для того, чтобы охранить воеводство отъ вторженія козаковъ. Еще въ августѣ, Ледуховскій, находившійся съ частью волынскаго ополченія въ королевскомъ лагерѣ подъ Сендомиромъ, получивъ первыя свѣденія о возстаніи Самуся, угадалъ весь планъ дѣйствія козаковъ. Онъ немедленно отправилъ универсалъ къ волынскимъ дворянамъ, въ которомъ, предьостерегая о грозящей опасности, поставлялъ на видъ, что возстаніемъ этимъ не нужно пренебрегать, что козаки на вѣрно выбрали время съ умысломъ и пожелаютъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что войска королевскія и шляхта заняты войною съ Шведами, для того, чтобы расширить возстаніе до грозныхъ для шляхты размѣровъ. Вслѣдствіе этого онъ приглашалъ дворянъ вооружиться поголовно и собраться къ 14 сентября у села Мятина, куда обѣщалъ и самъ явиться для того, чтобы принять начальство въ походѣ противъ козаковъ [1]). Въ назначенный срокъ Ледуховскій дѣйствительно прибылъ и сталъ побуждать къ вооруженію новыми универсалами медленно собиравшуюся волынскую шляхту, попеременно, то расхваливая ея врожденное мужество, то извѣщая ее о походѣ Самуся изъ подъ Бѣлой Церкви, то устрашая возстаніемъ крестьянъ и отвѣтственностью передъ военнымъ судомъ [2]). Наконецъ, въ половинѣ октября

[2](См. № CLXIX, стр. 447.

[1])См, №№: CLVII, стр. 460; CLVIII, стр. 461 и CLIX, стр. 463.

Ледуховскій вышелъ въ поле съ своимъ ополченіемъ и сталъ лагеремъ у города Заславля, зорко наблюдая за движеніями козаковъ въ Кіевщинѣ и помышляя о походѣ въ Украину на выручку Бѣлой Церкви. Въ это время случилось обстоятельство, обнаружившее существованіе болѣе близкой опасности и заставившее Ледуховскаго удержаться отъ похода за границу воеводства и принять въ его предѣлахъ болѣе строгія мѣры. Одинъ изъ шляхетскихъ патрулей арестовалъ Даніила Братковскаго, пытавшагося избѣгнуть встрѣчи съ шляхтичами посредствомъ переодеянія; при обыскѣ у него нашли составленное имъ воззваніе къ народу и нѣсколько писемъ, доказывавшихъ его участіе въ козацкомъ возстаніи. Братковскій послѣ допроса посаженъ былъ подъ стражу и ему предложили собрать, по существовавшему обыкновенію, инквизиціи, т. е. показанія свидѣтелей въ свою пользу [1]). Между тѣмъ Ледуховскій, увидѣвъ серьезную опасность, грозившую шляхтѣ отъ подготовляемаго систематически крестьянскаго возстанія, принялъ мѣры для его предъотвращенія; 18 октября онъ учредилъ въ лагерѣ военный судъ и поручилъ его членамъ преслѣдовать всѣхъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ возстанію или въ упущеніи своихъ обязанностей [2]). Судъ этотъ принялся дѣятельно за подавленіе крестьянскаго заговора—заподозрѣнные крестьяне подвергались пыткѣ, а въ случаѣ сознанія въ сочувствіи козакамъ были казнены смертью, четвертованы и части ихъ развѣшены на большихъ дорогахъ [3]). Мѣры эти дѣйствительно не дозволили вспыхнуть на Волыни общему крестьянскому возстанію, и все дѣло кончилось нѣсколькими ничтожными,

---

[1]) См. №№: CLX, стр. 464 и CLXVIII, стр. 484.
[2]) См. № CLXI, стр. 465.
[3]) См. №№: CLXX, стр. 486 и CLXXII, стр. 493.

мѣстными, сейчасъ-же подавленными вспышками и поджегами нѣсколькихъ панскихъ дворовъ [1]). Съ другой стороны дѣятельность и популярность Ледуховскаго не допустили раздвоенія шляхетскихъ силъ, подобно тому какъ это случилось въ кіевскомъ воеводствѣ, хотя попытка къ этому и была сдѣлана со стороны подкоморія короннаго, Юрія Любомирскаго, старавшагося собрать подъ свое начальство посредствомъ лестныхъ универсаловъ, отдѣльное дворянское ополченіе [2]). Дѣятельность Ледуховскаго не ослабѣла и тогда, когда онъ узналъ, что Самусь, минуя Волынь, направился въ Брацлавщину.—Желая обезопасить и впредъ свое воеводство отъ вторженія козаковъ, онъ пригласилъ волынскихъ дворянъ собраться 20 ноября въ Луцкъ на сеймикъ и обдумать средства для прочной защиты воеводства [3]). На сеймикѣ этомъ было постановлено: вооружить милицію противъ козаковъ, занявшихъ уже все Подоліе и приближавшихся съ юга къ предѣламъ Волыни. Милицію эту должны были вооружить шляхтичи, духовенство и евреи воеводства волынскаго на свой счетъ; каждые 30 дымовъ должны были доставить одного жолнера, непремѣнно шляхтича или иностранца, человѣка не подозрительнаго; если-бы милиція оказалась недостаточною, то Ледуховскій обязанъ былъ опять созвать поголовное ополченіе дворянъ. Изъ сеймика отправлены были депутаты съ прозьбою о помощи къ гетманамъ и къ шляхтѣ сосѣднихъ воеводствъ: Русскаго, Белзкаго, Люблинскаго и земли Холмской. На томъ же сеймикѣ Ледуховскій получилъ разрѣшеніе судить Даніила Братковскаго, не смотря на шляхетское его званіе, военнымъ судомъ [4]).

---

[1]) См. №№: CXLV, стр. 435 и CXC, стр. 527.
[2]) См. № CLXIX, стр. 485.
[3]) См. № CLXII, стр. 467.
[4]) См. № CLXV, стр. 474.

Впрочемъ Братковскій ожидалъ этого рѣшенія спокойно; еще за недѣлю до засѣданій сеймика онъ приготовился къ смерти и написалъ завѣщаніе, исполненное глубокаго религіознаго и человѣческаго чувства, въ которомъ онъ разпредѣлялъ движимое имущество между дѣтьми, прощался съ семействомъ, поручалъ его членамъ вознаградить всѣхъ лицъ обиженныхъ имъ при жизни, внести вклады въ различныя церкви и монастыри на поминовеніе его души, раздать милостыню бѣднымъ и т. п. [1]. Черезъ два дня послѣ того, какъ состоялось рѣшеніе его участи шляхетскимъ сеймикомъ, Братковскій былъ подвергнутъ допросу въ военномъ судѣ; онъ отказался указать сообщниковъ и былъ приговоренъ къ пыткѣ. Выдержавъ со стойкостью первую степень пытки (разтягиваніе членовъ) онъ былъ уволенъ отъ слѣдующихъ двухъ степеней (огня и разкаленнаго желѣза), по причинѣ совершенной потери силъ. 25 ноября въ военномъ судѣ ему прочли смертный приговоръ, а на слѣдующее утро этотъ поборникъ православія и русскаго народнаго начала въ югозападномъ краѣ, столь усиленно боровшійся за свои убѣжденія «посередъ рынку Луцкаго, черезъ ката за семъ разовъ, мордерско зосталъ стятый» [2].

Между тѣмъ какъ волынскіе дворяне защищали выше указанными мѣрами границы своего воеводства, Самусь, послѣ бердичевской побѣды, направился въ Подоліе и Брацлавщину. Шляхта обоихъ этихъ воеводствъ не могла

---

[1]) См. № CLXIV, стр. 470.

[2]) См. №№: CLXVIII, стр 483 и CLXXIII, стр. 494; также лѣтопись Величка, Т. III, стр. 567. Впрочемъ казнью Данiила Братковскаго не удовлетворилась ненависть къ нему шляхты—семейство его долго еще подвергалось постояннымъ преслѣдованіямъ; 3 года спустя послѣ его казни, всѣ его дѣти приговорены были къ баниціи Луцкимъ гродскимъ судомъ за то, что отецъ ихъ не представилъ передъ смертью отчета объ управленіи имѣніемъ малолѣтнихъ дворянъ Пасевичей, бывшихъ у него въ опекѣ. (Книга гродская, луцкая, декретовая № 3065, листъ 275 на оборотѣ).

выставить значительныхъ силъ для сопротивленія. Едва прошло 3 года съ тѣхъ поръ какъ Речь Постолитая получила обратно по Карловицкому трактату эти области отъ Турціи. Помѣщики только что возвратились въ свои села и не успѣли еще обжиться; желая привлечь въ опустѣвшія имѣнія побольше рабочихъ рукъ, они объявляли весьма выгодныя для крестьянъ условія слободы и потомъ ихъ не сдерживали; крестьяне уходили обратно или безпрестанно переходили отъ одного помѣщика къ другому. Такимъ образомъ все почти крѣпостное населеніе этихъ воеводствъ находилось въ полукочевомъ состояніи; крѣпостное право не могло прочно установиться и народъ сохранялъ значительную долю самостоятельности, находя притомъ поддержку въ козацкихъ поселеніяхъ, заведенныхъ въ южной Брацлавщинѣ Абазиномъ и молдавскими выходцами, подчинившимися въ послѣднее время Палію.— Шляхта притомъ была малочисленна; посполитое рушеніе подольскаго воеводства въ 1702 году едва превышало 400 человѣкъ [1]), Еще слабѣе были силы дворянъ въ Брацлавскомъ воеводствѣ; сами шляхтичи сознавали это и, чувствуя приближавшуюся грозу со стороны Украины, искали спасенія въ задобреніи козаковъ. Сеймикъ воеводства брацлавскаго еще въ началѣ іюля отправилъ посольство къ Палію съ изъявленіемъ дружбы и съ предложеніемъ установить мирныя сосѣдскія отношенія. Шляхтичи обѣщали Палію въ случаѣ, если онъ приметъ ихъ предложенія, ходатайствовать за него на сеймѣ [2]). Не смотря однако на эти уступки, еще до начала возстанія Самуся, въ Подоліи

---

[1]) Поимянный перечень шляхты, «popis rycerstwa wojewodstwa podolskiego», 1702 года помѣщенъ въ книгѣ гродской, Каменецъ-Подольской, записовой и поточной, 1702 года, № 3956, листъ 192

[2]) См. № CXLIV стр. 433.

и Брацлавщинѣ обнаружилось сильное волненіе между крестьянами. Уже въ началѣ іюня сеймикъ подольскаго воеводства возложилъ на помѣщиковъ и ихъ урядниковъ обязанность слѣдить за этимъ волненіемъ и заключать подъ стражу всѣхъ въ немъ подозрѣваемыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ гетману, что на Подольи стали появляться отряды «Левенцевъ» (гайдамакъ) и просилъ у него защиты [1]). Волненіе это возростало съ каждымъ днемъ, нападенія на панскіе дворы, требованія, чтобы шляхтичи подчинялись общинному суду громады и т. д. становились все чаще. Въ началѣ іюля подольская шляхта составила новый сеймикъ и постановила вооружиться поголовно и стараться привести въ порядокъ крестьянскія дѣла введеніемъ однообразныхъ, болѣе стѣснительныхъ для крестьянъ слободскихъ условій [2])

Такимъ образомъ Брацлавщина и Подолье представляли вполнѣ подготовленную для козаковъ почву. Самусь рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и послѣ Бердичевскаго дѣла повернулъ въ Брацлавщину. Почти у входа въ эту область находилась единственная, охранявшая ее, польская крѣпость—Немировъ. Крѣпостью этою Поляки дорожили наравнѣ съ Бѣлою Церковью: они старались постоянно въ договорахъ съ Турціею и Россіею оговорить за собою обладаніе Немировомъ, который они считали ключемъ Побужья, дававшимъ возможность удерживать въ этой области козаковъ и крестьянъ. Овладѣть Немировомъ было потому для Самуся необходимо. Притомъ гарнизонъ Немировскій озлобилъ противъ себя сильно окрестныхъ жителей; комендантъ слѣдилъ за настроеніемъ крестьянъ во всей окрестности и, заподозривъ многихъ

---

1) См. №№: CXL, стр. 423 и CXLI, стр. 425.
2) См. № CXLIII, стр. 428.

изъ нихъ, казнилъ смертью. Въ началѣ ноября Самусь направился къ Немирову и соединился съ Абазиномъ, пришедшимъ къ городу съ юга.—Крѣпость была немедленно взята при содѣйствіи мѣщанъ.—Комендантъ и два іезуита были замучены мѣстными крестьянами, мстившими имъ за прежнія ихъ насилія: коменданту отрубили руки, обрѣзали губы; іезуиту Цаполовскому содрали изъ бороды кожу; весь гарнизонъ и всѣ шляхтичи и евреи, искавшіе спасенія въ крѣпости, были перебиты [1]). Послѣ взятія Немирова козаки разсѣялись по всему Подолью небольшими отрядами, часть ихъ отправилась помогать Палію въ осадѣ Бѣлой Церкви, другіе направились въ Баръ; небольшой гарнизонъ этого города, шляхта и евреи бѣжали поспѣшно въ болѣе надежный замокъ Межибожскій; козаки послѣдовали за ними, сожгли городъ и обложили замокъ; они разбили отрядъ войска, отправленный противъ нихъ коронным гетманомъ, похвалялись, что, взявши Межибожъ, отправятся на Каменецъ; отдѣльные отряды ихъ дѣйствительно появлялись въ окрѣстности этого города; они даже проникали въ воеводство Червоно-русское и Волынское, истребляя шляхту въ окрестностяхъ: Сатанова, Злочева, Сокаля, Константинова [2]).

Между тѣмъ, почти одновременно съ паденіемъ Немирова, Палій овладѣлъ Бѣлою Церковью. Послѣ удаленія Самуся онъ покушался взять крѣпость приступомъ, но былъ отбитъ; тогда, показывая видъ, что потерялъ всякую надежду на успѣхъ, онъ снялъ свои таборы и отправился обратно въ Хвастовъ, оставивъ въ полуразрушенномъ посадѣ сильную засаду. Хитрость эта удалась. Немедленно послѣ ухода Палія изъ

---

[1]) Załuski, T. III, стр. 294, 332 и 333.—Первыя русскія вѣдомости, стр. 2 и 18;

[2]) Załuski, T. III, стр. 279. Первыя русскія вѣдомости, стр.: 19, 21, 53 и 65. Также см. №№: CLVI, стр. 457 и CLXXXV, стр. 520.

замка выѣхалъ съ незначительною свитою комендантъ, Галецкій, и отправился осматривать городъ,—козаки, бывшіе въ засадѣ, выбѣжали, отрѣзали его отъ крѣпости и стали преслѣдовать; Галецкій бѣжалъ въ поле и, не находя другого исхода, отправился въ Хвастовъ искать убѣжища у Палія. Послѣдній принялъ его благосклонно, но, тѣмъ не менѣе, предложилъ ему на выборъ одно изъ двухъ:—или смертную казнь, или сдачу крѣпости, ручаясь впрочемъ за сохраненіе жизни гарнизону. Комендантъ струсилъ и написалъ офицерамъ, оставшимся въ Бѣлой Церкви приказъ о сдачѣ крѣпости; опасаясь—же отвѣтственности передъ коронными гетманами за эту уступку, онъ испросилъ у Палія разрѣшеніе поселиться въ Хвастовѣ. Въ половинѣ ноября крѣпость была сдана козакамъ; Палій въѣхалъ въ нее торжественно шестернею, въ каретѣ, добытой вѣроятно у какого—нибудь пана. Онъ немедленно перенесъ въ Бѣлую Церковь свою резиденцію и дѣятельно занялся подчинкою и усиленіемъ укрѣпленій [1]).

Между тѣмъ въ Подольи и Брацлавщинѣ, по Бугу и Днѣстру, появленіе и успѣхи козаковъ произвели всеобщее крестьянское возстаніе. Въ Побережьи Семашко овладѣлъ 20-ю волостями, перебилъ арендаторовъ евреевъ, изгналъ шляхтичей и причислилъ ихъ имѣнія къ Бѣлоцерковскому полку [2]). Въ Подольи повсемѣстно возставали крестьяне, мучили и убивали ксендзовъ, пановъ, шляхту и евреевъ,

---

[1]) Rulikowski, стр. 105—106. Załuski, Т. III, стр. 402. Первыя русскія вѣдомости, стр. 44 и 63.—Ксендзъ Орловскій въ своемъ сочиненіи: „Защита кіевскаго епископства“ утверждаетъ, что, не смотря на данное коменданту обѣщаніе, Палій обезоружилъ, а потомъ приказалъ перебить Бѣлоцерковскій гарнизонъ. Но это несправедливо; у Залускаго помѣщено письмо Мазепы къ польскимъ гетманамъ, въ которомъ онъ, отклоняя отъ себя подозрѣніе въ участіи во взятіи Бѣлой Церкви, ссылается на свидѣтельство „тѣхъ людей, которые, выдержавъ осаду, вскорѣ послѣ сдачи были отпущены изъ крѣпости“.

[2]) Załuski, Т. III, стр. 833.

насиловали женщинъ; «бунтующаяся чернь и козаки, жаловалась шляхта, свирѣпствуютъ жестоко, не щадя ни дворянъ, ни управляющихъ, ни пановъ, всѣмъ на поваль рѣжутъ головы. Они овладѣваютъ городами и селами: одни берутъ приступомъ, другіе подчиняются имъ добровольно, освобождаясь изъ повиновенія пановъ, и, такимъ образомъ, укрѣпляя и усиливая ихъ могущество на счетъ нашихъ же маетностей. Они грабятъ села и мѣстечка, выбиваютъ пасѣки, наносятъ всякій возможный вредъ, а гдѣ поляка или жида поймаютъ—убиваютъ». Грабежи панскаго имущества производились также повсемѣстно, крестьяне забирали все движимое, угоняли скотъ, отъискивали и истребляли документы и наконецъ поджигали панскій дворъ и усадьбу [1]. Обыкновенно большинство крестьянъ извѣстной мѣстности добровольно присоединялось къ козакамъ, другихъ принуждали силою общественнаго мнѣнія громады;—согласившись между собою, крестьяне отправляли къ начальнику ближайшаго козацкаго отряда депутатовъ отъ волости съ поклономъ и послѣ того считали себя дѣйствительными членами козацкаго войска. «Скажи—куда ты спрятала жида, говорили крестьяне изъ мѣстечка Зиньмкова, ворвавшись въ домъ дворянки Ходоровской, если не скажешь, то мы опрокинемъ вмѣстѣ съ тобою твою хату. Будешь знать тогда *Самусевыхъ козаковъ* [2])». Во многихъ мѣстностяхъ дѣйствительно посполитые люди не ограничивались освобожденіемъ отъ помѣщиковъ и подчиненіемъ своимъ козакамъ; они составляли отряды, принимали названіе полковъ, разбивали мѣлкіе, попадавшіеся имъ,

---

[1]) Otwinowski, стр. 42; Załuski, T. III, стр. 279. Соловьевъ, Т XV, стр. 16; Pamiętniki Zawiszy, стр. 217; также см. №№: CLII, стр. 452; CLVI, стр. 458; CLXXXV, стр 520, CCXXIV, стр. 607; CCXV, стр. 579; CCXVI, стр. 585; CCXX, стр. 599; CCXXIX, стр. 618; CCXXXIII, стр. 625; CCXLI, стр. 641 и CCLXVI, стр. 706,

[2]) См. №№: CXCV, стр- 535 и CLIII, стр. 453.

польскіе отряды и отправлялись или истреблять шляхту въ другія мѣстности, или соединялись съ козаками. Такіе отряды сформировались изъ мѣщанъ и крестьянъ въ окрестностяхъ: Новоконстантинова, Дунаевецъ, Студеницы, Гусятина, Стрижавки и т. д. Въ окрестностяхъ Летичева полкъ составился изъ летичевскихъ мѣщанъ, околичной шляхты, живущей около Бара, и изъ крестьянъ сосѣднихъ селъ [1]). Въ окрестностяхъ Немирова образовалъ полкъ изъ крестьянъ—нѣкто Федоръ Шпакъ. Вообще въ предлагаемыхъ актахъ попадается много личностей изъ крестьянъ, носящихъ полковничій титулъ. Такъ мы начитываемъ полковниковъ: Карнауха, Дубину, Деревянку, Скорича и т. п. такъ въ Дунаевцахъ былъ свой—полковникъ, какъ явствуетъ изъ словъ самыхъ же Дунаевскихъ мѣщанъ:— Поймавъ на дорогѣ шляхтича Сузкого, одни изъ нихъ совѣтовали: «Ведить того собаку до *полковника*, буде намъ добрый языкъ»! между тѣмъ какъ другіе кричали: «Лышить го, а утяты му шыю собачу»! Наконецъ плѣннаго шляхтича раздѣли до нага и бросили въ лѣсу, привязавъ къ дереву [2]).

Такому усиленію крестьянскихъ ополченій дворяне подольскіе не были въ состояніи противупоставить никакого серьезнаго сопротивленія. Еще въ сентябрѣ подкоморій, Богушъ, созывалъ шляхту для того, чтобы составить поголовное ополченіе противъ козаковъ, но универсалъ его не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Дворяне ограничились отправкою посольства къ коронному гетману съ просьбою о присылкѣ войска и объ усиленіи Каменецкаго гарнизона; самъ Богушъ счелъ болѣе безопаснымъ уѣхать изъ Подолія. Потому когда козаки появились въ Брацлавщинѣ, самымъ знат-

[1]) См. № CLXXXVII, стр. 522.
[2]) См. № CLXXXIII, стр. 511.

нымъ изъ остававшихся въ воеводствѣ чиновниковъ оказался подстолій летичевскій, Домбровскій, который и пригласилъ шляхту къ оружію посредствомъ универсала. Шляхтичи съѣхались въ концѣ ноября на сеймикъ въ Каменецъ, обѣщали со временемъ составить ополченіе, а между тѣмъ отправили пословъ къ коронным гетманамъ съ прозьбою о помощи и избрали дворянина Станислава Шидловскаго стражникомъ воеводсва; ему поручено было слѣдить за крестьянами и казнить ихъ смертью въ случаѣ если онъ примѣтитъ между ними наклонность къ возстанію [1]). Возлагая на него это порученіе, сеймикъ не позаботился о томъ, откуда стражникъ добудетъ войска для того, чтобы привести въ исполненіе мѣры, указанныя сеймикомъ между тѣмъ ему приходилось исполнять ихъ во время самаго разгара крестьянскаго возстанія. Желая показать по крайней мѣрѣ видъ отправленія своей должности, Шидловскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ пріятелей и слугъ, отправился въ объѣздъ; но на первыхъ порахъ его встрѣтила неудача. Перваго-же дня, когда онъ остановился на ночлегъ въ селѣ Нефедовцахъ, мѣстные крестьяне извѣстили о его пріѣздѣ жителей сосѣднихъ деревень; толпа крестьянъ напала на квартиру стражника и онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, оставя въ добычу нападавшимъ свои вещи, оружіе и лошадей. Черезъ нѣсколько дней Шидловскій потребовалъ у мѣщанъ Копайгродскихъ, чтобы они ему выдали, какъ вора, того крестьянина, у котораго оказались его лошади, но онъ получилъ отказъ отъ осадчаго, заявившаго ему: «Намъ теперь и воръ нуженъ, а ваше господство уже кончается». Вслѣдъ за тѣмъ ограбленъ былъ крестьянами дворъ самаго Шидловскаго

---

[1]) См. №№: CLII, стр. 451; CLVI, стр. 457; CLXIII, стр. 468 и CLXVI, стр. 478.

въ селѣ Берлинцахъ, чѣмъ и прекращена была дальнѣйшая его дѣятельность [1]).

Чувствуя свое безсиліе, шляхта обратилась въ бѣгство на Волынь или въ глубину Польши, за нею бѣжали и евреи; бѣглецы разносили преувеличенныя извѣстія о козацкихъ силахъ и возбуждали паническій страхъ; по словамъ ихъ, возобновились времена Хмѣльницкаго; они разсказывали, что въ Подолье ворвалось три отряда, каждый не менѣе 30,000 человѣкъ; земскіе и гродскіе чиновники отказывались отъ исполненія своихъ должностей и бѣжали также; при приближеніи козаковъ крестьяне пользовались паникою шляхты и нерѣдко отдѣлывались отъ пана, обращая его въ бѣгство однимъ страхомъ; они подымали ночью шумъ, крикъ и пальбу; услышавъ тревогу шляхтичи бѣжали изъ домовъ полуодѣтые, оставляя на разграбленіе свои дворы и имущества. Иногда шляхта и евреи собирались для большей безопасности въ таборы и отправлялись искать убѣжища въ болѣе безопасныя мѣстности; изъ многихъ мѣстечекъ евреи выселились вовсе; такъ напримѣръ, бѣжавши изъ Любара, они, не смотря на прекращеніе возстанія, только черезъ 3 года возвратились на родину [2]). Ни отдаленіе отъ занятыхъ козаками областей, ни сильныя укрѣпленія не избавляли отъ паническаго страха. Во Львовѣ сбѣжавшіеся шляхтичи сильно трусили и ожидали съ каждымъ днемъ появленія козаковъ; въ Каменцѣ шляхтичи, поляки—мѣщане и жолнеры гарнизона подозрительно смотрѣли на русскихъ мѣщанъ, поговари-

---

[1]) См. №№: CLXXVIII, стр. 503; CLXXIX, стр. 504; CLXXX, стр. 506 и CCXII, стр. 576.

[2]) См. №№: CLIV, стр. 454; CLXXI, стр. 489; CLXXXII, стр. 509; CCV, стр. 562; CCXXIII, стр. 605; CCXLIV, стр. 647 и CCLIV, стр. 681.

вая, что не мѣшало бы перебить ихъ въ видѣ предосторожности. Послѣдніе, въ свою очередь, говорили: «Сами не знаемъ, кого намъ бояться—козаковъ или поляковъ? мы слышели, что одинъ изъ начальниковъ предлагалъ вырѣзать въ городѣ Русиновъ»! [1]) Всеобщій страхъ и безъурядицу усиливали притомъ сами шляхтичи: пользуясь смятеніемъ и бѣгствомъ своей братіи, многіе не прочь были поживиться на счетъ отсутствующихъ; одни изъ нихъ, узнавъ о бѣгствѣ сосѣдей, переодѣвались козаками, нападали на ихъ дворы и грабили оставленное имущество; другіе приглашали козаковъ на грабежъ, служили имъ проводниками и потомъ дѣлились добычею; иные старались перехватить бѣглецовъ и убить ихъ въ дорогѣ, угождая побужденію личной мести; многіе, когда возстаніе начинало стихать въ извѣстной мѣстности или когда козаки удалялись, опустошивъ ее, врывались по ихъ слѣдамъ въ шляхетскіе-же дворы и маетности и грабили все то, что ускользнуло или что было пощажено козаками, а также захватывали по дорогамъ бродившихъ, сосѣдскихъ крестьянъ и водворяли ихъ въ своихъ имѣніяхъ [2]). Иногда даже вооруженные шляхтичи отлучались отъ земскаго ополченія съ цѣлью ограбить бѣглецовъ. Такъ шляхтичи Езерскій и Дидковскій оставили лагерь Волынскаго ополченія и нанялись съ десяткомъ всадниковъ конвоировать богатыхъ купцевъ евреевъ, направлявшихся изъ города Полоннаго въ общій таборъ бѣглецовъ; но ночью конвойные, будто сбившись съ дороги, завели ихъ въ глухой лѣсъ, прогнали

---

[1]) Załuski, T. III, стр. 279. Первыя русскія вѣдомости, стр. 24. Также см. № CLV, стр. 455.

[2]) См. №№: CLXXXII, стр. 509; CCI, стр. 551; CCV, стр. 562; CCXIV, стр. 578; CCXIX, стр. 596; CCXXI, стр. 601; CCXXII, стр. 602; CCXXVII, стр. 614 и CCXLVII, стр. 653.

отъ возовъ и ограбили богатые товары, находившіеся въ еврейскомъ обозѣ [1]).

Межу тѣмъ польское правительство находилось въ крайнемъ затрудненіи по поводу козацкаго возстанія; занятое войною со Шведами, оно не имѣло удоборазполагаемыхъ военныхъ силъ, отрывать—же часть войска отъ главной арміи, и безъ того малочисленной, оно не желало. Король обратилъ всѣ усилія на то, чтобы отдѣлаться отъ козаковъ путемъ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.— Поручивъ гетманамъ обдумать на досугѣ средства для усмиренія козаковъ, король и его совѣтники еще въ ноябрѣ стали особенно усиленно осаждать русскаго посланника, князя Долгорукаго, представляя ему, что шведскіе сторонники разпускаютъ молву о томъ, якобы козаки поднялись вслѣдствіе русскаго вліянія; что Самусь дѣйствительно присягнулъ на вѣрность царю и что потому необходимо, для успокоенія шляхты, чтобы царь, въ доказательство искренности своего союза, принялъ мѣры для усмиренія козаковъ. Князь Долгорукій протестовалъ противъ подозрѣній, увѣрялъ канцлера, что царь запретить своимъ козакамъ помагать Самусю, обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ отъ него зависѣть для того, чтобы помочь Речи Посполитой. Онъ дѣйствительно отправилъ два письма къ Мазепѣ, въ которыхъ сообщалъ гетману разпространенные шведскою партіею слухи и просилъ его принять всѣ, зависящія отъ него, мѣры, для того, чтобы ихъ опровергнуть. Тѣмъ не менѣе заявленія о вліяніи Россіи на возстаніе не прекращались со стороны вельможъ польскихъ. Самъ гетманъ коронный, Любомирскій, поддерживалъ ихъ ложными донесеніями королю о томъ, якобы Мазепа готовится перейти черезъ Днѣпръ во главѣ всего козацкаго войска въ

[1]) См. № CLXXI, стр. 487,

помощь Самусю, Въ половинѣ декабря Августъ II обратился письмомъ лично къ Петру I, сообщилъ ему слухи о покровительствѣ, якобы оказываемомъ Россіею возставшимъ козакамъ, увѣрялъ, что онъ слухамъ вовсе не вѣритъ, но тѣмъ не менѣе просилъ царя взять на себя усмиреніе Самуся. Въ началѣ генваря онъ отправилъ вторично письмо такого—же содержанія. Между тѣмъ Петръ I желалъ искреннно успокоить поляковъ, содѣйствіе которыхъ въ Шведской войнѣ было ему необходимо; 28 декабря посланы имъ были грамоты къ Самусю и къ Палію; царь напоминалъ обоимъ свои дружелюбныя отношенія къ Речи Посполитой, предлагалъ имъ прекракить военныя дѣйствія, и, если они чувствуютъ себя въ чемъ-либо обиженными, бить о томъ челомъ королю; а между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы тревожить Речь Посполитую, совѣтовалъ имъ лучше обратить оружіе на общихъ непріятелей—Шведовъ. Когда грамоты эти были отправлены Мазепою по назначенію, то въ отвѣтъ Самусь объявилъ гетману, что война съ Поляками произошла по ихъ-же винѣ, что козаки не въ состояніи выносить претерпѣваемыхъ ими отъ шляхты насилій и жестокостей, и что они не могутъ отказаться отъ успѣшно начатой, справедливой по ихъ мнѣнію войны [1]).

Такимъ образомъ королю не удалось достигнуть усмиренія козаковъ Русскими силами, не смотря на крайнюю уступчивость въ этомъ дѣлѣ Русскаго правительства; приходилось ограничиться собственными средствами, а собрать послѣднія было не легко. Гетманъ великій коронный, Гіеронимъ Любомирскій, не допускалъ и возможности найти достаточное количество войска для усмиренія козаковъ, и старался выйти изъ затруднительнаго положенія околь-

---

[1]) Соловьевъ, Т. XV, стр. 16—17; № CLXXIV, стр. 495; Załuski, T. III, стр. 337, 338, 374 и 375. Первыя русскія вѣдомости, стр. 34 и 38.

нымъ путемъ. 13 Ноября онъ доносилъ сенаторамъ, составлявшимъ совѣтъ королевскій, что онъ пытался унять Самуся путемъ переговоровъ, но что путъ этотъ не надеженъ;—Самусь указываетъ на притѣсненія крестьянъ шляхтичами и на попытку закрѣпостить козаковъ какъ на причины войны; и потому, по мнѣнію Любомирскаго, слѣдовало-бы составить коммисію и поручитъ ей: разсмотрѣть жалобы козаковъ и удовлетворить справедливыя ихъ требованія. Не получая отвѣта отъ сенаторовъ, гетманъ созвалъ въ концѣ ноября военный совѣтъ во Львовъ. На совѣтѣ этомъ, кромѣ Любомирскаго и польнаго гетмана Сенявскаго, присутствовали: русскій воевода, Иванъ Яблоновскій; краковскій воевода, Мартынъ Контскій; кастелянъ виленскій, князь Янушъ Вишневецкій и другіе; послѣ долгихъ разсужденій паны порѣшили: что, такъ какъ войска у Речи Посполитой очень мало и оно не можетъ оставить кампаніи начатой противъ Шведовъ, то необходимо призвать противъ козаковъ иноземную помощь и что за нею слѣдуетъ обратиться къ хану, который навѣрно не откажется прислать часть орды, если его задобрить значительнымъ подаркомъ. Но для подарка нужны были деньги, а такъ какъ послѣднихъ у Речи Посполитой было еще менѣе чѣмъ солдатъ, то паны возложили на гетмана великаго коронпаго обязанность достать ихъ гдѣ бы то ни было и отправить къ хану, сами же брались выхлопотать на сеймѣ признаніе Рѣчью Посполитою этого долга.—Любомирскій передалъ постановленіе военнаго совѣта на усмотрѣніе сенаторовъ, поясняя притомъ, что войска у Речи Посполитой дѣйствительно очень мало, что онъ не получаетъ денегъ для прокормленія и жалованія и для этого количества, и что потому приходиться прибѣгнуть къ татарамъ, какъ къ печальной но необходимой крайности. Эти соображенія гетмана были встрѣчены сенаторами и обществомъ съ по-

дозрительностью. При всеобщемъ тогда отсутствіи или шаткости политическихъ и гражданскихъ убѣжденій въ шляхетскомъ обществѣ, при постоянной готовности переходить, соображаясь съ внушеніями личнаго разсчета, на сторону враговъ, при возраставшей съ каждымъ днемъ силѣ магнатовъ, которые, пользуясь своимъ значеніемъ и богатствомъ, закупали голоса шляхты на сеймахъ и обращали такимъ образомъ въ реторическую фразу, лишенную дѣйствительнаго смысла, пресловутое шляхетское равенство, въ виду безпрестанныхъ интригъ, возникавшихъ вслѣдствіе честолюбія магнатовъ, доводившихъ нерѣдко до междуусобной войны и до призванія въ помощь различными партіями иноплеменниковъ, — подозрительность въ средѣ шляхты была сильно развита; каждый чувствовалъ по себѣ на сколько легко онъ рѣшился бы на государственную измѣну изъ за личнаго интересса и потому, при каждомъ случаѣ, подозрѣвалъ въ измѣнѣ всѣхъ окружающихъ. Первая мысль, при появленіи каждаго новаго бѣдствія, побуждала всякаго шляхтича искать причины его въ интересахъ и проискахъ какой нибудь собственной партіи и приписывать честолюбію какого нибудь магната всякую общественную невзгоду. Неизвѣстно съ какою цѣлью, у Любомирскихъ давно уже существовали дружелюбныя сношенія съ Паліемъ. Самъ Палій нерѣдко похвалялся, можетъ быть съ умысломъ разсчитывая на подозрительность шляхты, что онъ возлагаетъ большія надежды на покровительство и сочувствіе Любомирскихъ [1]). Шляхта кіевская и подольская, досадовавшая на небрежность, съ которою правительство относилось къ тяжелой для дворянъ козацкой войнѣ, подозрѣвала, что причина мнительности правительства лежитъ не столько въ отсутсвіи средствъ

---

[1]) Соловьевъ, Т. XV, стр. 41.

для войны, сколько въ измѣнѣ и покровительствѣ, оказываемомъ козакамъ со стороны великаго короннаго гетмана; многіе сенаторы раздѣляли подозрѣнія шляхты и даже распространяли ихъ на самаго короля. Въ запискахъ, оставленныхъ однимъ изъ сенаторовъ, авторъ положительно утверждаетъ, что «козацкія возстанія Самуся и Палія произошли вслѣдствіе подстрекательства короля и при содѣйствіи рода Любомирскихъ» [1]). Вслѣдствіе такого взгляда, сенаторы, получивши донесенія гетмана, сочли ихъ доказательствомъ измѣны; они отвѣтили ему: «Что они приходятъ въ изумленіе и не могутъ понять, какимъ образомъ успѣли козаки развить безпрепятственно до столь обширныхъ размѣровъ предпріятіе, начатое почти съ ничего; они не желаютъ догадываться источника зла, но глубоко убѣждены, что отправка коммисіи къ козакамъ не приведетъ ни къ какому результату и только подастъ имъ поводъ возобновить дерзкія требованія, заявленные ими еще во время Гадяцкой коммисіи. Сенаторы не согласны также и на призваніе татаръ; эта мѣра нарушитъ договоръ съ Турціею и укажетъ Крымцамъ путь къ возобновленію набѣговъ. Они предписываютъ гетману отозвать хоругви, отправленныя имъ противъ Шведовъ въ Великую Польшу, и направить ихъ въ Украину, обѣщаютъ, что жалованіе будетъ уплачено королемъ; но, прибавляютъ они, хорошо сдѣлаешь ваша милость если откажешься отъ начальства въ походѣ въ пользу польнаго гетмана, Адама Сенявскаго» [2]). Самъ Сенявскій давно набивался на этотъ походъ. Честолюбивый, жадный къ власти и деньгамъ, искустный въ составленіи интригъ, Сенявскій былъ главнымъ распространителемъ слуховъ объ измѣнѣ Любомир-

---

[1]) Записки минскаго воеводы Криштофа Завиши, стр. 363.

[2]) Załuski, T. III, стр. 315, 332; 335 и 336.

скаго; получивъ въ маѣ 1702 года должность польнаго гетмана, онъ чувствовалъ необходимость доказать въ началѣ-же поприща свои военныя способности какимъ нибудь замѣчательнымъ подвигомъ. Онъ считалъ для этой цѣли гораздо болѣе удобнымъ полемъ войну съ нестройными, плохо вооруженными толпами крестьянъ, чѣмъ съ испытанною и побѣдоносною Шведскою арміею. Потому и хлопоталъ о порученіи ему похода на Украину съ частью короннаго войска. Еще до полученія начальства онъ отправился къ границамъ Волыни, старался заявить свою дѣятельность и собрать какія нибудь военныя силы; онъ уговаривалъ пановъ вручить ему надворныя хоругви и хвалился, что успѣетъ усмирить козаковъ весьма скоро. Но такъ какъ войска у него не было, то вся его дѣятельность ограничивалась пока разъѣздами по крѣпостямъ, громкими рѣчами и интригами противъ Любомирскаго, съ цѣлію оттянуть у него часть войска. Въ такомъ положеніи затянулось время до начала декабря [1]). Тогда Сенявскій былъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящемъ походѣ противъ козаковъ. Онъ немедленно издалъ универсалъ, которымъ сзывалъ всѣ, предоставленныя въ его распоряженіе, войска въ свой лагерь подъ Брежаны. Но войско сходилось медленно и количество его оказывалось недостаточнымъ, потому Сенявскій долженъ былъ поджидать цѣлый мѣсяцъ, пока собрался съ силами; кромѣ хоругвей короннаго войска въ помощь Сенявскому отправлены были надворныя хоругви тѣхъ пановъ, имѣнія которыхъ пострадали или были угрожаемы козацкимъ возстаніемъ; воевода кіевскій—Іосифъ Потоцкій, староста Хмѣльницкій — Яковъ Потоцкій, кастелянъ виленскій — князь Янушъ Вишневецкій, прислали болѣе или менѣе значи-

[1]) Załuski, T. III, стр. 279 и 332; Первыя русскія вѣдомости, стр. 19, 38 и 45.

тельные отряды; гетманъ польный литовскій, князь Михаилъ Вишневецкій, отрядилъ въ помощь Сенявскому часть литовскаго войска; дворяне воеводства волынскаго отдали въ его разпоряженіе вооруженную ими милицію и обѣщали, въ случаѣ надобности, содѣйствовать ему поголовнымъ ополченіемъ; наконецъ Любомирскіе, чувствовавшіе необходимость опровергнуть подозрѣнія о сношеніяхъ ихъ съ козаками, приняли горячее участіе въ войнѣ. Гетманъ великій коронный сверхъ обѣщанныхъ хоругвей прислалъ Сенявскому артиллерію коронную подъ начальствомъ генерала Брандта; два другіе члены этого рода: Юрій Доминикъ, подкоморій коронный; и Юрій, обозный коронный, собрали въ Дубнѣ всѣ надворныя хоругви свои и своихъ родственниковъ, набрали наскоро новыя и отправились также въ лагерь Сенявскаго [1]). Наконецъ въ половинѣ генваря 1703 года двинулся въ походъ Сенявскій. Ему предпосланъ былъ королевскій универсалъ къ Самусю, полковникамъ, старшинѣ козацкой и всему товариству, въ которомъ король предлагалъ имъ прекратить военныя дѣйствія, разойтись по домамъ и представить мирнымъ путемъ на королевское усмотреніе свои обиды и домагательства [2]).

Проникнувши въ Подолье, Сенявскій увидѣлъ, что паническій страхъ шляхты слишкомъ преувеличилъ силу козацкаго возстанія. Число всѣхъ козаковъ не превышало 12,000 человѣкъ и тѣ были разсѣяны мѣлкими отрядами по всей Подоліи и Брацлавщинѣ; правда, крестьяне повсемѣстно избили или прогнали пановъ и евреевъ, но они не были слишкомъ многочисленны и не представляли вовсе

---

[1]) Załuski, T. III, стр: 440, 452, 512 и 515; Первыя русскія вѣдомости, стр. 21 и 45; Otwinowski, стр. 42; также см. №№: CLXXVI, стр. 499; CLXXXIV, стр. 513 и CLXXXVIII, стр. 524.

[2]) Załuski, T. III, стр. 375.

вооруженной силы. Области эти только что стали заселяться послѣ 1699 года и крестьянское народонаселеніе было въ нихъ весьма жидко; притомъ крестьяне, избавившись отъ пановъ, возвратились по большей части на зиму по домамъ, считали дѣло поконченнымъ и не помышляли о необходимости отражать новое польское нашествіе. Ктому между предводителями отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ и полковъ не было никакой общности дѣйствій: они другъ съ другомъ не сносились, каждый дѣйствовалъ на свою руку самостоятельно, легкость одержанной побѣды сдѣлала ихъ беспечными; они разошлись на зимнее время по селамъ на квартиры и помышляли о возобновленіи военныхъ дѣйствій только весною. Появленіе польскаго войска застало козаковъ въ расплохъ. Сенявскому предстояло вмѣсто военной кампаніи, совершить церемоніяльное шествіе, едва прерываемое нѣсколькими ничтожными стычками. Слабые отряды козаковъ, попавшіеся на пути польскому войску подъ Константиновомъ, Межибожемъ, Винницею, были разсѣяны безъ труда. Самусь пытался отстоять Немировъ, но силы его были слишкомъ ничтожны—онъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Богуславъ; козаки, оставшіеся въ Немировѣ, очистили крѣпость и удалились въ Брацлавъ. Поляки преслѣдовали ихъ, но козаки очистили и этотъ городъ, отступили поспѣшно къ Ладыжину, бросивъ даже на дорогѣ пушки, увезенныя ими изъ Немирова. Іосифъ Потоцкій и Янушъ Вишневецкій со всею конницею преслѣдовали за ними до Ладыжина; здѣсь только встрѣтили поляки серьезное сопротивленіе. Въ Ладыжинѣ заперся полковникъ Абазинъ и, вмѣстѣ съ отрядомъ, пришедшимъ изъ Немирова, успѣлъ собрать до 2,000 людей; онъ вышелъ на встрѣчу полякамъ. Завязалась сильная сѣча, но поляки были значительно многочисленнѣе; Абазинъ былъ окруженъ и, послѣ отчаянной защиты, потерявъ почти $^3/_4$ своего

отряда, онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Поляки сожгли Ладыжинъ и перерѣзали жителей. Между тѣмъ Сенявскій отправился съ пѣхотою въ Шарогродъ и, остановившись лагеремъ, разсылалъ во всѣ стороны команды для истребленія разсѣянныхъ козацкихъ и крестьянскихъ отрядовъ. Между тѣмъ козацкіе предводители и крестьянскія ополченія дѣйствовали каждый за себя и искали спасенія разными путями: полковникъ Шпакъ отодвинулся къ Каменцу и вошелъ заблаговременно въ сношенія съ комендантомъ этой крѣпости; въ письмѣ къ нему онъ утверждалъ, что онъ желаетъ остаться вѣрнымъ королю и Речи Посполитой и что въ столкновеніе со шляхтою онъ пришелъ случайно, вслѣдствіе необходимости заступиться за крестьянъ, слишкомъ сильно угнетаемыхъ панами въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ; онъ былъ оставленъ поляками въ покоѣ и удалился съ своимъ полкомъ за Днѣстръ. Полковникъ Дубина, тѣснимый подкоморіемъ коронномъ, Любомирскимъ, отступилъ также къ Днѣстру, переправился черезъ эту рѣку у Рашкова и ушелъ въ Молдавію; примѣру его послѣдовали многіе другіе мѣлкіе отряды и цѣлыя толпы поднѣстрянскихъ крестьянъ, къ которымъ возвратились теперь паны и стали производить разслѣдованіе о участіи ихъ въ востаніи; такимъ образомъ, по совѣту полковника Скорича, перешли за Днѣстръ жители цѣлыхъ городовъ и волостей: Калюса, Ушицы, Могилева, Лоевецъ, Козлова, Лятавы, Ласковецъ, Ярышева, Жванца и другихъ; многимъ отрядамъ удалось перебраться къ Палію въ Украину, иные окапывались въ лѣсахъ и на островахъ рѣки Буга и дорого продавали жизнь полякамъ [1]).

---

[1]) Первыя русскія вѣдомости стр: 23, 65, 78, 80, 83, 92 и 109—110; Załuski, Т III, стр. 416. См. также №№: CLXXXVI, стр. 521, CXCVI, стр. 536 и CCVI, стр. 561.

Между тѣмъ Сенявскій и другіе предводители польскіе начали судъ и расправу надъ побѣжденными: Абазинъ былъ посаженъ на колъ; всѣ козаки, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были казнены смертью; ихъ сажали на колъ, вѣшали, сбрасывали съ высоты на острые крюки и т. д. Жители всѣхъ городовъ и селъ, оказавшихъ сопротивленіе полякамъ, были перерѣзаны поголовно. По предложенію Іосифа Потоцкаго, воеводы кіевскаго, всѣмъ крестьянамъ, заподозрѣннымъ въ участіи въ возстаніи, и ихъ семействамъ приказано было отрѣзывать лѣвое ухо; «заклеймили ихъ такимъ образомъ болѣе 70.000» говоритъ полякъ современникъ, вѣроятно сильно преувеличивая цыфру, чтобы придать болѣе значенія одержанной побѣдѣ.—Наконецъ окончательное разслѣдованіе о личномъ участіи крестьянъ въ возстаніи и наказаніе виновныхъ поручено было подольской шляхтѣ, которая сразу усердно принялась за дѣло; шляхтичи захватывали въ своихъ селахъ тѣ личности, которыя имъ казались подозрительными, сажали ихъ въ тюрму, изтязали, казнили смертью или стрѣляли въ нихъ при встрѣчѣ. Гродскіе суды приговаривали собща къ смерти или къ бесчестію цѣлыя села; наконецъ, на сеймикѣ подольскаго воеводства, 27 марта, постановлены были общія мѣры наказанія крестьянъ: всѣ прежнія слободы сокращены были до одного года и, по истеченіи его, крестьяне обязаны были исполнять барщину; притомъ въ наказаніе за участіе въ возстаніи постановлено было конфисковать весь скотъ у крестьянъ на пространствѣ цѣлаго воеводства [1]). Но месть шляхты вскорѣ нашла естественныя границы въ личномъ интересѣ: — «паны не хотѣли опустошать собственныя села»

---

[1]) Otwinowski, стр. 42; Первыя русскія вѣдомости, стр. 83; Załuski, T. III, стр. 455. Pikulski—Sukcess, albo historja uniwersalna, стр. 765. Соловьевъ, T. XV, стр. 22. Также см. №№: CXCII, стр. 531; CCIII, стр. 557; CCIX, стр. 570 и CCXVI, стр. 585.

говоритъ Отвиновскій, чтобы не лишиться рабочихъ силъ; и потому многіе шляхтичи старались уже въ самомъ разгарѣ репрессалій выгородить своихъ крестьянъ отъ отвѣтственности. Нѣкоторые изъ нихъ стали судебнымъ порядкомъ оправдывать своихъ крестьянъ, сваливая всю вину на крестьянъ сосѣднихъ имѣній; по словамъ каждаго изъ нихъ только ихъ крестьяне одни не участвовали въ возстаніи, напротивъ того противудѣйствовали ему, помагали усмирять и разслѣдовать участниковъ движенія; другіе брали своихъ крестьянъ на поруки и даже, въ случаѣ ареста ихъ сосѣдями, насильно ихъ освобождали; третіе, наконецъ, не смотря на постановленіе сеймика, открывали въ своихъ селахъ продолжительные сроки слободъ и, также вопреки постановленію сеймика, дозволяли въ нихъ селиться крестьянамъ обвиненнымъ въ участіи въ возстаніи. Такимъ образомъ личный интересъ шляхты бралъ перевѣсъ надъ сословнымъ настолько, насколько сословный пересиливалъ въ тогдашней шляхетской средѣ общественное благо; и на этотъ разъ личный интересъ согласенъ былъ съ чувствомъ гуманности—[1]). Но совершенно иныя чувства высказывала шляхта по отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые бѣжали изъ селъ и на которыхъ рабочія силы не могли разсчитывать владѣльцы: о поимкѣ ихъ и казни, а еще болѣе о водвореніи бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства шляхта хлопотала безотступно. Такъ, вслѣдствіе перехода значительнаго числа народонаселенія въ Молдавію, подольская шляхта открываетъ цѣлый рядъ сношеній съ господаремъ Молдавскимъ, Константиномъ Дукою. По ея прозбѣ коронный гетманъ, Любомирскій, немедленно послѣ усмиренія возстанія, отправилъ къ господарю письмо, въ которомъ, напоминая

---

[1]) См. №№: CXCIII, стр. 532; CXCVII, стр. 538; CXCVIII, стр. 539; CCVII, стр. 566; CCXI, стр. 574; CCXXXVI, стр. 631 и CCXLVI, стр. 652.

ему данное обѣщаніе—не принимать бунтовщиковъ подъ свое покровительство, просилъ выдавать бѣглыхъ крестьянъ и козаковъ по требованію подольской шляхты, для произведенія надъ ними суда и для примѣрнаго ихъ наказанія.—Вслѣдъ затѣмъ сеймикъ воеводства подольскаго отправилъ къ господарю пословъ съ такимъ-же требованіемъ; дворяне составили при этомъ поименный списокъ начальниковъ козацкихъ и тѣхъ мѣстностей подольскихъ, изъ которыхъ крестьяне бѣжали за Днѣстръ, указывали мѣста пребыванія въ Молдавіи бѣглецовъ и просили господаря выдать всѣхъ въ спискѣ поименованныхъ и впредъ не принимать въ Молдавію перебѣжчиковъ изъ Подоліи. Дука отвѣтилъ сеймику, что онъ готовъ удовлетворить требованіямъ шляхты, но при соблюденіи извѣстныхъ условій: что онъ прикажетъ выдать перебѣжчиковъ только въ такомъ случаѣ, если польское правительство выдастъ ему всѣхъ Молдаванъ, скрывающихся въ Речи Посполитой; что онъ распорядится о томъ, чтобы не допускать селиться въ Молдавіи подольскимъ крестьянамъ только тогда, когда поляки перестанутъ вербовать Молдаванъ въ свое войско и заманивать ихъ въ Подолье на слободы. До исполненія же этихъ условій господарь обѣщалъ судить у себя всѣхъ перебѣжчиковъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, если шляхетскіе депутаты докажутъ справедливость своихъ обвиненій передъ его судомъ. Немедленно послѣ полученія этого отвѣта дворяне подольскіе отправили депутацію къ господарю; въ инструкціи депутатамъ поручено было представить Дукѣ, что въ числѣ людей, бѣжавшихъ въ предѣлы Молдавіи, находится гораздо болѣе невинныхъ, чѣмъ виновныхъ и что шляхта настаиваетъ гораздо болѣе на возвратъ первыхъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, чѣмъ на казнь вторыхъ. Вѣроятно и это посольство не привело къ желанной цѣли, потому что долго еще встрѣчаемъ примѣры бѣг-

ства крестьянъ подольскихъ за Днѣстръ и нападеній, производимыхъ ими оттуда на прежнихъ своихъ владѣльцевъ [1]).

Усмиреніе крестьянскаго возстанія въ Подольи и Брацлавщинѣ не составляло еще далеко окончанія козацкой войны. Самусь и Искра еще держались въ южной Украинѣ; Палій занималъ Бѣлоцерковщину и кіевское Полѣсіе до рѣки Уши и не только не помышлялъ о сдачѣ, но, напротивъ того, сильно укрѣплялъ Бѣлую Церковь. «У Палія ежедневно 500 людей работаетъ въ Бѣлой Церкви надъ укрѣпленіемъ фортификаціи, писалъ Потоцкимъ ихъ корреспондентъ,—онъ наполнилъ водою рвы не только около замка, но и около посада; онъ отличается предъусмотрительностью и хотя гультай, хлопъ и пьяница—онъ разторопенъ и имѣетъ надежду отстоять городъ [2])». Сенявскій понималъ, что рѣшительное пораженіе козаковъ послѣдуетъ только тогда, когда взята будетъ Бѣлая Церковь и изгнанъ Палій, но онъ не желалъ предпринимать этого подвига—ему бы пришлось имѣть дѣло съ опытнымъ вождемъ, хорошо приготовившимся къ защитѣ и обладающимъ довольно благоустроеннымъ войскомъ и сильною крѣпостью. Между тѣмъ легкими подвигами, совершенными имъ надъ беспечнымъ Самусемъ и надъ безоружными почти и захваченными въ расплохъ подольскими крестьянами—онъ достигъ своей цѣли, прославленъ былъ шляхтичами какъ побѣдитель «козацкой гидры» и укротитель «безбожнаго хлопскаго своеволія». Сенявскій не хотѣлъ компромитировать своего успѣха походомъ, исходъ котораго казался ему сомнительнымъ. Потому онъ доносилъ королю: «что въ Украинѣ все смирно и тихо; что шляхтѣ доставлена

---

[1]) См. №№: СС, стр. 550; CCIV, стр. 558; CCVIII, стр. 567; CCIX, стр. 570 и CCLII, стр. 668.

[2]) См. № CCXVIII, стр. 595.

полная безопасность, потому что козаки такъ сильно наказаны, что вредъ головы столь высоко поднять не могутъ, какъ прежде; что польское желѣзо подавило пожаръ бунта столь успѣшно, что и слѣдовъ отъ него не осталось [1])». Не обращая вниманія на представленія шляхты подольской и кіевской, просившихъ: первая объ оставленіи части войска въ воеводствѣ, для безопасности отъ новаго вторженія козаковъ; вторая—о военной помощи для возвращенія своихъ имѣній, такъ какъ кіевскіе шляхтичи изгнаны козаками на Волынь и не могутъ даже проникнуть въ свое воеводство [2]), Сенявскій объявилъ дѣло съ козаками совершенно поконченнымъ и, подъ предлогомъ что для Речи Посполитой нужнѣе войско въ войнѣ со Шведами чѣмъ возвратъ Бѣлой Церкви, онъ оставилъ Подолье и отправился съ войскомъ во Львовъ, а оттуда въ глубь Польши [3]). До ухода своего, желая успокоить подольскую шляхту и принаравливаясь къ ея интересамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая документально доказать полное усмиреніе козацкаго возстанія, онъ издалъ 24 февраля амнистію для принимавшихъ участіе въ возстаніи крестьянъ. Въ амнистіи этой сказано было: «козаки усмирены оружіемъ, а виновники и предводители понесли уже должное наказаніе; многіе-же изъ оставшихся въ живыхъ, были захвачены мятежемъ противъ воли и послѣдовали вначалѣ неохотно за возмутителями, теперь-же искренно раскаиваются въ бѣдствіяхъ, причиненныхъ ими отчеству, безоружные блуждаютъ по лѣсамъ и воздыхаютъ о воз-

---

[1]) Первыя русскія вѣдомости, стр. 127 и 139. Załuski, T. III, стр 490.

[2]) См. №№: CXCVI, стр. 537 и CCII, стр. 553.

[3]) Первыя русскія вѣдомости, стр. 93.—Впрочемъ Сенявскій избѣгалъ тщательно столкновеній со Шведами и вошелъ даже въ тайныя сношенія съ Карломъ XII; впослѣдствіи онъ старался перебить престолъ у Лещинскаго и опустошалъ долгое время воеводства, не поддерживавшія его притязаній на корону. (Bartoszewicz—Galerja Hetmanów—Adam Sieniawski).

вратѣ въ прежнія жилища... Речь Посполитая, желая положить конецъ ихъ бѣдствіямъ, различая невиннаго отъ виновнаго и стараясь предъотвратить совершенное истребленіе народа и полное запустеніе селъ, которое обратилось-бы ко вреду ихъ-же владѣльцевъ, обѣщаетъ прощеніе и полное забвеніе преступленій всѣмъ тѣмъ, которые возвратятся къ своимъ господамъ» [1]). Наконецъ, 18 марта Сѣнявскій издалъ универсалъ къ отрядамъ войска, оставляемымъ имъ въ Подольи, въ которомъ, объявляя о своемъ уходѣ, предписывалъ жолнерамъ прекратить преслѣдованіе крестьянъ и грабежи селъ, производимые подъ предлогомъ усмиренія козацкаго возстанія, такъ какъ возстаніе это окончательно уже усмирено и наказано [2]).

Послѣ ухода польскаго войска, весь 1703 и половина 1704 года прошла въ спокойствіи. Козацкіе полковники прекратили наступательное движеніе на Поляковъ и ограничились устройствомъ и укрѣпленіемъ областей, бывшихъ уже у нихъ въ рукахъ. Какъ Палій въ Бѣлой Церкви, такъ Самусь въ Богуславѣ и Искра въ Корсунѣ укрѣпляли свои города, расширяли поселенія. Очевидно они не отказывались отъ разъ предвзятаго намѣренія, только собирались съ новыми силами [3]). Но между тѣмъ какъ Самусь и Искра, потерпѣвшіе недавно пораженіе, дѣйствуютъ несамоувѣренно, отказываются отъ всякой инициятивы и безпрестанно осаждаютъ Мазепу, то просьбами о принятіи ихъ подъ свой рейментъ, то домагательствомъ жалованія для своихъ полковъ, Палій, значительно усилившійся взятіемъ Бѣлой Церкви, окончательнымъ захватомъ кіевскаго Полѣсья и признаніемъ своей власти въ части Брацлав-

---

[1]) Załuski, T. III, стр. 415—417.
[2]) См. № CCVI, стр. 364.
[3]) Соловьевъ, Т. XV, стр. 39.

щины и въ днѣстровомъ Побережьи, сознаетъ, что время соединенія съ Россіею еще не пришло, что, напротивъ того, тѣсный союзъ Россіи съ Польшею противъ Шведовъ составляетъ самый неудобный моментъ для предложеній подобнаго рода, и потому онъ ихъ не возобновляетъ, а старается всякія предложенія объ изъявленіи имъ покорности королю, какъ со стороны Польши, такъ и со стороны Россіи, отклонить подъ всевозможными предлогами и затянуть время, не выпуская изъ рукъ того, что разъ уже отнято было отъ Поляковъ. Въ кіевскомъ Полѣсьи онъ продолжалъ распоряжаться въ шляхетскихъ имѣніяхъ и не допускалъ возвращаться въ нихъ владѣльцамъ; шляхтичи воеводства кіевскаго, потерявъ всякую надежду на помощь гетмановъ, должны были смириться передъ Паліемъ. Въ іюлѣ 1703 года они отправили къ нему депутацію и просили позволенія «безопасно возвратиться въ свои имѣнія и собираться на публичные съѣзды для совѣтовъ объ общественныхъ дѣлахъ, на которыхъ обязываемся не предпринимать ничего враждебнаго для пана полковника» [1]. Въ Подоліи онъ примѣнилъ способъ дѣйствія, испытанный имъ нѣкогда въ Полѣсьи; онъ, не производя общаго нападенія, пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы водворить свою власть въ той или въ другой мѣстности по Бугу и Днѣстру; сами крестьяне, послѣ ухода польскаго войска, не рѣдко признавали надъ собою власть Палія и изгоняли польскія хоругви, оставленныя разными панами для охраны ихъ имѣній. Такъ въ Стрижавкѣ жители, по совѣту священника, ударили въ набатъ, напали на жолнеровъ и выпроводили ихъ изъ мѣстечка, отнявъ у нихъ лошадей и оружіе. Изъ Ягорлицкаго староства жолнеры должны были бѣжать, преслѣдуемые мѣстными жителями

---

[1]) См. № CCXVII, стр. 588.

на разстояніи 7 миль. Въ Хмѣльницкомъ староствѣ крестьяне не давали свободнаго прохода хоругвямъ, били жолнеровъ и грабили ихъ обозы. Въ Ладыжинѣ жители призвали на помощь изъ Умани 200 Паліевыхъ козаковъ и прогнали расположившіяся на зиму хоругви [1]). Укрѣпляя такимъ образомъ медленно но постоянно свои силы, Палій въ тоже время старался создать, по мѣрѣ возможности, многочисленное и стройное войско. Къ нему являлись значительные отряды запорожцевъ, зазываемые подъ предлогомъ походовъ на Татаръ [2]); самая голудьба принимала стройный видъ и превращалась въ правильные козацкіе полки. Тотъ-же священникъ Лукьяновъ, на котораго «Паліивщина» полунагая, оборванная и бездомная произвела было столь невыгодное впечатленіе, проѣзжая на обратномъ пути, по истеченіи почти двухъ лѣтъ, восхищается многочисленностью, военною ловкостью, богатствомъ убранства и вооруженія Паліевыхъ козаковъ и расказываетъ, какъ одно изъ пріятныхъ воспоминаній, о гостепріимномъ пріемѣ, оказанномъ въ Паволочи проѣзжимъ московскимъ купцамъ въ отсутствіи Палія его женою [3]).

Между тѣмъ Поляки, не находя возможности вытѣснить оружіемъ Палія, по прежнему возобновили, только съ большею силою, натискъ на него посредствомъ дипломатическихъ сношеній съ Россіею. Польское правительство опять обратилось къ Царю и гетману Мазепѣ съ обычными представленіями о невозможности вести успѣшно войну противъ Шведовъ вслѣдствіе безпокойства причиняемаго козаками и съ просьбою усмирить ихъ возстаніе. Петръ I отвѣчалъ письмомъ отъ 25 февраля 1703 г. ко-

---

[1]) См. №№: CCXXVI, стр. 612; CCXXVIII, стр. 615; CCXXX, стр. 619; CCXXXI; стр. 622 и CCXXXIV, стр. 627.

[2]) Первыя русскія вѣдомости, стр. 184.

[3]) Лукьяновъ, путешествіе въ св. землю, стр. 103.

ролю Августу; онъ объяснялъ, что подвластные ему козаки къ возстанію не причастны, что онъ приказалъ запретить имъ подъ страхомъ смертной казни отправляться на правый берегъ Днѣпра; что Палій и Самусь—подданные короля и царь не имѣетъ права посылать имъ распоряженій, что тѣмъ не менѣе онъ посылалъ имъ и посылаетъ еще увѣщательныя грамоты съ совѣтомъ прекратить непріятельскія отношенія къ Речи Посполитой. (Дѣйствительно того-же числа отправлены были Самусю и Палію новыя царскія увѣщательныя грамоты) [1]. Въ тоже время Мазепа, въ свою очередь побуждаемый какъ царскими приказаніями, такъ и отношеніями польскихъ властей, долженъ былъ отписываться на всѣ стороны и предпринимать сношенія съ Паліемъ съ цѣлью подчинить его полякамъ—задача и невозможная и нежелательная по мнѣнію самаго Мазепы. Такъ 20 февраля онъ отвѣчалъ на пространную ноту, присланную ему польскими гетманами. Онъ увѣрялъ ихъ, что возстаніе произошло помимо вѣдома и воли какъ Царя, такъ и его, Мазепы; что если Самусь и Палій и приняли титулъ полковниковъ войска Его Царскаго Величества, то они сдѣлали это самовольно, не испросивъ на это ничьего согласія; что Царь приказывалъ имъ уже нѣсколько разъ смириться и что добился отъ нихъ обѣщанія не возобновлять нападенія на Волынь и на Подолье; что Мазепа устрашаетъ безпрестанно обоихъ полковниковъ царскимъ гнѣвомъ, но не въ силахъ-же онъ принудить Палія къ сдачѣ Бѣлой Церкви; что, наконецъ, онъ находитъ неудобнымъ арестовать, по желанію польскихъ гетмановъ, имущество Палія, находящееся въ Кіевѣ [2]) Между

---

[1]) Załuski. Т. III, стр. 422 и 436. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ универс. 1859 г., кн. 1. отдѣлъ 2, стр. 39 и 40.

[2]) Załuski, Т. III, стр. 400.

тѣмъ въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ Мазепа высказывался нѣсколько яснѣе; въ виду шаткаго положенія Палія, стремящагося къ Россіи и отталкиваемаго ея правительствомъ, онъ считалъ возможнымъ воспользоваться временемъ для приведенія въ исполненіе своихъ цѣлей; зная и положеніе дѣлъ и стойкость Палія, онъ чувствовалъ, что ни Палій не захочетъ никогда добровольно покориться Полякамъ, ни у Поляковъ не будетъ, по крайней мѣрѣ долго еще, достаточныхъ силъ для того, чтобы его сломить; по призыву обѣихъ сторонъ русское правительство, раньше или позже, должно будетъ порѣшить дѣло вмѣшательствомъ, отъ котораго оно до сихъ поръ воздерживалось, опасаясь съ одной стороны нарушить необходимый для шведской войны союзъ съ Поляками, съ другой стороны—рѣзкимъ поступкомъ оттолкнуть отъ себя симпатію южно-русскаго народа и собственными руками предать Польшѣ край, естественно стремившійся къ соединенію съ восточною половиною Малороссіи и возлагавшій всѣ свои надежды на Русскую помощь. Но вмѣшательство русскаго правительства было неизбѣжно: обѣ стороны призывали его и оставаться долго въ двусмысленномъ положеніи было невозможно. Русское правительство могло, отважившись наконецъ сдѣлать рѣшительный шагъ, выбрать одно изъ двухъ: или принять Палія подъ свое покровительство, или изгнать его въ угоду Полякамъ; въ первомъ случаѣ Палій поступилъ-бы подъ рейментъ Мазепы, но Мазепа этого не желалъ. Палій пользовался популярностью не только на правой сторонѣ Днѣпра, онъ былъ представителемъ и на лѣвой сторонѣ недовольной Мазепою «войсковой и посполитой черни» и могъ составить непреодолимое препятствіе для гетмана въ преслѣдованіи его общественнаго, шляхетскаго направленія. Мазепа нашелъ-бы въ новомъ подчиненномъ противника, ко-

торый могъ сосредоточить около себя недовольную массу и разрушить всѣ аристократическія затѣи гетмана, можетъ быть свергнуть его по приговору «черной рады».— Мазепа съ другой стороны не желалъ подчиненія Польшѣ западной Украины посредствомъ Русскаго оружія; въ такомъ случаѣ, наслѣдованный имъ отъ Самойловича титулъ «гетмана обоихъ береговъ Днѣпра» никогда бы не могъ осуществиться на дѣлѣ. Потому лучшимъ исходомъ, по его мнѣнію, былъ такой образъ дѣйствія, посредствомъ котораго можно-бы было возбудить въ русскомъ правительствѣ недовѣріе къ Палію и овладѣть его територіею подъ видомъ вмѣшательства въ дѣло по просьбѣ Поляковъ; Полякамъ же можно было не отдавать земли отнятой у Палія и привести ихъ мало по малу къ формальной уступкѣ ея Россіи.—Уже сначала 1703 года Мазепа начинаетъ подготовлять этотъ исходъ. Въ сношеніяхъ съ правительствомъ онъ безпрестанно обращаетъ его вниманіе на невозможность заставить козаковъ и народъ западной Украины подчиниться Полякамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается постоянно заподозрить поведеніе и чистоту намѣреній Палія, представить его личность единственною помѣхою въ удовлетвореніи требованій Поляковъ и вселить мысль о необходимости поручить Мазепѣ исполненіе вмѣшательства Россіи. Такъ весною 1703 года гетманъ доносилъ Головину, что невозможно думать о подчинененіи Украины Польшѣ, такъ какъ народъ сильно раздраженъ казнями, которыя Поляки производили въ Подоліи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что Палій, недовольный отказами русскаго правительства, грозитъ подчиниться Полякамъ и что исполненіе этого намѣренія было-бы крайне опасно, по поводу вліянія примѣра Палія на гетманщину. Лѣтомъ того-же года Мазепа опять соообщалъ Головину, что Самусь и Искра не могутъ подчиниться Полякамъ, но настойчиво просятъ

Мазепу принять ихъ подъ свой рейментъ; Палій же сталъ къ нему относиться съ недовѣріемъ; онъ ссорится съ Самусемъ и продолжаетъ грозить сдачею Полякамъ, въ случаѣ чего примѣръ его повлечетъ за собою и Запорожцевъ. Между тѣмъ, пока, онъ отказывается сдать Бѣлую Церковь; не найдутъ-ли полезнымъ въ Москвѣ принять предложеніе Мазепы, состоящее въ томъ, чтобы вызвать Палія для свиданія въ Кіевъ, задержать его тамъ, овладѣть Бѣлою Церковью, а потомъ объявить Полякамъ, что эта крѣпость можетъ быть имъ возвращена только впослѣдствіи, послѣ окончанія Шведской войны? [1]) Въ тоже время Мазепа предлагалъ и польскому правительству, не поручитъ-ли оно ему отнять у Палія Бѣлую Церковь, которую иначе онъ имъ не возвратитъ ни подъ какимъ видомъ? [2])

Между тѣмъ Палія, съ самаго начала 1703 года, также осаждали со всѣхъ сторонъ требованія сдать Бѣлую Церковь Полякамъ; отговариваться ему иногда приходилось довольно трудно. На всѣ требованія Россіи и на вопросы Мазепы онъ отвѣчалъ уклончиво, требовалъ времени, для того чтобы обдумать, или объявлялъ, что можетъ быть, если онъ окончательно усумнится въ возможности поступить въ подданство Россіи, то совершенно подчинится Полякамъ; и, въ такомъ случаѣ, считаетъ лишнимъ отдавать имъ впередъ крѣпость. На требованія Поляковъ онъ отвѣчалъ также условно: то успакаивалъ гетмановъ дружелюбными письмами, то объявлялъ имъ, что онъ сдалъ уже Бѣлую Церковь Мазепѣ и присягнулъ царю и безъ ихъ вѣдома не можетъ отдать крѣпости, то, объявлялъ прямо, что онъ не отдастъ ее ни подъ какимъ видомъ и что они предпринимаютъ напрасный трудъ, заводя рѣчь объ этомъ

---

[1]) Соловьевъ, Т. XV, стр 21—22 и 38—39,

[2]) Перв. русск. вѣдом; стр. 110.

предметѣ; то требовалъ онъ, чтобы ему предъявили совмѣстный указъ отъ обоихъ монарховъ, то, наконецъ, представлялъ, что онъ занялъ крѣпость изъ ревности о благѣ Речи Посполитой; такъ какъ при неудачномъ ходѣ войны на нее легко могли-бы покуситься Шведы [1]. — Труднѣе всего было объясняться Палію тогда, когда приходилось ему трактовать съ такимъ лицемъ, которое могло представить полномочіе совмѣстно отъ Россіи и отъ Польши; такимъ лицемъ между прочимъ явился въ началѣ 1703 года извѣстный Паткуль; проѣзжая чрезъ Подолье и Кіевъ на обратномъ пути изъ Вѣны, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ посланника Петра I, Паткуль столкнулся на дорогѣ съ Сенявскимъ, усмирявшимъ въ то время Подольскихъ крестьянъ; послѣдній сталъ представлять ему, что Поляки до того встревожены козацкимъ возстаніемъ, что не могутъ вести успѣшно войны со Шведами, и просилъ его, въ качествѣ довѣреннаго лица русскаго царя, уговорить Палія къ сдачѣ. Паткуль горячо вызвался исполнить порученіе польскаго гетмана, хвалился, что онъ скоро принудитъ Палія къ уступчивости, взялъ отъ Сенявскаго письменную довѣренность для веденія переговоровъ и въ сопровожденіи польскаго конвоя поѣхалъ въ Бѣлую Церковь. Сенявскій просилъ его между прочимъ разъвѣдать силы Палія и извѣстить его, на сколько удобно могъ-бы онъ покуситься взять Бѣлую Церковь приступомъ. Между тѣмъ на дѣлѣ дипломатическіе утонченные приемы Паткуля оказались безсильными предъ врожденною хитростью и изворотливостью стараго козацкаго полковника. Вотъ какъ описывалъ самъ Паткуль весь ходъ переговоровъ: Пріѣхавъ въ Бѣлую Церковь онъ предъявилъ Палію королевскій универсалъ и полномочіе Сенявскаго и объявилъ, что онъ отъ имени

[1] Załuski, т. III, стр. 417 и 436. Перв. русск., вѣдом., стр. 92.

царя и короля требуетъ отъ него немедленной сдачи Бѣлой Церкви Полякамъ. Палій понялъ сей часъ-же, что Паткуль при случаѣ только взялся исполнить порученіе Поляковъ, но что онъ не имѣетъ царской грамоты для переговоровъ съ нимъ и отвѣтилъ, что онъ готовъ сдать крѣпость, если ему будетъ предъявлено на то письменное приказаніе отъ царя и отъ Мазепы. «Въ царскомъ желаніи ты не долженъ сомнѣваться, сказалъ Паткуль, Бѣлая Церковь уступлена Полякамъ еще по договору 1686 года, притомъ съ того времени царь заключилъ тѣснѣйшій союзъ съ королемъ противъ Шведовъ, такъ, что нарушать договоръ онъ и не можетъ желать; ты же мѣшаешь успѣшному веденію войны, отвлекаешь польскія войска и упрямствомъ своимъ навлекаешь на себя гнѣвъ царя.»—«Напротивъ, отвѣчалъ Палій, я содѣйствую Шведской войнѣ,—занялъ я Бѣлую Церковь именно изъ опасенія, чтобы она не досталась общимъ врагамъ—Шведамъ, потому что Поляки не имѣютъ достаточныхъ силъ и не умѣютъ защищать своихъ крѣпостей; въ моихъ-же рукахъ она безопасна.»—«Если ты взялъ крѣпость только на сохраненіе, сказалъ Паткуль, то долженъ ее возвратить при первомъ требованіи владѣльца. Именемъ царскимъ прикрываешся не по правдѣ; тебѣ хорошо извѣстно, что царь удерживается отъ вооруженнаго противъ тебя вмѣшательства, потому только, что не желаетъ брать на себя разбирательства внутреннихъ дѣлъ Речи Посполитой изъ уваженія къ королю; но если ты послушаніемъ не постараешься сейчасъ-же снискать милости короля и Речи Посполитой, то царь, по ихъ просьбѣ, долженъ будетъ, въ силу трактатовъ, подать имъ помощь и выдать тебя на казнь какъ бунтовщика.» Палій, не смотря на эти доказательства, стоялъ на своемъ, требовалъ письменнаго царскаго приказа. Видя его неуступчивость, Паткуль предложилъ ему заключить съ Поляками

по крайней мѣрѣ перемиріе до окончанія шведской войны; Палій сначала подалъ видъ, какъ будто онъ согласенъ, но потомъ, посмотрѣвъ на условія, предложенныя Паткулемъ, онъ объявилъ, что не можетъ о нихъ и рѣчи заводить, не посовѣтовававшись съ Мазепою; Паткуль вспылилъ, сталъ кричать, что Палій бунтовщикъ, недостойный королевской милости, что съ нимъ и не стоитъ вести переговоровъ, такъ какъ ему чуждъ страхъ божій; что царю онъ будетъ жаловаться и просить, чтобы онъ обратилъ всѣ силы на Палія. Тѣмъ и кончился разговоръ. Паткуль съ досадою передавалъ его въ письмѣ къ Сенявскому, утверждая, что онъ, гнушаясь измѣнниками, не хочетъ больше имѣтъ съ Паліемъ никакихъ сношеній; что притомъ послѣдній—человѣкъ бездарный, неумѣющій даже мыслить, днемъ и ночью пьяный, повинуется вѣроятно чьимъ-то посторроннимъ, враждебнымъ для короля внушеніямъ.—Впрочемъ онъ извѣщаетъ Сенявскаго, что войска у Палія много и потому онъ не совѣтуетъ польному гетману предпринимать похода на Бѣлую Церковь, чтобы не рисковать слабыхъ силъ Речи Посполитой въ борьбѣ съ врагомъ многочисленнымъ и отчаяннымъ; что, по его мнѣнію, лучше уладить дѣло такъ, чтобы крестьянъ успокоить амнистьею, а Палія предоставить царскому гнѣву, который Паткуль брался возбудить. Мы уже видѣли, что Сенявскій исполнилъ въ точности совѣтъ Паткуля; между тѣмъ послѣдній, просидѣвъ нѣсколько дней въ Бѣлой Церкви, оказался вполнѣ обвороженнымъ Паліемъ, и, можетъ быть не совсѣмъ безкорыстно, совершенно перемѣнилъ о немъ мнѣніе; въ слѣдующемъ письмѣ къ Сенявскому-же Паткуль ударился въ противуположную крайность; онъ увѣрялъ, что Палій—вѣрнѣйшій изъ подданныхъ короля, что онъ занялъ Бѣлую Церковь только вслѣдствіе настойчивой просьбы комменданта, что недоразумѣнія произошли только потому, что

Поляки относились безъ вниманія и довѣрія къ представленіямъ Палія, съ которымъ слѣдовало-бы обращаться почтительно и милостиво. «Клянусь, писалъ Паткуль, это единственный человѣкъ, который въ это время могъ-бы еще оживить упадшія силы Речи Посполитой [1])».

Не смотря однако на такую изворотливость, которою ему удалось провести самаго Паткуля, считавшагося умнымъ и ловкимъ дипломатомъ по мнѣнію современниковъ, Палій не былъ въ состояніи побороть обстоятельствъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ. Силы, собранныя имъ, были слишкомъ ничтожны для того, чтобы дѣйствія его могли имѣть сколько нибудь независимый характеръ; враги же его, кромѣ превосходства силъ, имѣли еще на своей сторонѣ возможность дѣйствовать по опредѣленному плану, стремиться къ ясно сознанной цѣли: Поляки требовали возврата Бѣлой Церкви и уничтоженія козачества; Мазепа стремился къ захвату правобережной Украины подъ свой рейментъ. Между тѣмъ Палій, принять котораго Россія окончательно отказалась, не былъ въ состояніи указать цѣли, къ которой онъ шелъ; только глубокое сознаніе народнаго инстинкта и непреодолимое отвращеніе къ Полякамъ поддерживало его; единственнымъ же средствомъ къ оправданію своего существованія въ сношеніяхъ съ Россіею и съ Польшею, съ Мазепою и съ Паткулемъ Палій находилъ въ діялектическихъ уловкахъ, въ хитрости, въ недомолвкахъ и въ казуистикѣ; на врядъ-ли и въ собственномъ сознаніи зналъ онъ къ чему можетъ его довести упорная защита—самому себѣ онъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ развѣ неясною надеждою на перемѣну въ будущемъ обстоятельствъ къ лучшему или крикомъ отчаянія:

---

[1]) Załuski, т. III, стр 418, 434 и 435; Соловьевъ, т. XV, стр 21; Перв. русск. вѣдом., стр. 92.

«Ни ляхамъ ни кому иному Бѣлой Церкви не оддамъ, развѣ меня изъ нея за ноги выволокутъ!» Писалъ онъ Мазепѣ, допытывавшемуся у него, на какой исходъ изъ своего положенія можетъ онъ надѣяться? [1]) Между тѣмъ въ выжидательномъ, загадочномъ положеніи долго невозможно было держаться. Всѣ сильные, окружавшіе его сосѣди находили въ Паліѣ помѣху для интересовъ, гораздо болѣе важныхъ по ихъ мнѣнію, и желали сбыть его съ рукъ. Въ февралѣ 1704 года Палій получилъ новую увѣщательную царскую грамоту;—тонъ ея былъ рѣшительнѣе прежнихъ: Царь требовалъ покорности королю и сдачи Полякамъ Бѣлой Церкви, угрожая, въ случаѣ отказа, исполнить свое требованіе силою. [2]) Въ томъ же году, 19 августа, подписанъ былъ въ Нарвѣ договоръ между уполномоченными русскими и польскими, въ силу котораго участь Палія должна была окончательно рѣшиться—онъ былъ пожертвованъ успѣшному ходу Шведской войны. Въ 4-й статьѣ этого договора сказано было: «Понеже Его Королевское Величество и свѣтлая Речь Посполитая, по причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ, сами противъ непослушнаго своего подданнаго, Палія, права изобрѣсти никакъ не могутъ, потому отъ Его Царскаго Величества, какъ друга, сосѣда и сильнаго союзника, въ таковомъ дѣлѣ просили вспоможенія. И такъ, по силѣ онаго союза, Его Царское Величество принимаетъ то на себя, что Палій, добрымъ-ли или худымъ способомъ, принужденъ будетъ крѣпости и города, взятые во время бывшихъ недавно въ Украинѣ замѣшательствъ, возвратить и оные Его Королевскому Величеству и Речи Посполитой безъ всякихъ про-

---

[1]) Соловьевъ, т. XV, стр. 40.

[2]) Исторія Малороссіи Маркевича; приложенія. Т. IV, стр. 154. Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. росс. при Москов. унив. 1859, кн. I, отд 2. стр. 41.

тензій, какъ найскорѣе быть можетъ, а по крайней мѣрѣ до предъидущей кампаніи, отдать, обѣщая Палію вѣчное забвеніе, если насильно захваченныя въ оныхъ замѣшательствахъ крѣпости добровольно отданы будутъ» [1]).

Впрочемъ Петру I не пришлось приводить въ исполненіе своего обѣщанія. Мазепа, разсчитывавшій воспользоваться наслѣдствомъ Палія, желавшій его паденія, но стремившійся вмѣстѣ съ тѣмъ къ обладанію заселеннымъ имъ краемъ и не допускавшій мысли о возвращеніи его Полякамъ, предъупредилъ заключеніе договора. Въ іюлѣ Палій находился уже въ заточеніи а Мазепа владѣлъ Бѣлою Церковью и назначалъ новаго на его мѣсто полковника. Еще въ апрѣлѣ Мазепа получилъ царскій указъ, предписывавшій ему выступить со всѣмъ войскомъ въ походъ въ польскія владѣнія противъ Шведовъ и ихъ приверженцевъ. Въ началѣ мая онъ переправился черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ и призвалъ въ свой лагерь полковниковъ, жившихъ на правомъ берегу Днѣпра, для участія въ общемъ походѣ; къ нему явились: Искра, Самусь, передавшій Мазепѣ полученныя нѣкогда отъ короля: бунчукъ, булаву и королевскую грамоту на гетманское званіе [2]); явился и Палій, полагая, что наконецъ пришло время желаннаго исхода изъ его труднаго положенія, что самъ гетманъ, зазывая его въ общій походъ въ Польшу, eo ipso заявляетъ о принятіи его наконецъ подъ свою власть и о возсоединеніи обѣихъ половинъ Малороссіи. Призывъ Мазепы имѣлъ такое значеніе не только въ глазахъ одного Палія; весь народъ смотрѣлъ на приходъ Мазепы въ Бѣлоцерковщину, какъ на актъ принятія во владѣніе этой области; Палій, имѣвшій постоянныя сношенія съ крестьянами въ

---

[1]) Полное собраніе законовъ, Т. IV, стр. 266. Volumina legum, T. VI, стр. 83.
[2]) Лѣтопись Грабянка, стр. 242.

Брацлавщинѣ и Подоліи, думалъ, что теперь именно настало время привести въ исполненіе замыселъ, неудавшійся въ 1702 году Самусю, что, послѣ соединенія съ Мазепою, козацкія силы будутъ въ состояніи поддержать съ должною силою крестьянское возстаніе и окончательно освободитъ отъ Польши Украину до Днѣпра и Случи. Агенты Палія отправились въ Брацлавщину и стали взывать народъ къ оружію. Вотъ интересный эпизодъ, представляющій наглядно какъ ихъ образъ дѣйствія, такъ и настроеніе народа, а равно и ту степень чисто личнаго, эгоистическаго отношенія къ дѣлу, которымъ проникнуто было шляхетское общество.

Возстаніе началось съ Немирова, значеніе котораго для Поляковъ уже выше было расказано, Жители Немирова принимали горячее участіе въ возстаніи 1702 года и дорого за него поплатились. Городъ принадлежалъ кіевскому воеводѣ, Іосифу Потоцкому, отличавшемуся особенною жестокостью при усмиреніи возстанія; желая показать грозный примѣръ крестьянамъ, Потоцкій казнилъ смертью нѣсколько тысячъ людей, взятыхъ имъ изъ собственныхъ его имѣній: волостей Немировской и Константиновской [1]). Между прочими одинъ изъ начальниковъ мѣстнаго возстанія, Борысенко, былъ убитъ сотникомъ надворныхъ козаковъ Потоцкаго—Олексіемъ и голова его доставлена воеводѣ какъ трофей. Теперь въ Немировъ пріѣхалъ по указанію Палія братъ убитаго—Грицько Борисенко, занимавшій должность сотника въ Погребыщахъ, въ полку Паліевомъ; въ городѣ онъ встретилъ убійцу брата, застрѣлилъ его немедленно и сталъ проповѣдывать жителямъ, что теперь пришла настоящая пора избавиться отъ пановъ. Жи-

---

[1]) Żywoty hetmanów, wydał Żegota Pauli, стр. 92.

тели взволновались, но, не довѣряя вполнѣ Борисенку, не рѣшались первые начинать дѣла, пока наконецъ странный случай не сообщилъ имъ послѣдняго толчка. Въ то время случайно проѣзжалъ черезъ Немировъ по своимъ дѣламъ подольскій шляхтичъ—Пирха; на рынкѣ его остановила толпа крестьянъ; узнавъ въ чемъ дѣло, Пирха, какъ человѣкъ находчивый, сейчасъ же придумалъ средство выйти изъ затруднительнаго положенія и очистить себѣ дорогу: онъ вынялъ изъ подушки своего сѣдла связку бумагъ, показалъ ее крестьянамъ, обявляя, что они его задерживать не смѣютъ, потому что онъ везетъ важныя королевскія приказанія; онъ сталъ тутъ-же читать и толковать мнимый универсалъ; король, по его словамъ, разсердился на пановъ за то, что они пристаютъ къ Шведамъ и бунтуютъ противъ короля и потому приказываетъ крестьянамъ бить ихъ. «Вотъ пришли Ляхи подъ Сеняву, прибавилъ Пирха, они собираются истреблять васъ, ступайте-же сейчасъ, гоните ихъ, бейте какъ бунтовщиковъ и заставте покориться королю.» Сказка имѣла полный успѣхъ. Пирха торжественно выѣхалъ изъ города, играя роль важнаго довѣреннаго у короля лица, онъ отправился домой, вѣроятно весьма доволный своею находчивостью. Крестьяне также обрадовались. Борысенко, значитъ, говорилъ правду; его дѣйствительно послалъ Палій, а за одно съ Паліемъ противъ шляхты дѣйствуетъ не только Мазепа, но и самъ король. Въ Немировѣ ударили въ набатъ, сошлись жители изъ сосѣднихъ селъ, составились козацкія сотни; сотники Борисенко, Наливайко изъ Кернасовки и Иванъ Ассаулъ, исполняя порученіе Пирхи, отправились подъ Сеняву; тамъ стояла дѣйствительно польская хоругвь; Немировцы напали на нее въ расплохъ на разсвѣтѣ, жолнеровъ изрубили, поранили и разогнали, многихъ захватили въ плѣнъ и перевязали; взятыхъ лошадей, оружіе, значекъ, бубны и плѣнныхъ отправили

торжественно къ Палію въ Хвастовъ [1]). Возстаніе стало быстро распространяться по Брацлавщинѣ, начальство надъ нимъ принялъ бѣжавшій въ 1702 году въ Молдавію полковникъ Шпакъ, у него вскорѣ оказалось 600 человѣкъ войска, кромѣ того вездѣ собирались своевольныя купы, стали убивать, грабить и изгонять шляхту. Въ половинѣ іюля съѣхались на сеймикъ подольскіе шляхтичи и порѣшили поголовно ополчиться, но, не довѣряя собственнымъ силамъ, они просили короля усилить гарнизонъ каменецкой крѣпости, на защиту Подолья отрядить польнаго гетмана и потребовать отъ Мазепы отозванія Шпака [2]). Хотя послѣднее требованіе и было исполнено, но волненіе народа долго еще не могло успокоиться. Въ слѣдующемъ году власти польскія хлопотали еще о томъ, чтобы разгонять своевольныя купы, чтобы ловить, судить, казнить и не давать укрываться составлявшему ихъ «гультайству» [3]).

Но крестьянскаго возстанія Мазепа именно не желалъ; мечтая о присоединеніи западной Украины, онъ можетъ быть разсчитывалъ найти въ ней подкрѣпленіе въ готовомъ уже шляхетскомъ сословіи для проведенія своего общественнаго идеала въ Малороссіи—по крайней мѣрѣ существованіе такой надежды можно предполагать по тону универсаловъ, изданныхъ имъ къ шляхтѣ занятыхъ имъ областей и по той силѣ озлобленія, съ которою онъ жалуется въ письмѣ къ Головину на возбужденіе Паліемъ подобнаго «гультайства». Вѣроятно, какъ извѣстіе, полученное Мазепою о переговорахъ Поляковъ съ русскими уполномоченными относительно Палія и желаніе опередить заключеніе ими условій, такъ и нелюбое ему крестьянское возстаніе

---

[1]) См, №№: CCXLII, стр. 643 и CCXLIII стр. 646.
[2]) См, №№: CCXXXVIII, стр. 635 и CCXL, стр. 640.
[3]) См. №№: CCLI, стр. 666 и CCLV, стр. 683.

заставили Мазепу ускорить развязку давно имъ задуманнаго плана—онъ рѣшился не идти въ Польшу прежде чѣмъ участь Палія не будетъ рѣшена. Почти 3 мѣсяца—съ начала мая до конца іюля—посвятилъ Мазепа для этой цѣли; все это время онъ простоялъ лагеремъ около Хвастова: въ началѣ у могилы Перепятыхи, потомъ подъ Паволочью [1]) и велъ дѣятельную переписку съ Головинымъ, желая доказать необходимость смѣны Палія. Онъ обвинялъ Бѣлоцерковскаго полковника въ совершенной неспособности и въ постоянномъ пьянствѣ. «Уже 4 недѣли, писалъ онъ 3-го іюня, какъ въ обозѣ при мнѣ находится и постоянно пьянъ и день и ночь; ни разу я не видалъ его трезваго». Далѣе Мазепа жаловался, что помимо его воли «Паліево гультайство» стало разорять Поляковъ по Днѣстру и Бугу и врываться даже въ Молдавію, что онъ представлялъ полковнику, что по царскому указу не слѣдуетъ разорять Поляковъ, «но онъ ничего не слушаетъ, раціями говорить съ нимъ трудно, ничего не понимаетъ, потому что умъ его помраченъ повседневнымъ пьянствомъ..... безъ страха Божія и безъ разума живетъ и гультяйство также единонравное себѣ держитъ, которое ни о чемъ больше не мыслитъ, только о грабительствѣ и о крови невинной и никогда никакой власти и начальства надъ собою имѣть не хочетъ». Но самое сильное обвиненіе со стороны Мазепы состояло въ измѣнѣ (?), онъ утверждалъ, что Палій дѣйствуетъ за одно со Шведами и что подговариваетъ народъ держаться Любомирскихъ. Сколь ни нелѣпо было это обвиненіе, Головинъ, вѣроятно изъ потачки гетману, предложилъ Мазепѣ вызвать Палія въ Москву или арестовать его, въ случаѣ если онъ добудетъ явныя улики связи его со Шведами. Палій отказался ѣхать въ Москву, «я здоровьемъ

---

[1]) Лѣтопись Грабянка стр. 256.

слабъ, сказалъ онъ, да и незачѣмъ туда ѣхать». Мазепѣ оставалось добыть улики мнимой измѣны; онѣ и были отъисканы, хотя и весьма подозрительнаго свойства. Онъ объявилъ Головину, что еврей, арендаторъ хвастовскій, показалъ, что онъ, по порученію Палія, ѣздилъ къ Любомирскимъ и посредствомъ словесныхъ переговоровъ скрѣпилъ ихъ союзъ съ Паліемъ, что Любомирскій обѣщалъ жалованіе отъ Шведскаго короля и уступку въ потомственное владѣніе Бѣлой Церкви; Палій же взаимно обѣщалъ помагать Любомирскимъ противъ Августа II и извѣщать Шведовъ о движеніи и силахъ русскихъ и козацкихъ войскъ. Это показаніе еврея подтвердилъ, по словамъ Мазепы, какой то священникъ Карасевичъ [1]). Улики эти показались Мазепѣ достаточными для того, чтобы арестовать своего противника, но Мазепа не желалъ исполнить своего умысла въ Хвастовщинѣ, среди преданнаго Палію народонаселенія. Въ послѣднихъ числахъ іюля онъ снялъ лагерь изъ подъ Паволочи и перешелъ въ Бердичевъ, здѣсь, по словамъ народнаго преданія, онъ пригласилъ Палія на «бенкетъ» (пиръ) и, напоивъ до пьяна, приказалъ отнести въ темницу [2]). Вслѣдъ затѣмъ онъ отправилъ 1-го

---

[1]) Соловьевъ, Т. XV, стр. 40—43.

[2]) Вотъ самый полный изъ извѣстныхъ варіянтовъ народной думы, описывающей взятіе въ плѣнъ Мазепою Палія:

Ой не знавъ, не знавъ, проклятый Мазепа, якъ Палія захваты;
Ой ставъ-же, ставъ проклятый Мазепа на бенкетъ запрошаты,
«Ой прошу тебе, Семене Палію, по чаши выпа пыты!»
—»Брешешъ, брешешъ, вражый сыну, хочешъ мене згубыты!»
А тамъ Максымъ Искра сыдыть, про Мазепу добре знае;
Паліеві Семенові оттакъ промовляе:
«Ой годи Семене Палію въ Мазепы вына пыты!
Ой хоче Мазепа проклятый тебе вбыты »
Ой пье Палій, ой пье Семенъ да головоньку клоныть.
А Мазепынъ чура Палію Семену кайданы готовыть,
Ой пье Палій, ой пье Семенъ—изъ нигъ извалывся,

августа универсалъ къ Хвастовскимъ жителямъ, въ которомъ объявилъ имъ: «ижъ отдаливши *для певныхъ причинъ* пана Семена Палія отъ уряду полковництва, вручилисмо тотъ урядъ полковничій пану Михайлу Омельченкови, яко справному и благоразумному человѣкови, позваляючи оному всякіи межи вами порядки управляти и все, щокольвекъ належитъ до оного старшенства, справовати,...... Онъ засъ знатыметъ якъ добрыхъ миловати и на оныхъ респектъ оказовати, такъ злыхъ и проступныхъ слушнымъ каранемъ наказовати» [1]). Сопротивленіе со стороны Хвастовцевъ было невозможно; вся ихъ военная сила была въ лагерѣ Мазепы; изъ приближенныхъ къ Палію людей, одни были задобрены Мазепою, подобно зятю его, Антонію Танскому, и племяннику, Чесноку [2]); другіе, подобно пасынку Палія—Семашку, раздѣлили его участь. Нѣсколь-

---

Дуже тому гетьманъ Мазепа, стоя, звеселывся.
Ой якъ крыкне проклятый Мазепа на свои гайдуки:
«Ой возьмыте Палія Семена, да у тисны руки,»
Ой якъ крыкне проклятый Мазепа на свои лейтары:
«Ой возьмыте Палія Семена, закуйте въ кайданы!»
Ой якъ крыкне проклятый Мазепа на свою возныцю:
«Ой возьмыте Палія Семена, да вкиньте въ темницю!»
Не давъ гетьманъ Пялію Семену ни пыты ни йисты,
Докиль не выславъ проклятый Мазепа на столыцю лысты.
—«Оттожъ тоби, промовляе, царю! есть Палій изминныкъ;
Вінъ тебе хоче вже отступаты, въ пень Москву рубаты,
А самъ хоче вже на столыци царемъ цареваты.»
(Полтавскія губернскія вѣдомости 1860 г. № 14 и 15).

[1]) См. № CCXXXIX, стр. 639.

[2]) Вскорѣ послѣ паденія Палія, Танскій получилъ отъ Мазепы въ державу села: Яхны и Микитинцы въ Корсунскомъ повѣтѣ (См. № CCLX, стр. 698). О Чеснокѣ самъ Мазепа говорилъ слѣдующее въ особомъ универсалѣ, изданномъ 26 Іюля 1704 года: «Любо оставилисьмо пана Палія для певныхъ причинъ отъ ряду полковничества, однакъ кревныхъ его окрылисьмо нашою обороною; такъ и пана Карпа Чеснока въ онуюжъ беручи, заховуемъ его при всякой цѣлости и покойномъ на всихъ грунтахъ, зъ молодыхъ литъ власною працею набутыхъ и покупленыхъ, мешканю; позволяемъ ему по прежнему якъ селомъ, прозываемымъ Кривое, владѣти, такъ и пасѣкою въ Уманщинѣ.»(Черниговскія епархіальныя вѣдомости 1868 года, № 7, часть неофиціальная, стр. 266.)

ко сотъ козаковъ, оставленныхъ Паліемъ въ Бѣлой Церкви въ качествѣ гарнизона, не захотѣли было сдать крѣпости: «умремъ тутъ всѣ, а не поддадимся, говорили они, коли нема нашого батька,» но и они должны были уступить; мѣщане бѣлоцерковскіе не желали испытывать осады, исходъ которой былъ несомнѣнный и отворили ворота новому полковнику [1]). Чтобы задобрить общественное мнѣніе, козакамъ и посполитству выданы были на разграбленіе лошади, стада и хозяйство плѣннаго полковника [2]). Казна его, оружіе, одежда и болѣе цѣнныя вещи были описаны коммисіею, назначенною гетманомъ, и отобраны въ гетманскую казну, часть этого имущества была въ послѣдствіи препровождена въ Москву [3]).

Между тѣмъ Мазепа продолжалъ свой походъ изъ Бердичева, онъ остановился только на берегахъ Случи и сталъ лагеремъ у города Любара. Здѣсь онъ простоялъ до осени и торжествовалъ, не скрываясь, по поводу принятія во владѣніе западной Украины. Достигши завѣтной по козацкимъ понятіямъ рѣки, «онъ подъ Любаромъ, на границѣ, могилу большую войскомъ высыпалъ, [4])» и ясно заявлялъ русскому правительству мнѣніе, что западной Украины не слѣдуетъ отдавать полякамъ. «Изволили вы желать, писалъ онъ Головину, чтобъ я сообщилъ вамъ мое мнѣніе объ уступкѣ Полякамъ сей стороны Украины...... предлагаю, что много есть трудностей и препонъ въ исполненіи сего...... главное-же неудобство: близкое въ такомъ случаѣ сосѣдство Поляковъ съ запорожцами и Крымомъ». Далѣе онъ напоминалъ, что земли эти не были уступлены По-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 45,

[2]) См. № CCLXX, стр. 711.

[3]) См. списокъ этого имущества въ лѣтописи Величка, т. IV, приложенія, стр. 111—132 и въ Чтеніяхъ Имиер. Общ. ист. и древн. годъ 1859, книга I отд. 2., стр. 43 и 52.—

[4]) Краткое лѣтоизобразительное описаніе, изд. Бѣлозерскій, стр. 88.

лякамъ по трактату 1686 года, а только временно оставлены въ ихъ пользованіи, впредъ до окончательнаго соглашенія и размежеванія, и заключаетъ слѣдующими словами: «Города сіи должны оставаться непременно за Великимъ Государемъ, ибо, если они отойдутъ во владѣніе поляковъ, то, кромѣ многихъ другихъ затрудненій, всѣ малороссіяне перейдутъ на сію сторону Днѣпра, избѣгая повинностей, особливо изъ порубежныхъ полковъ: Переясласкаго, Лубенскаго и Миргородскаго, которыхъ жители имѣютъ многіе старинные грунты и угодія на сей сторонѣ [1])». Такимъ образомъ, удаливъ Палія, Мазепа ясно высказываетъ какъ желаніе удержать за собою заселенныя имъ земли, такъ и стремленіе ограничить развившееся при Паліѣ переселеніе съ лѣвой стороны Днѣпра народа, уходившаго на привольныя слободы, «избѣгая повинностей,» которыя все болѣе и болѣе налагала на него старшина и знать войсковая. Мѣжду тѣмъ пока Мазепа овладѣвалъ краемъ и мечталъ о томъ устройствѣ, которое назначалъ ему мысленно, Палій, вмѣстѣ съ пасынкомъ, изъ Любарскаго лагеря [2]) былъ отправленъ въ тюрьму въ Батуринъ, держался тамъ за крѣпкимъ карауломъ и наконецъ былъ переданъ на руки русскимъ властямъ. Его отправили въ отдаленнѣйшее изъ извѣс-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Т. III, стр. 50

[2]) Исторія послѣдняго акта борьбы Палія съ Мазепою осталась въ названіи урочищъ, находящихся на мѣстѣ стоянки Мазепы подъ Любаромъ. Тамъ, гдѣ былъ лагерь Мазепы, со временемъ образовалась слобода, сохранившая до сихъ поръ названіе *Мазепинцы.* (Подольской губ:, въ сѣверной части Литинскаго уѣзда, почти на границѣ его съ Новоградъ-Волынскимъ уѣздомъ, въ 20 верстахъ отъ Любара). По одну одну сторону села находится глубокій оврагъ, поросшій дубовымъ лѣсомъ, который мѣстные жители называютъ: «*Мазепинымъ Таборысъкомъ*» по другую сторону, у большой торговой дороги (Чорного шляху)—огромная могила, нѣсколько разрытая какимъ-то кладоискателемъ,—это «*Мазепина границя,*» а далѣе за нею оврагъ, называемый «*Паліівъ яръ*»—можетъ быть мѣсто временнаго его заточенія. (Названія собраны и повѣрены на мѣстѣ К. П. Михальчукомъ).

тныхъ тогда мѣстъ ссылки—въ Енисейскъ [1]). Отдаленность и безвыходность этого заточенія до того поразила народъ, что въ легендахъ онъ ее изображаетъ или подъ видомъ огромной башни, въ которую Мазепа приказалъ живьемъ «замуровать» любимаго народнаго предводителя или въ образѣ глубокой темницы, ключи отъ которой были брошены въ море и потомъ только чудомъ можно было освободить изъ нея плѣнника. [2]).

Между тѣмъ Мазепа, сломивши представителя демократическихъ народныхъ стремленій, спѣшилъ успокоить шляхту занятаго имъ края и войти съ нею въ дружелюбныя сношенія. Еще на пути изъ Хвастова въ Бердичевъ Мазепа разослалъ изъ лагеря подъ Паволочью универсалъ къ дворянамъ кіевскаго воеводства, въ которомъ онъ удостовѣрялъ шляхту, что онъ пришелъ въ границы Речи Посполитой въ качествѣ союзника, на помощь противъ общихъ враговъ—Шведовъ; онъ увѣрялъ, что удержитъ свое войско отъ всякихъ притѣсненій жителей и приглашалъ дворянъ не оставлять своихъ домовъ и не бояться крестьянскаго возстанія, за усмиреніе котораго Мазепа ручался. «Мы пришли, сказано въ универсалѣ, не для того, абысмы яковую своевольному народови до седиціи и бунтовъ противко пановъ и державцевъ своихъ и до выламованяся зъ належитого послушенства и подданства подавали окказію и отуху..... Посполитый народъ, въ подданствѣ помянутыхъ, вельможныхъ ихъ милостей пановъ обывателей воеводства кіевского зостаючій, симъ универсаломъ нашимъ упоминаемъ, абы въ належитомъ ку паномъ, державцомъ и поссессоромъ своимъ послушенствѣ знайдуючися, найменшого

---

[1]) Соловьевъ, Т. XV, стр. 43.

[2]) Записки о Южной-Руси П. А. Кулиша, Т. I, стр. 115; Легенда записанная въ с. Снитинкѣ Л. И. Ильницкимъ.

нигдѣ не вщинали до бунтовъ шемраня; которые, если-бы гдѣ мѣли показатися, тоди мы по собѣ декляруемъ, ижъ сами розкажемъ оные всмиряти, и яко непріятелей таковыхъ бунтовщиковъ зносити [1])». Въ этомъ духѣ Мазепа продолжалъ постоянно дѣйствовать въ отношеніи къ шляхтѣ. Во время стоянки подъ Любаромъ онъ «не только не наносилъ никакихъ кривдъ и притѣсненій, но даже снаряжалъ шляхтичамъ въ села и мѣстечка оберегательную стражу [2])». Въ концѣ сентября онъ принималъ посольство отъ дворянъ кіевскаго воеводства, явившееся къ нему съ изъявленіемъ благодарности и дружбы [3]). Въ тоже время, принявъ подъ свою команду полкъ Шпака, онъ отозвалъ его изъ Подолія и прекратилъ такимъ образомъ разгорявшееся тамъ крестьянское возстаніе. Въ слѣдующемъ году депутаты дворянъ подольскаго воеводства являлись къ гетману съ изъявленіемъ признательности за удержаніе козаковъ отъ грабежей и съ просьбою обратить особенное вниманіе на полки Самуся, Искры и Шпака, такъ какъ они ведутъ себя не такъ скромно какъ остальные [4]). Впослѣдствіи, замѣтивъ, что волынскіе дворяне тяготились продолжительнымъ постоемъ козаковъ въ ихъ воеводствѣ, Мазепа предложилъ имъ въ своемъ универсалѣ свезти слѣдующій изъ Волыни провіянтъ въ Бресть-Литовскій и обѣщалъ въ такомъ случаѣ перевести свои войска на квартиры въ Литву [5]).

Но доброе согласіе гетмана съ дворянами не могло быть продолжительно: козаки и шляхта были два начала непримиримыя. Не смотря на всѣ старанія гетмана, козаки не могли при случаѣ не задѣть шляхетскихъ интересовъ. Первую причину разлада составилъ вопросъ о содержаніи

---

[1]) См. № CCXXXVII, стр. 632.
[2]) См. № CCXLVIII, стр. 656.
[3]) См. № CCXLV, стр. 650.
[4]) См. № CCLVI, стр. 684.
[5]) См. № CCLVII, стр. 686.

козацкаго войска, такъ какъ козаки явились въ качествѣ союзниковъ, то Речь Посполитая должна была содержать ихъ на свой счетъ; доставка провіянта лежала на обязанности дворянъ тѣхъ воеводствъ, въ которыхъ козаки квартировали, между тѣмъ шляхтичи привыкли не исполнять вовсе общественныхъ повинностей и требованіе исполненія ихъ считали насиліемъ. Чтобы прокормить войско, во время постоянныхъ переходовъ чрезъ Волынь, Чермную Русь, Холмскую землю, Литву, Мазепа принужденъ былъ то налагать контрибуціи на имѣнія пановъ шведской партіи, то собирать деньги съ католическаго духовенства и церквей, то, наконецъ, силою отбирать провіянтъ у шляхты; при такомъ способѣ кормленія дѣло не могло обойтись безъ взаимныхъ оскорбленій; то шляхтичи жаловались, что козаки при сборѣ провіянта грабятъ ихъ дворы, разрушаютъ села, сожигаютъ постройки, убиваютъ крестьянъ [1]); то козаки жаловались въ свою очередь на шляхтичей, что они не только не даютъ провіянта, но убиваютъ козаковъ, отлучающихся единично для собиранія фуража [2]). Притомъ въ составъ войска Мазепы вошли полки: Самуся, Искры, Шпака, Танскаго, принявшаго начальство надъ Бѣлоцерковскими козаками, находившимися въ лагерѣ во время смѣны Палія. Полки эти, состоявшіе изъ «Паливщины,» были до того враждебны шляхтѣ, что никакія предписанія Мазепы не могли удержать ихъ. Они при каждомъ удобномъ случаѣ разоряли шляхетскіе дворы, убивали шляхтичей, уничтожали дворянскіе документы и т. п. При появленіи ихъ нерѣдко даже обнаруживались крестьянскія волненія и мѣстные жители, называясь ко-

---

[1]) См. №№: CCLVIII, стр. 689; CCLXIII, стр. 701.; CCLXIV, стр. 703 и CCLXI стр. 699.

[2]) Книга гродская, луцкая, поточная, т. 1707, № 2589, Декабря 15,

закаміи, принимались грабить пановъ и евреевъ [1]). Въ територіи, повиновавшейся нѣкогда Палію, нечего было и думать о возстановленіи шляхетскихъ порядковъ. Шляхтичи, имѣвшіе помѣстья въ Бѣлоцерковщинѣ и Полѣсьи обращались напрасно съ прошеніями и подарками какъ къ Мазепѣ, такъ и къ новому Бѣлоцерковскому полковнику, Омельяновичу; не смотря на ихъ распоряженія, крестьяне отказывались отъ повиновенія шляхтѣ и объявляли полковнику посредствомъ депутацій, что они будутъ, какъ было при Паліѣ, платить дань одному только козацкому полковнику; сторону крестьянъ держали и козаки и водворить шляхту, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, старшина должна была отказаться [2]). Со временемъ и самъ Мазепа охладѣлъ значительно къ шляхтѣ, жаловавшейся неоднократно на него Царю, Меньшикову и другимъ русскимъ начальникамъ; онъ нашелъ, по своему мнѣнію, гораздо болѣе вѣрный способъ для осуществленія своихъ цѣлей—во время пребыванія на Волыни онъ вошелъ въ сношенія съ Лещинскимъ и съ Карломъ XII и разсчитывалъ посредствомъ ихъ помощи, помимо шляхты остаться единственнымъ владѣтелемъ и распорядителемъ не только западной но и восточной Украины. Потому впослѣдствіи онъ мало обращалъ вниманія на жалобы дворянъ, такъ что послѣ его паденія русское правительство, вслѣдствіе настойчиваго требованія Поляковъ, должно было назначить особую коммисію для разбирательства жалобъ шляхты на притѣсненія, испытанныя ею отъ козаковъ [3]).

Между тѣмъ, пока Мазепа предпринималъ походы въ разные концы Речи Посполитой: подъ Львовъ, Замость, Дубно, Минскъ. и т. д. Украина между Днѣпромъ, Случью и Днѣ-

---

[1]) См. №№ CCLVI, стр. 684; CCLXII, стр. 700 и CCXLVIII, стр. 655

[2]) См. № CCLIII стр. 670.

[3]) См. №№: CCLXXI, стр. 712. и CCLXXII, стр. 714.

стромъ была въ полной отъ него зависимости; полковники и старшины въ ней еще не обжились и не успѣли заявить своихъ притязаній на владѣніе землями и на закрѣпощеніе народа, послѣдній удерживалъ отношенія къ козакамъ, установленные Паліемъ—онъ платилъ дань въ войсковую казну, оставался свободнымъ и пользовался безпрепятственно землею; притомъ земли было много, не только не приходилось спорить за владѣніе ею, но безпрестанно, до окончательнаго паденія козаччины, прибывали новые поселенцы изъ за Днѣпра, изъ Молдавіи, изъ Полѣсья и Литвы и селились на пустопорожнихъ поляхъ. Край принималъ все болѣе и болѣе правильное козацкое устройство. Въ 1709 году въ немъ было уже 7 козацкихъ полковъ: Бѣлоцерковскій, Чигринскій, Богуславскій, Уманскій, Корсунскій, Брацлавскій и Могилевскій [1]). Полковниками въ двухъ послѣднихъ были два молдавскіе выходца: Иванъ Григорашъ, называемый также Иваненко, и Савва Волошинъ. Они принадлежали, подобно Шпаку, къ числу начальниковъ крестьянъ, возставшихъ во время похода Самуся въ 1702 году, скрылись тогда, послѣ усмиренія возстанія, за Днѣстръ и теперь появились опять въ Украинѣ [2]); находясь на чертѣ Украины порубежной съ поляками, они продолжали раздвигать ее на счетъ шляхты: вытѣсняли послѣднюю изъ имѣній, убивали сопротивлявшихся, и причисляли ихъ села и города къ своимъ полкамъ. Иваненко овладѣлъ Винницею и Брацлавлемъ. По жалобѣ подольской шляхты русскія власти неоднократно должны были предпринимать мѣры для усмиренія ихъ; но распоряженія оставались безплодными до послѣдняго паденія козачества на правой

---

[1]) Матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 10, 11, 28, также см. №№: CCLXIX, стр. 695 и CCLXXVII, стр. 730.

[2]) Иваненко, возвратившись изъ Молдавіи, при поступленіи въ царскую службу на правой сторонѣ Днѣпра, носилъ титулъ полковника *Дубосарскаго*.

сторонѣ Днѣпра [1]). Въ Чигиринскомъ полку поставленъ былъ, послѣ возстановленія онаго, полковникомъ—Галаганъ. Въ Богуславскомъ—продолжалъ начальствовать Самусь. Онъ прожилъ въ званіи Богуславскаго полковника до 1713 года. О существованіи его остались по крайней мѣрѣ слѣдующіе слѣды. Въ 1709 году, во время Полтавской битвы, Самусь, опасаясь за безопастность части своего семейства, находившагося на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Чигринъ-Дубровѣ, выхлопоталъ отъ кіевскаго губернатора, князя Голицына, паспортъ для переѣзда внучатамъ своимъ [2]) изъ Чигринъ-Дубровы въ Богуславъ. [3]) Въ 1711 году онъ присылалъ сына въ Кіевъ извѣщать того-же князя Голицына о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ самозваннаго гетмана Орлика [4]). Наконецъ въ 1713 году онъ отказалъ по завѣщанію Межигорскому монастырю, въ которомъ по преданію и былъ похороненъ, свой «млынъ въ Богуславлю, ниже нового мосту на сазѣ стоячій», а также лѣсъ съ садомъ и другими грунтами и 500 червонцевъ «за свой похоронъ и поминаніе» [5]).

Въ Бѣлоцерковскомъ полку до 1709 года занималъ должность полковника Михайло Омельяновичъ; хотя онъ, подобно всѣмъ остальнымъ полковникамъ западной Украины, не послѣдовалъ за Мазепою во время его измѣны, но русскіе начальствующіе люди не довѣряли ему какъ родственнику Мазепы, возведенному послѣднимъ въ должность полковника. Въ апрѣлѣ 1709 года онъ, по соглашенію

---

[1]) См. № CCLIX, стр. 695. Матеріялы для отечественной исторіи издалъ М. Судіенко, Т. II, стр. 22, 122, 129, 134 и 136.

[2]) Это были дѣти дочери Самуся, бывшей замужемъ за сотникомъ Чигринъ-Дубровскимъ—Булюбашемъ.

[3]). Подлинникъ этого документа хранится у М. А. Максимовича.

[4]). Матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 28

[5]) Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ М. А. Максимовича стр. 34.

князя Голицына съ гетманомъ Скоропадскимъ, былъ арестованъ и препровожденъ сначала въ Кіевъ, потомъ въ Глуховъ [1]). Мѣсто его занялъ опять возвращенный изъ Сибири Палій. Конечно, немедленно послѣ того какъ обнаружилась измѣна Мазепы, сдѣлано было Петромъ I распоряженіе о возвращеніи Палія изъ ссылки. Кромѣ желанія загладить несправедливость, учиненную по проискамъ и клеветамъ Мазепы, возвращеніе его было ускорено вѣроятно и потому, чтобы противупоставить личность популярную и любимую народомъ Мазепѣ и такимъ образомъ подорвать окончательно значеніе и авторитетъ послѣдняго. Уже въ началѣ 1709 года «велыкимъ постомъ, весняною погодою, по словамъ народной думы, ставъ Семенъ Палій до Билого Царя прыбуваты» [2]). Въ послѣднихъ числахъ марта онъ прибылъ въ Воронежъ, гдѣ «зѣло изрядно принятъ и награжденъ его Царскаго Величества милостью». 30 марта онъ былъ отправленъ къ гетману Скоропадскому, которому поручено было: «держать его при себѣ до указу, имѣть его во всей любительнѣйшей приязни и употреблять его въ нынѣшнихъ воинскихъ дѣйствіяхъ и случаяхъ по своему разсмотрѣнію и смотря по тамошнему состоянію [3])». 3-го іюня Палій находился въ лагерѣ Скоропадскаго подъ Багачкою, гдѣ выхлопоталъ у гетмана универсалъ о возвращеніи ему движимаго имущества, разграбленнаго нѣкогда козаками съ разрѣшенія Мазепы [4]). 27 іюня онъ, по свидѣтельству лѣтописей, «удостоился видѣти Царскаго Величества побѣду надъ Шведами подъ Полтавою—гдѣ, бывши уже немощнымъ, обаче на конѣ, аще и поддерживаніемъ ѣздячи, понуждалъ вой-

---

[1]) Матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 6, 9 и 15.

[2]) Сборникъ украинскихъ пѣсней, издалъ М. Максимовичъ 1849 г., стр. 89.—

[3]) Матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 118, 125 и 280.

[4]) См. № CCLXX, стр. 711.—

ско, дабы непріятелю зломанному не дали обозрѣтися» [1]). Въ самый день полтавской битвы Палій надписалъ въ даръ Межигорскому монастырю свое евангеліе въ золочено-серебряномъ окладѣ по черному бархату, хранившееся впослѣдствіи въ этой обители, и, вслѣдъ затѣмъ, набравши отрядъ козаковъ, отправился въ свою *Хвастовщину*, гдѣ уже со времени его возвращенія ожидали его, какъ законнаго преемника смѣненнаго полковника Омельяновича [2]). Явившись въ Хвастовъ, Палій немедленно возвратился къ прежнему своему образу дѣйствія: онъ опять разставилъ козаковъ своихъ на Полѣсіи и сталъ вытѣснять шляхтичей изъ порубежныхъ селъ; еще до его пріѣзда, сейчасъ послѣ смѣны Омельяновича, крестьяне многихъ волостей: Горностайпольской, Козаревской, Бородянской, объявили себя козаками, записались въ компутъ Бѣлоцерковскаго полка, отказали въ повиновеніи помѣщикамъ и перестали отбывать имъ барщину и давать доходы. Палій принялъ ихъ подъ свое покровительство и сталъ тѣснить остальную шляхту. 10 сентября шляхта кіевскаго воеводства отправила депутатовъ къ кіевскому губернатору, князю Голицыну, жалуясь: что козаки Бѣлоцерковскіе и Хвастовскіе, не извѣстно по своей-ли волѣ, или по приказанію полковника Палія? перешедши границу, по сю сторону рѣки Ирпеня врываются въ наши села, отнимаютъ у насъ

---

[3]) Лѣтопись Грабянка, стр. 242; лѣтопись Самовидца стр. 94.

[4]) Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ М. А. Максимовича, стр. 33.—Матеріялы Судіенка Т. II, стр. 7.; также см. № CCXCIV, стр. 772. Надпись, сдѣланная на евангеліи, не исключаетъ, по нашему мнѣнію, возможности участія Палія въ битвѣ; надпись могла быть сдѣлана или передъ битвою, съ желаніемъ оставить на всякій случай память любимой обители, или впослѣдствіи, въ видѣ воспоминанія и благодарствія за ея исходъ. Въ пользу же участія Палія въ битвѣ, кромѣ свидѣтельства лѣтописи и народнаго преданія, можемъ сослаться на разказъ бывшаго въ ней козака, помѣщенный въ вышеуказанномъ актѣ: "пошли мы подъ Полтаву, а оттуда, вмѣстѣ съ Паліемъ, отправились въ Хвастовъ".

медовыя дани и препятствуютъ владѣть имѣніями». Въ началѣ генваря 1710 года шляхта кіевская отправляла съ тою-же цѣлью депутатовъ къ королю и къ князю Меньшикову; въ инструкціи, данной этимъ депутатамъ сказано было между прочимъ: «Депутаты будутъ просить сіятельнаго князя, дабы онъ оказалъ намъ милость, удержаніемъ пана полковника Палія отъ притѣсненій обывателей нашего воеводства и запретомъ ему разставлять козаковъ своихъ въ повѣтахъ овруцкомъ и житомирскомъ [1]).

Между тѣмъ въ Москвѣ, не смотря на фактическое обладаніе западною Украиною еще съ 1704 года, правительство не порѣшило окончательно слѣдуетъ-ли удержать эту область за собою или возвратить ее полякамъ. Послѣдніе при каждомъ удобномъ случаѣ напоминали Царю о своихъ притязаніяхъ на мѣстность, въ которой сформировались уже козацкія поселенія, признававшія надъ собою власть лѣвобережнаго гетмана, и которую послѣ полтавской битвы заняли русскія войска, преслѣдовавшіе бѣжавшаго въ Турцію шведскаго короля. Царь отвѣчалъ обыкновенно на польскія домагательства, что онъ не отказывается возвратить Речи Посполитой Украину, но что онъ не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будутъ бороться двѣ партіи, изъ которыхъ одна—Лещинскаго, положительно ему враждебна [2]). Но послѣ полтавской битвы, когда партія Лещинскаго окончательно пала, Петръ думалъ дѣйствительно возвратить полякамъ Украину. Потому 3 сентября 1709 года, возвращая Палію полковничью должность, Царь не называетъ его въ грамотѣ полковникомъ Бѣлоцерковскимъ, а только охотниц-

---

[1]) См. №№: CCXCIV, стр. 771; CCLXIX, стр. 710; CCLXXIV, стр. 719; CCLXXV, стр. 726 и CCLXXVI, стр. 728.

[2]) Соловьевъ, Т XV, стр: 201, 204 и 208.

кимъ, и подчиняетъ его строго власти гетмана Скоропадскаго [1]); послѣднему-же было предписано удерживать какъ Иваненка и Савву, такъ и Палія отъ столкновеній съ поляками; когда же жалобы шляхтичей на послѣдняго стали поступать все чаще и чаще какъ къ гетману, такъ и къ русскимъ начальникамъ, то въ ноябрѣ 1709 года князь Григорій Долгорукій писалъ о немъ Скоропадскому: «О неспокойномъ Паліѣ нынѣ мнѣ здѣсь, за отлученіемъ двора, служить Вашему Превосходительству невозможно........ чаю, что ему, Палію, въ тѣхъ мѣстахъ быть не долго, понеже при польской радѣ, та заднѣпрская Украина Его Высокомонаршимъ указомъ отдается по прежнему во владѣніе Полякамъ [2])». Неизвѣстно, какое вліяніе имѣла бы эта мнительность правительства на судьбу Палія, но онъ до возврата Украины Полякамъ не дожилъ. Въ 1710 году 10 января послѣдній разъ встрѣчаемъ переписку о Паліѣ: именно канцлеръ Головкинъ въ письмѣ къ Скоропадскому поручаетъ послѣднему запретить Палію вести переписку съ турецкими пашами безъ вѣдома гетмана. Чрезъ полтора мѣсяца, въ первыхъ числахъ марта, Танскій ищетъ уже у Скоропадскаго назначенія на должность Бѣлоцерковскаго полковника, вокантную за смертью Палія [3]). Въ концѣ того-же года король Августъ раздаетъ уже староства, находившіяся въ районѣ, занятомъ Паліемъ; такъ 18 ноября онъ даетъ грамоту полковнику Самсону Бомбеку на Романовское староство, «оставшееся безъ владѣльца послѣ смерти храбраго Палія [4])». И такъ, хотя точно не можемъ указать времени смерти Палія, но можемъ утверждать съ достовѣрностью,

---

[1]) См. № CCLXXIII, стр. 715.
[2]) Матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 407
[3]) Матеріялы Судіенка Т· II, стр. 144 и 150.
[4]) См. № CCLXXX, стр. 741.

что она послѣдовала между 10 числомъ января и 1 марта въ 1710 году. По всѣй вѣроятности старый полковникъ былъ похороненъ въ Межигорскомъ монастырѣ, обители уважаемой имъ болѣе другихъ при жизни; по крайней мѣрѣ до конца существованія монастыря въ Святодуховской его церкви висѣлъ портретъ Палія, рядомъ съ портретами Богдана Хмѣльницкаго и Евстафія Гоголя. Надъ портретомъ, на ветхомъ коврикѣ Палія, висѣла его сабля безъ рукоятки и его полковницкій серебряный перначъ съ тремя перьями [1]).

Мѣста Бѣлоцерковскаго полковника послѣ смерти Палія добивался у гетмана, зять его, охотницкій полковникъ, Антонъ Танскій. Танскій въ послѣднее время доказалъ вѣрность царю; онъ, при первомъ извѣстіи объ измѣнѣ Мазепы, оставилъ послѣдняго и былъ однимъ изъ болѣе вѣрныхъ и дѣятельныхъ поборниковъ Скоропадскаго; но, оказавшись благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, Танскій, по личному характеру своему, представлялъ одинъ изъ болѣе безнравственныхъ типовъ тогдашней козацкой старшины; честолюбивый и своекорыстный, онъ не разбиралъ средствъ тамъ, гдѣ чуялъ поживу, низкопоклонный съ сильными онъ опирался на нихъ для того, чтобы своевольничать со слабыми; благонадежность его была скорѣе плодомъ разсчета, никогда его не обманывавшаго, чѣмъ глубокаго убѣжденія; по крайней мѣрѣ такъ заставляла думать минувшая его карьера; выдвинутый тестемъ своимъ, Паліемъ, онъ его оставилъ въ минуту паденія, взявъ отъ Мазепы въ подарокъ нѣсколько селъ и перешелъ на сторону послѣдняго; потомъ оставилъ онъ и Мазепу, въ свою очередь, когда оказалось, что сила перестала быть на его сторонѣ и, сблизившись съ Скоропадскимъ, рѣшился, пользуясь ус-

---

[1]) М. А. Максимовичъ, сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ, стр 33—34.

тупчивостью и слабостью характера этого гетмана, улучшить свое благосостояніе докучливыми домагательствами. Онъ сталъ требовать Бѣлоцерковскаго полка, разсчитывая какъ на повышеніе въ должности, такъ и на возможность обогатиться на счетъ шляхты, пользуясь отношеніями установленными къ ней Паліемъ.

Между тѣмъ Скоропадскій, не рѣшавшійся ни на отказъ Танскому, по мягкости нрава, ни на полное его удовлетвореніе, по причинѣ извѣстной ему нерѣшительности отношеній Русскаго правительства къ западной Украинѣ, выбралъ средній путь, полумѣру: онъ назначилъ Танскаго наказнымъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ и извинился въ этомъ назначеніи передъ канцлеромъ, объясняя свой поступокъ докучливостью Танскаго; Головкинъ одобрилъ распоряженіе гетмана и Танскій отправился въ Бѣлую Церковь въ началѣ марта 1710 года. Послѣ его прибытія шляхта кіевская отправила къ нему посольство съ просьбою отмѣнить стѣснительныя для нея распоряженія Палія. Неизвѣстно что отвѣчалъ Танскій, но вѣроятно онъ на время приудержался отъ наступательнаго движенія на Полѣсье; по крайней мѣрѣ до конца 1710 года жалобъ на него со стороны шляхты не было. Время это Танскій употребилъ на то, чтобы обеспечиться со стороны Россіи и цѣли этой онъ достигъ заискиваніемъ дружбы и заявленіемъ преданности ближайшему Русскому начальнику, кіевскому губернатору, князю Голицыну [1]).

Между тѣмъ съ концемъ 1710 года обстоятельства перемѣнились. Петръ I задумалъ войну съ Турціею, вызванную какъ интригами и вліяніемъ при Турецкомъ дворѣ Карла XII, такъ и призывомъ Россіи на помощь угнетенными

---

[1]) См. №№: CCLXVIII, стр. 709; CCLXXVIII, стр. 731; CCLXXVII, стр. 728; также матеріялы Судіенка, Т. II, стр. 152.

христьянами Балканскаго полуострова. Для того, чтобы вести успѣшно войну съ Турками и имѣть прочное вліяніе на дѣла Придунайскаго края, Россіи необходимо было обеспечить за собою владѣніе западною Украиною. Это значеніе послѣдней области понималъ и Карлъ XII и потому, пока Русскія войска собирались къ походу, онъ, желая предупредить ихъ и занять страну, лежавшую на пути въ Турцію, собралъ всѣ, бывшія у него подъ рукою, силы и бросилъ ихъ на западную Украину. Пестрая толпа, состоявшая изъ Бѣлогородской и Буджацкой татарскихъ ордъ подъ начальствомъ самаго хана, изъ польскихъ хоругвей Шведской партіи, находившихся въ Бендерахъ при Карлѣ XII подъ начальствомъ кіевскаго воеводы, Іосифа Потоцкаго, свирѣпствовавшаго нѣкогда надъ подольскими крестьянами въ 1702 году и старосты Галецкаго, нѣкогда Бѣлоцерковскаго коменданта, сдавшаго эту крѣпость Палію въ томъ же 1702 году, изъ запорожцевъ, изгнанныхъ изъ Сѣчи Петромъ I и изъ горсти козаковъ ушедшихъ въ Бендеры вмѣстѣ съ Мазепою въ 1709 году—вся эта разнородная сборная дружина перешла въ началѣ марта 1711 года черезъ Днѣстръ и разсѣялась по западной Украинѣ; главное начальство надъ этимъ войскомъ принялъ избранный, бывшею въ Бендерахъ, козацкою старшиною гетманъ, Филипъ Орликъ, онъ предпослалъ своему вторженію «прелестные универсалы» къ жителямъ края. Неожиданное вторженіе Орлика застало и войска, и жителей, и начальниковъ въ расплохъ. Жители, наскучивъ неопредѣленнымъ положеніемъ, не принятые окончательно Россіею и постоянно угрожаемые выдачею полякамъ, притомъ недовольные внутреннимъ управленіемъ полковниковъ, наставленныхъ Мазепою и Скоропадскимъ, не оказывали сопротивленія; большинство ихъ осталось индеферентными при приближеніи Орлика; не желая испытывать борьбы съ нимъ и мести его дружины,

мѣстечка и города сдавались, многіе даже, подобно Богуславцамъ и Корсунцамъ, поддавались на его прелести и приставали къ нему; русскіе начальники, недовѣряя правобережнымъ полковникамъ, требовали, чтобы они прислали женъ и семейства свои въ Кіевъ, для большей якобы ихъ безопасности; князь Голицынъ совѣтовалъ Скоропадскому согнать жителей въ крѣпости или поближе къ Днѣпру, села же и мѣстечка сжечь; но исполнить совѣты и приказанія было нѣкогда. Орликъ овладѣлъ Немировомъ, разбилъ подъ Лысянкою енеральнаго ассаула Бутовича, отправленнаго противъ него Скоропадскимъ, овладѣлъ Богуславскимъ и Корсунскимъ полками. Самусь, напрасно просившій помощи, долженъ былъ уступить. Только Галаганъ и Танскій успѣли собрать кое какія силы и заперлись въ своихъ полковыхъ городахъ. Князь Голицынъ ободрялъ ихъ, обѣщалъ скорую помощь, напоминая Танскому вѣрность его тестя, совѣтовалъ подражать его примѣру и держаться въ Бѣлой Церкви. Но пока помощь могла быть прислана, силы Орлика начали сами собою быстро таять и ему нечѣмъ было поддержать свой успѣхъ. Его разнородная дружина пошла въ разбродъ. Татары, поживившись добычею, разрушивъ всѣ церкви и монастыри въ южной Украинѣ и расхитивъ ихъ имущество, повернули вмѣстѣ съ Ханомъ въ низовья Днѣпра, подъ предлогомъ, что они будутъ дѣйствовать тамъ противъ русскихъ крѣпостей. Галецкій, командовавшій поляками, отправился въ Полѣсьѣ и на Волынь, съ намѣреніемъ оживить Шведскую шляхетскую партію и поддержать Потоцкаго, ворвавшагося въ Речь Посполитую со стороны Чермной Руси. Орликъ съ незначительнымъ количествомъ оставшихся татаръ и поляковъ, съ запорожцами и своими козаками, набравъ сколько можно было Богуславцевъ и Корсунцевъ, подступилъ 25 марта подъ Бѣлую Церковь; но двѣ его попытки на приступъ были отбиты; онъ уда-

лился въ Хвастовъ и вскорѣ, услышавъ о приближеніи Русскихъ войскъ, ретировался обратно за Днѣстръ. [1]) Набѣгъ его остался безъ послѣдствій, но онъ указалъ русскому правительству всю важность западной Украины при столкновеніи съ Турціею. Очевидно было, что если война Турецкая будетъ имѣть успѣшный исходъ, то Россіи невозможно будетъ возвратить Украину Польшѣ, такъ какъ при этомъ условіи, не могли быть упрочены никакія выгоды, полученныя въ случаѣ удачнаго исхода похода на Дунаѣ. Отъ исхода Турецкой войны зависѣла такимъ образомъ участь западной Украины.

Между тѣмъ Танскій, почувствовавъ еще въ концѣ 1710 года эту перемѣну взгляда русскаго правительства на Украину, сталъ дѣйствовать смѣлѣе; въ февралѣ 1711 года онъ былъ обеспеченъ доказательствомъ безошибочности своего наблюденія: Скоропадскій прислалъ ему грамоту на должность «совершеннаго» Бѣлоцерковскаго полковника [2]). Ободренный такимъ образомъ, Танскій началъ свою дѣятельность съ того, что воспользовался обстоятельствами, созданными Паліемъ въ кіевскомъ Полѣсьи, и сталъ эксплуатировать шляхетскія имѣнія и села, поселенныя въ Хвастовщинѣ, въ свою пользу. Шляхта кіевская, обрадованная смертью Палія, помышляла было уже о возвратѣ въ свои имѣнія, о возстановленіи земскихъ сборовъ съ воеводства, шляхетскихъ гродскихъ судовъ, о возвращеніи Бѣлой Церкви, содержаніи въ ней гарнизона на своемъ жалованіи и т. п. Вскорѣ ей пришлось разочароваться; въ замѣнъ Палія являлась личность, правда не столько враждебная дворянамъ по принципу, но за то

---

[1]) Матеріялы Судіенка, Т. II, стр: 23, 28, 29, 32, 38 и 422; также См. №№: CCLXXXIV, стр. 750 и CCLXXXIII, стр. 749.

[2]) См №: CCLXXXII, стр. 248.

не менѣе Палія стѣснявшая шляхту въ пользованіи имуществомъ. Въ теченіи года шляхта кіевская трижды собирается на сеймики и каждый разъ ограничивается отправкою писемъ къ Танскому и посольствъ съ плачевными на него жалобами: къ королю, польскимъ гетманамъ, къ Скоропадскому, къ князю Голицыну, къ фельдмаршалу Шереметеву, къ князю Меньшикову, наконецъ къ самому Петру I. Въ инструкціяхъ, выданныхъ своимъ посламъ, шляхта говоритъ: «козаки по прежнему занимаютъ наши имѣнія въ окрестностяхъ: Житомира, Хвастова, Бѣлой Церкви, Бердичева, Бышева, Котельни, Паволочи и Овруча.... панъ Танскій, полковникъ Хвастовскій, не допускаетъ насъ собирать доходы и подати даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ козаки его временно только занимаютъ квартиры въ качествѣ союзниковъ Речи Посполитой..... и причиняетъ намъ невыносимыя кривды. Онъ, какъ пьявка, сосетъ кровь изъ подданныхъ нашихъ и имѣнія наши до того разоряетъ, что къ нимъ можно примѣнить слова: «гдѣ стояла Троя, тамъ теперь волнуется созрѣвшая жатва!» Но въ нашихъ селахъ даже и жатва не волнуется, они превращены въ голую пустыню!...... панъ Танскій, вопреки трактатамъ и установленнымъ границамъ, засѣлъ на нашей землѣ и не только владѣетъ имѣніями нашими шляхетскими, но изъ нихъ сосетъ, какъ кровопійца, дымовую подать, принуждая насъ давать ежемѣсячно деньги и провіантъ, причиняя намъ разныя непристойности, вредныя для нашей свободы и неприличныя дворянскому нашему званію» [1]).

Но на этотъ разъ судьба выручила шляхту. Вслѣдствіе неудачнаго похода на Дунаѣ, Петръ I заключилъ Прутскій договоръ. Въ числѣ его статей Русское правительство обязывалось отказаться отъ Украины и вы-

---

[1]) См. №№: CCLXXIX, стр. 733.; CCLXXXI, стр. 743 и CCLXXXVI, стр. 752.

вести свои войска изъ предѣловъ Речи Посполитой. На исполненіи этихъ статей Турція настаивала безотступно и, послѣ долгихъ переговоровъ, онѣ были окончательно подтверждены въ 1713 году [1]). Такимъ образомъ неблагополучный исходъ Турецкаго похода порѣшилъ на этотъ разъ судьбу западной Украины—козачество должно было уступить въ ней мѣсто шляхетству. 23 сентября 1711 года былъ изданъ указъ царскій, въ которомъ сказано было, что «тогобочную, заднѣпрскую Украину надлежитъ оставить полякамъ, тамошнимъ же полковникамъ, съ полковою, сотенною и рядовою козацкою старшиною, съ козаками и протчими, въ подданствѣ нашемъ вѣрно быть желающими, зъ женами и дѣтьми, съ ихъ движимыми пожитками, на жилище перейти въ малую Россію, въ тамошніе полки, гдѣ кто пожелаетъ...... со всѣхъ мѣстечекъ, селъ и деревень обитателей перевесть въ Малую Россію и тѣмъ землямъ быть впустѣ всегда» [2]). И такъ указъ предполагалъ возвратить западную Украину къ тому положенію запустѣнія, въ которомъ она находилась до 1683 года—возстановить опять пустыню, начинавшую заселяться медленно и съ большими усиліями. Гетманъ Скоропадскій и козацкая старшина принялись ревностно приводить въ исполненіе предложенную мѣру. Многіе жители приняли ее какъ лучшее изъ двухъ золъ—какъ выборъ между панами козацкими и панами польскими—остальные были переведены полковниками насильно. Еще въ началѣ 1711 года Скоропадскій предлагалъ правительству перегнать на лѣвый берегъ Днѣпра народонаселеніе тѣхъ мѣстностей, которыя подчинились Орлику во время его набѣга; мѣра эта была одобрена и отчасти приведена въ

---

[1]) Соловьевъ, Т. XVI, стр 92 и 127.

[2]) См. № CCLXXXVII стр. 756.

исполненіе: 3-го мая Петръ писалъ къ Меньшикову: «Заднѣпрская Украина вся была къ Орлику и къ воеводѣ кіевскому (Потоцкому) пристала, кромѣ Танскаго и Галагана, но оную изрядно наши вычистили и оныхъ скотовъ иныхъ за Днѣпръ къ гетману, а прочихъ, чаю, въ подарокъ милости вашей, въ губернію на пустыя мѣста пришлемъ» [1]. Послѣ объявленія указа, переселеніе приняло гораздо большіе и основательные размѣры; съ конца 1711 до половины 1713 года гетманъ Скоропадскій, полковники: Танскій и Иваненко, генералъ Ренъ и другіе начальники занялись усердно переселеніемъ; они нереводили поочередно села и мѣстечка западной Украины въ восточную— потянулись длинные обозы съ семействами и имуществомъ переселенцевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбирали церкви, складывали на возы и увозили съ собою—оставленные дома и строенія зажигали. Начавшись отъ Днѣстра, выселеніе подвигалось къ Днѣпру; въ половинѣ 1712 года очередь дошла и къ Бѣлоцерковскому полку. Здѣсь народонаселеніе было нѣсколько гуще, переселеніе вслѣдствіе того представляло болѣе трудностей; для облегченія ихъ предложено было слѣдующее средство: Танскому предоставили должность кіевскаго полковника и поручили ему помѣстить жителей Бѣлоцерковскаго полка въ прилегавшей къ нему полосѣ полка кіевскаго, лежавшей на правой сторонѣ Днѣпра, между Вышгородомъ, Мотовиловкою, Васильковомъ, Трипольемъ и Стайками—полоса эта, въ силу статей московскаго договора, должна была остаться за Россіею. Въ 1712 году началось переселеніе Хвастовщины, понуждаемое посольствами кіевской шляхты какъ къ Танскому, такъ и къ русскимъ начальникамъ, требовавшими скорѣйшаго очищенія края и сдачи Бѣлоцерковской крѣ-

[1] Соловьевъ, Т. XVI, стр. 75.—Матеріялы Судіенка, Т. II, стр, 36.

пости [1]); оно кончилось едва къ исходу 1714 года, такъ какъ только въ это время крѣпость была передана польскимъ коммисарамъ.

Между тѣмъ въ опустѣвшую Украину вошли съ двухъ противуположныхъ сторонъ два ополченія. Съ юга явились запорожцы и малочисленные сторонники Орлика, полагавшіе, что Турки сохранятъ власть надъ западною Украиною послѣ отказа отъ нея Россіи, и что Орликъ сдѣлается правобережнымъ гетманомъ подъ покровительствомъ султана. Запорожскій полковникъ Поповичъ занялъ Умань и берега Буга, прикрываясь именемъ турецкаго правительства; съ сѣвера, изъ Волыни вошелъ въ Брацлавщину во главѣ 12,000 польскаго войска воевода краковскій, Юрій Любомирскій, нѣкогда подвизавшійся противъ Самуся, въ 1702 году, въ званіи подкоморія короннаго. Любомирскій публиковалъ въ пустынѣ универсалъ, которымъ принималъ Украину во владѣніе отъ имени Речи Посполитой. Одинъ изъ запорожскихъ старшинъ, по имени Перебыйнисъ, отвѣтилъ на универсалъ письменнымъ протестомъ, утверждая, что если Русскіе, вслѣдствіе вымагательства Турокъ, и очистили Украину, то изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы должны были ее занять Поляки. Перебыйносъ объявлялъ, что запорожцы заняли Украину отъ имени Султана и требовалъ удаленія Любомирскаго. Конечно послѣдній не обратилъ на этотъ протестъ никакого вниманія— всѣ силы Поповича и Перебыйноса заключались только въ нѣскольнихъ сотняхъ запорожцевъ—не смотря на эту неравномѣрность силъ, козаки пытались защищаться. Они напали у Погребыщъ на передовой польскій отрядъ и разбили его; но когда явился Любомирскій со всѣмъ сво-

---

[1]) Матеріялы Судіенка Т. II, стр. 347 и 355.; Краткое лѣтоизобразит. описаніе, стр. 91.; также см. №№: CCXC, стр. 763; CCXCI, стр. 768 и CCXCVIII, стр. 731.

имъ войскомъ, дальнѣйшее сопротивленіе оказалось невозможнымъ и запорожцы удалились въ южныя степи. Нѣкоторое время они врывались еще въ Украину небольшими партіями и старались беспокоить поляковъ, но успѣхи ихъ не могли быть сколько нибудь серьезны. Такъ въ 1713 году бывшій прилуцкій полковникъ, Горленко, занялъ на время Брацлавль; сотникъ Швачка появился въ Богуславѣ и угрожалъ оттуда Триполію; но попытки эти, по малочисленности запорожцевъ, скорѣе могутъ быть приняты за рекогносцировки и имѣли болѣе значеніе демонстрацій, чѣмъ серьезныхъ походовъ. У Горленка было только 250 козаковъ а у Швачки одна сотня. Наконецъ послѣ заключенія Турціею окончательнаго договора въ 1713 году, запорожцы потеряли всякую надежду на поддержку съ ее стороны и должны были отказаться отъ всякихъ видовъ на западную Украину [1]).

Такимъ образомъ исчезло на всегда въ этой области козачество, возстановленное на время въ прежнемъ видѣ и въ формѣ согласной съ пониманіемъ народа трудами Палія и его сподвижниковъ. Протестъ Перебыйноса и Погребыщская стычка—это послѣднее столкновеніе исчезающей козаччины съ Поляками [2]). Поляки были теперь

[1]) Матеріялы Судіенка Т. II, стр. 50 и 52; Otwinowski, стр. 190; также см. № CCXCIII, стр. 770.

[2]) На правой сторонѣ Днѣпра отъ козачества осталось одно имя—которое паны присвоили своимъ надворнымъ милиціямъ и прислугѣ; у крупныхъ землевладѣльцевъ югозападнаго края: Потоцкихъ, Любомирскихъ, Ржевускихъ и т. д. въ теченіе XVIII вѣка вошелъ въ употребленіе обычай держать при экономіяхъ значительные вооруженные отряды, набиравшіеся изъ крестьянъ, подвластныхъ тѣмъ же экономіямъ; отряды эти составляли почетную стражу при особѣ пана; исполняли его распоряженія, относившіяся къ доминіяльной полиціи, и, по желанію пана, посылались иногда въ помощь войскамъ речипосполитой во время войны. Милиція эта, замѣнившая прежнія надворныя шляхетскія хоругви, удержала за собою названіе козаковъ; они управлялись сотниками, ими же избираемыми и утвержденными паномъ, а во главѣ всей надворной милиціи обыкновенно стоялъ шляхтичъ, носившій титулъ полковника. Конечно, кромѣ имени и костюма, надворная козаччина не имѣла ничего общаго съ прежнимъ козачествомъ, составлявшимъ свободное, владѣвшее землею и пользовавшееся самоуправленіемъ земское сословіе.

полными и единственными обладателями плодоносной пустыни. Едва кое-гдѣ на краяхъ ея оставались слабые остатки народонаселенія. Такъ, въ богатой нѣкогда и многолюдной Могилевской волости, лежавшей еще въ Подоліи, внѣ границъ Украины, и выставлявшей въ былыя времена цѣлый козацкій полкъ, все народонаселеніе—съ женщинами и дѣтьми включительно—состояло теперь изъ 76 душъ; самъ городъ Могилевъ на Днѣстрѣ, процвѣтавшій нѣкогда торговлею и служившій складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, отправляемыхъ изъ Турціи, Молдавіи и Валахіи въ Россію и Польшу, вмѣщалъ въ себѣ теперь—христіянъ и евреевъ обоего пола и всѣхъ возврастовъ 142 души [1]). Управляющій кіевскаго, католическаго епископа, явившійся въ 1714 году принимать во владѣніе Хвастовщину, не нашелъ въ ней буквально ни одной души, а въ другой обширной епископской волости—Черногородской, оставалось только 8 человѣкъ [2]). Региментарь Галецкій, перешедшій уже въ службу къ Августу II и отправленный съ польскимъ войскомъ на зимнія квартиры въ кіевское воеводство, не находилъ возможности размѣстить 1200 солдатъ не только во всей Украинѣ, но даже въ части Полѣсія, лежавшей къ югу отъ Тетерева. Въ плачевномъ письмѣ къ шляхтѣ кіевскаго воеводства, назначившей ему квартиры въ мѣстахъ необитаемыхъ, онъ писалъ: «Вы отправили нѣсколько сотъ конницы на квартиры въ Украину и прислали мнѣ роспись дымовъ въ пустынѣ...... вы постарались вытолкать войско въ незаселенныя мѣста на посмѣяніе. Назначили въ Вильскъ 25 человѣкъ солдатъ, между тѣмъ какъ въ мѣстечкѣ только 3 человѣка жителей, въ Мирополь—тридцать шесть солдатъ, между тѣмъ какъ

[1]) См. №: CCXCII, стр. 769.
[2]) См. № CCXCV, стр. 773.

въ немъ нѣтъ теперь и живой собаки; штабъ мой вы помѣстили въ совершенно пустыхъ: Бердичевѣ и Слободыщахъ; присылаете мнѣ квартирный листъ въ Карповцы и Мошны,—въ Мошны, гдѣ уже тридцать лѣтъ нѣтъ ни собаки. Потрудитесь милостивые паны прибыть сюда лично и повѣрить мои слова». Шляхтичи вѣроятно должны были признать всю справедливость этихъ жалобъ, потому что согласились выдать Галецкому на содержанie войска 55,000 злотыхъ, лишь бы онъ его не кормилъ на счетъ заселеннаго Полѣсія [1]).

Итакъ шляхта опять владѣла Украиною—но въ исторической судьбѣ шляхты заключался извѣстный фатализмъ, вытекавшій изъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложился шляхетскій общественный строй.—Шляхта, возвратившись въ свои запустѣлыя села, необходимо должна была стараться о созваніи въ нихъ рабочаго сословія, а къ рабочему сословію она не могла стать въ иныя отношенія, какъ въ панскіе; она понимала одинъ только видъ работниковъ — крѣпостныхъ рабовъ, надъ личностью, имуществомъ, совѣстью и вѣрою которыхъ шляхта приписывала себѣ полное самовластіе; такимъ образомъ, зазывая обратно ушедшее народонаселеніе и приготовляя для него прежнія рабовладѣльческія отношенія, шляхта сама вызывала и усиливала враждебную для ней народную силу и находилась въ необходимости вызвать ее. Крестьянское народонаселеніе дѣйствительно возвратилось, заманенное срочными льготами панскихъ слободъ, но когда сроки кончились и пришлось подчиниться полному шляхетскому произволу, тогда и должна была вспыхнуть народная реакція. Реакція эта и представляетъ единственную картину внутренней жизни западной Украины до самаго конца XVIII сто-

[1]) См. №№: CCXCVI, стр. 775 и CCXCVII, стр 777.

лѣтія; она, за отсутствіемъ козачества, должна была искать точки опоры въ новой измѣненной формѣ протеста и нашла ее *въ Гайдамакахъ*. Не даромъ въ первый же годъ водворенія Поляковъ въ Украинѣ—въ пустой степи собирались уже небольшія скопища всякаго сброду, разъѣзжавшія по пустымъ селищамъ между Немировомъ и Васильковомъ и промышлявшія грабежемъ купеческихъ обозовъ [1]). Скопищамъ этимъ, въ началѣ ничтожнымъ и исключительно занятымъ разбоемъ, назначено было со временемъ мало по малу овладѣть сочувствіемъ народной массы и сдѣлаться средоточіемъ ея реакціи противъ шляхты. Гайдамакамъ предстояла такая роль, какую въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія играли въ Сербіи Гайдуки—они представляли зародышъ крестьянскаго и народнаго возстанія.

Владиміръ Антоновичъ.

---

[1]) См. № CCXCIV, стр 772

ОПЕЧАТКИ ВЪ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬѢ.

страница:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
13	3 (примѣч.)	именнаяперепись	именная перепись
21	1 (примѣч).	закоповъ	законовъ
29	23	бсзумнѣ	безумнѣ
31	22	сама	самая
34	19	лагеръ	лагерь
36	4 (примѣч.)	Лѣтоись	Лѣтопись
47	22	лошади и волы, лучшіе	лошадей и воловъ, лучшихъ
«	23	остальные	остальныхъ
«	31	нѣжели	нежели
54	7 (примѣч.)	Войничовичъ	Войниловичъ
55	26	пстязанія	истязанія
61	5	сошенъ	сотень
«	4 (примѣч.)	ниродныхъ	народныхъ
64	10 (примѣч.)	Otuźnowski	Otwinowski
66	20	мѣнѣе	менѣе
74	1 (примѣч.)	17 церквей	7 церквей
75	1 (примѣч.)	Соловевъ	Соловьевъ
76	25	Тегеровъ	Тетеревъ
«	5 (примѣч.)	объего	объ его
82	1 (примѣч.)	Гробянка	Грабянка
«	5 (примѣч.)	насѣки	пасѣки
83	25	жаловолись	жаловались
85	11	стрѣмленіе	стремленіе
«	8 (примѣч.)	призывали	призвали
«	13 (примѣч.)	кресгьянъ	крестьянъ
86	29	грождансkаго	гражданскаго
87	23	магнацкой	магнатской
92	16	польскіе	польскія
98	27	Полесье	Полѣсье
99	22	невытѣснять	не вытѣснять
101	1 (примѣч.)	Przezckiedzi	Przezdziecki
108	29	владеніи	владѣніи
121	26	стрѣмились	стремились

страница:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
123	1	новосформированнаго	новосформированнаго
135	8	Онн	Они
137	8	воеводсва	воеводства
«	14	сеймикомъ	сеймикомъ;
140	20	запретить	запретилъ
142	28	пояснняя	поясняя
«	31	приходиться	приходится
143	6	зпаченіемъ	значеніемъ
144	17	подасть	подаетъ
153	10	могуть	могутъ
«	16	шляхту и	шляхту,
161	8	полномичіе	полномочіе
162	22	прикрываешся	прикрываешься
167	6	освободитъ	освободить
182	2 (примѣч.)	Мижигорскомъ	Межигорскомъ
184	24	занятамъ	занятомъ
192	18—19	Перебійнисъ	Перебійносъ